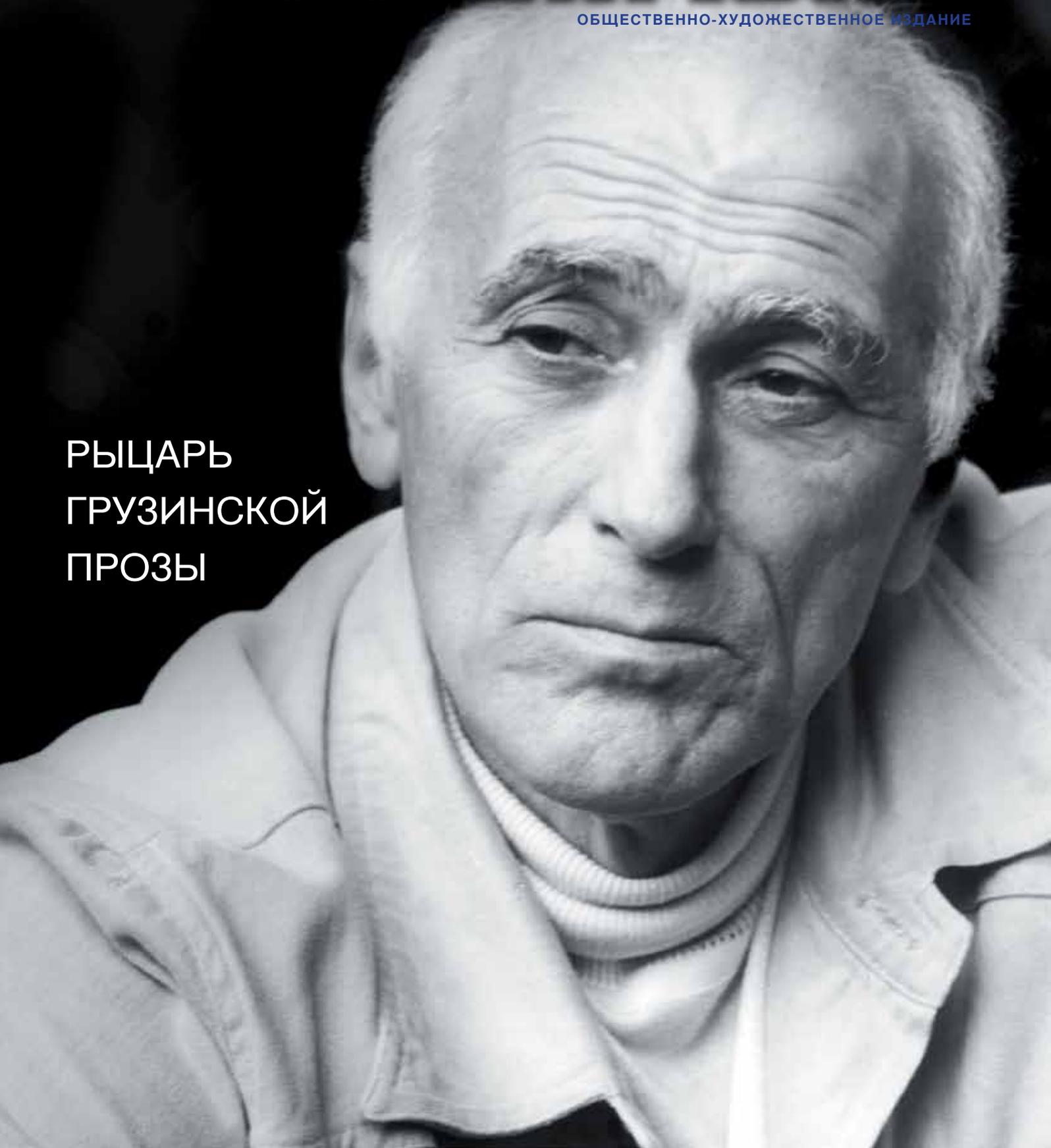

№12
Декабрь 2011

РУССКИЙ КЛУБ

ОБЩЕСТВЕННО-ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ

РЫЦАРЬ
ГРУЗИНСКОЙ
ПРОЗЫ

🕒 23:00

🕒 7:00

Мир без преград

ВТБ сегодня – это более 30 компаний в 20 странах мира. Когда мы действуем вместе, расстояния и время – больше не преграда. Объединяя усилия, мы открываем новые возможности.

8 (800) 200-77-99, www.vtb.ru

ОАО Банк ВТБ, ВТБ 24 (ЗАО), ОАО «Банк ВТБ Северо-Запад», ОАО ВТБ Банк, ЗАО Банк ВТБ (Беларусь), ЗАО «Банк ВТБ (Армения)», JSC "VTB Bank (Georgia)", ДОО АО Банк ВТБ (Казахстан), ОАО Банк ВТБ (Азербайджан), Banco VTB Africa SA, VTB Bank (Austria) AG, VTB Bank (Deutschland) AG, VTB Bank (France) SA., ЗАО «ВТБ Капитал», VTB Capital plc., VTB Europe Strategic Investments Ltd., VTB Capital Markets Limited, ООО «Холдинг ВТБ Капитал Ай Би», ЗАО «Холдинг ВТБ Капитал», ООО СК «ВТБ Страхование», ООО ВТБ Факторинг, НПФ ВТБ Пенсионный фонд, ЗАО ВТБ Долговой центр, ЗАО «ВТБ-Девелопмент», ЗАО «ОДК», VTB Capital (Namibia) (Pty) Ltd., ЗАО «ВТБ Управление активами», ОАО «ВТБ-Лизинг», VTB Leasing (Europe) Ltd., VTB-Leasing Capital Ltd., ООО «ВТБ-Лизинг Финанс»

РУССКИЙ КЛУБ

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

РУКОВОДИТЕЛЬ ПРОЕКТА
НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ

Главный редактор
Александр Сватиков

Заместитель главного редактора
Арсен Еремян

Редакционная коллегия:
Вера Церетели, Алла Беженцева,
Донара Канделаки, Нина Зардалишвили

Художник-дизайнер
Ираклий Кипиани

Технический редактор
Давид Абуладзе

Компьютерная графика и верстка
Давид Элбакидзе-Мачавариани

Допечатная подготовка
Алена Деняга, Нино Цитландадзе

№12 (74)
Декабрь 2011

Адрес редакции:
Грузия 0105, Тбилиси, пр. Руставели, 2
тел./факс: (995 32) 93-43-36
E-mail: rusculture@mail.ru

www.rcmagazine.ge
www.russianclub.ge

СОДЕРЖАНИЕ

КАЛЕНДАРЬ	ОТ А ДО Я	4
РУССКИЙ МИР	БОЛЬШЕ, ЧЕМ РОССИЯ	6
ФЕСТИВАЛЬ	ТАК КИМ ТЫ И ОСТАЛСЯ!	10
	МАРКЕТИНГ ЧУДА	14
ЮБИЛЕЙ	РЫЦАРЬ ГРУЗИНСКОЙ ПРОЗЫ	17
О, СПОРТ!	СПАРТАКОВСКИЙ ХАРАКТЕР	24
ЗНАЙ НАШИХ!	НА РОДИНЕ ЧЕХОВА	28
НАСЛЕДИЕ	«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»	30
ДАТА	ОСТАЛСЯ В МУЗЫКЕ	34
ТРАДИЦИЯ	ДИАЛОГ КУЛЬТУР	37
МУЗЫКАЛЬНЫЕ ОТКРОВЕНИЯ	ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ	38
ПРЕЗЕНТАЦИЯ	ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР	42
ПОДВИГ	ЖИВИ И ПОМНИ	44
КИНОКЛУБ	СБЛИЖАЮЩАЯ МАГИЯ	46
ИСТОРИЯ	В ЦЕНТРЕ ИСКУССТВА	48
ИЗ ПЕРВЫХ УСТ	НЕ ЛЕТИ ТАК, ЖИЗНЬ...	50
ПРИЗНАНИЕ	МАСТЕР	53
ПРЕМЬЕРА	ДВА ГОДА СПУСТЯ	54

На обложке - Чабуа АМИРЭДЖИБИ

© ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКЕ ССЫЛКА НА
«РУССКИЙ КЛУБ» ОБЯЗАТЕЛЬНА
В ТОРГОВУЮ СЕТЬ ЖУРНАЛ НЕ ПОСТУПАЕТ

ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «РУССКИЙ КЛУБ»:

Зураб Абашидзе, Гига Лордкипанидзе, Роин Метревели, Нани Брегвалдзе, Джансуг Чарквиани, Гулбат Торалдзе, Важа Азарашвили, Отар Мегвинетуахуцеси, Ирма Сохадзе, Гоги Кавтарадзе, Гуджа Бубутеишвили (Грузия), Александр Эбанюдзе (Россия), Олег Воловик (Венгрия), Давид Маркиш (Израиль), Валентина Полканина (Белоруссия), Алексей Цветков (США), граф Петр Шереметев (Франция), Евгений Табачников (Россия), князь Никита Лобанов-Ростовский (Великобритания), Михаил Багдасаров (Армения), Михаил Носов (Россия)

ISSN 1512-2972

UDS: 008.1(47922:470)
C-24

от до

МАРШ БОРОДАЧЕЙ

2 декабря 1956 года, то есть 55 лет тому назад, началось одно из самых успешных приключений, о которых мечтали практически все юноши во все времена. С крошечной полузатопленной яхты «Гранма» на кубинский берег сошел вооруженный отряд в восемьдесят один человек. С этого началась кубинская революция. Нельзя сказать, что тогдашние власти выпустили из виду появление столь крупного соединения бунтовщиков – на самом деле, они были хорошо осведомлены о повстанцах, и, наверняка, еще в Мексике в окружении героического команданте Фиделя Кастро были осведомители гаванского диктатора Батисты. Измученные двухнедельной качкой, молодые революционные романтики попали под пулеметный огонь прямо при высадке. Спаситься удалось только двенадцати. Среди них были братья Кастро – Фидель и Рауль, Камилло Сьенфуэгос и знаменитый аргентинец Че Гевара, тогда еще партизанский врач. Разжаловал он себя в рядовые партизаны прямо при высадке. Перед ним стоял выбор: какой из неподъемных рюкзаков прихватить с собой в горы – с боеприпасами или с медикаментами? Выбрал он боеприпасы, предопределив свою дальнейшую героическую судьбу. На укрывшуюся в горах Сьерра-Маэстра дюжину храбрецов власти не обращали больше никакого внимания, а напрасно. Ровно через два года и один

месяц 3-я колонна повстанческой армии под командованием того же Че вошла в Гавану. Тридцатитысячная армия диктатора Батисты капитулировала перед восемью сотнями симпатичных молодых «барбудос», которые поклялись не брить бороды до окончательной победы. Но очевидно, их барышням это так понравилось, что бороды молодые люди продолжали носить и потом.

ДЕНЬ ОТКРЫТИЙ И ИЗОБРЕТЕНИЙ

3 декабря – признанный день изобретений. Почему-то именно в этот день было объявлено об очень многих новинках в истории – остановимся на некоторых из них, причем как раз на тех, которые, по сути, изобретениями и не являлись.

В 1586 году в Англию из Америки впервые завезли картофель. По легенде, кстати, в один день с табаком. Очевидно, имелось в виду возвращение экспедиции знаменитого Уолтера Рэлей – любимица английской королевы Елизаветы I, эрудита, красавца и искателя приключений. На самом деле, полное вранье. Знаменитый Рэлей всего лишь популяризировал курение трубки и выращивание картофеля, а завезли их в Англию еще лет за десять до его рождения, и не из Америки, а из Испании и Португалии.

В 1621 году Галилео Галилей изобрел телескоп. Тоже не совсем так. Сконструировал – да, а изобрел – нет, и еще раз нет. Ибо аж за пятьсот лет до его рождения в средневековых ученых трактатах встречаются упоминания об устройствах с линзами – предшественниках микроскопов и телескопов. Галилей изготовил два телескопа, благодаря которым и совершил свои знаменитые астрономические открытия – спутники Юпитера и кольца Сатурна.

1931 год – в продаже появляется знаменитое средство против тошноты и похмелья «Алка Зельцер». С этого момента все пьяницы мира должны были вздохнуть с облегчением. Кроме русских, которые столетиями использовали вместо этого капустный рассол.

В этот же день, 3 декабря, в 1596 году в итальянском городе Кремона родился Николо Амати – итальянский скрипичный мастер. Скрипки он, конечно, не изобретал, скорее, тоже усовершенствовал. И вместе со своими земляками Страдивари и Гварнери составил славу родной Кремоны, как города лучших в мире скрипок.

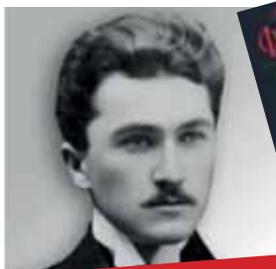
1240 ЛЕТ ОБЪЕДИНЕННОЙ ЕВРОПЫ

4 декабря можно считать по праву своеобразным днем объединенной Европы. Потому что именно в этот день 1240 лет назад знаменитый Шарлемань – Карл Великий первым объединил практически все земли известной тогда Европы. Он стал единовластным правителем Франкского королевства и императором Рима. Его полный титул звучал скромно, но солидно: «Карл милостивейший, возвышенный, коронованный Богом, Великий, властитель-миротворец, правитель Римской империи, милостью Божьей король франков и лангобардов». Теперь титулы столь красиво не звучат.

70 ЛЕТ НАПАДЕНИЯ НА ПЕРЛ-ХАРБОР

Ровно 70 лет назад, 7 декабря 1941 года на американскую военно-морскую базу Pearl Harbor на Гавайях было совершено нападение японской авиации. Бомбардировке подверглись не только корабли, но и порт, и береговые укрепления. Прямо в бухте подорвались и затонули несколько американских военных кораблей, погибло множество солдат и матросов. Так ознаменовалось вступление милитаристской Японии во Вторую Мировую войну. Обидней всего, что японцам удалось сохранить втайне от американской разведки приготовление к нападению. По счастливой случайности, японцы не сумели определить место хранения взрывоопасного топлива для многочисленной американской военно-морской армады, в противном случае база на Гавайях не смогла бы функционировать.

КОНЦЕПЦИЯ УСТАНОВКИ ДОКТОРА УЗНАДЗЕ

20 декабря 1886 года родился знаменитый психолог и философ, основатель кафедры психологии Тбилисского государственного университета и директор Института психологии Дмитрий Узнadze. Всем специалистам, как в бывшем СССР, так и за его пределами, известна созданная им концепция установки. Любопытно, что в СССР, где, как известно, «секса не было» труды доктора Фрейда, да и психоанализ в целом находились под запретом. Однако концепция Узнadze, врастающая корнями все в те же понятия западной школы психоанализа, оказалась на хорошем счету и выжила. По сути, именно благодаря Дмитрию Николаевичу советская школа психологии официально признала за человеком право не только на гражданскую сознательность, но и на подсознание.

«ЦВЕТ НЕБЕСНЫЙ, СИНИЙ ЦВЕТ»

15 декабря 1817 года в Тбилиси родился блестящий грузинский поэт, без романтических стихотворений которого уже невозможно представить себе собрание грузинской классики – Николоз Бараташвили. Его стихотворения, будучи переведенными на русский язык Борисом Пастернаком, легли на музыку и прочно заняли свое место и в культурном наследии, и в сердцах слушателей. Наиболее известна песня на его стихи про «Синий цвет». Она стала подлинно народной и в чужом, русском языке.

Судьба Николоза Бараташвили, к сожалению, полностью соответствует стереотипу о том, что настоящий поэт всегда беден и непризнан современниками. Его стихи увидели свет и получили признание уже после его смерти. Сам Николоз Мелитонович вынужден был работать государственным чиновником, хотя вряд ли ощущал в этом истинное призвание. На службе в отдаленном городке Гяндже он и завершил свой земной путь, будучи совсем молодым – ему было всего 27 лет.

САМОЕ СТАРОЕ РОЖДЕСТВО

25 декабря 336 года, то есть 1675 лет назад, в древнем Риме состоялось первое, документально подтвержденное празднество Рождества Христова. Возможно, его праздновали и раньше, но разве что в римских городских катакомбах, где прятались первые христиане. Что называется, подальше от посторонних глаз.

«ВЕСЕЛАЯ ЦАРИЦА БЫЛА ЕЛИСАВЕТ»

В ночь с 5 на 6 декабря 1741 года в результате дворцового переворота российской императрицей стала Елизавета, дочь Петра I и Екатерины I. Ее возвели на престол верные ей и памяти ее великого отца солдаты и офицеры Преображенского, Семеновского и Измайловского полков. «Гвардия решает все» - произнесла дочь великого реформатора, и в России началась блестящая Елизаветинская эпоха.

МЯЧ В КОРЗИНЕ

Ровно 120 лет назад учитель физкультуры американского города Спрингфилд по имени Джеймс Нейсмит придумал подвижную игру, чтобы хоть как-то развлечь своих учеников, которым до смерти надоели гимнастические упражнения. Он повесил на противоположных стенах спортзала корзины из-под персиков, разбил ребят на две группы, выдал им мяч и предложил забрасывать его в корзины – кто больше успеет. Два часа стоял радостный визг. После двух часов беготни по площадке игроки вместе со своим тренером сформировали основной свод правил – ведение мяча одной рукой, бросок из-за линии, блокировки и прочее. Так на свете появилась великолепная игра – «мяч в корзину» - баскетбол. И днем ее рождения официально признано 1 декабря 1891 года, примерно с 11 до 13 часов по местному массачусетскому времени.

Роб АВАДЯЕВ

БОЛЬШЕ, ЧЕМ РОССИЯ

Ассамблея Русского мира уже стала замечательной традицией для всех, кому дорого русское слово, в какой бы стране мира они ни жили. Но любая традиция сильна обновлениями. Главной новостью для всех стал город проведения Ассамблеи. На этот раз им стал Санкт-Петербург, собравший рекордное число участников – их было более тысячи из 76 стран мира. Сама атмосфера Петербурга, неразрывно связанного с русским миром, его историей и культурой, позволила взглянуть на все мероприятия новым взглядом.

Организаторы этого представительного форума – фонд «Русский мир» совместно с Международной ассоциацией преподавателей русского языка и литературы (МАПРЯЛ) расширили не только тематику обсуждений Ассамблеи, но и круг ее участников. Если в прошлом году работу Ассамблеи предварял Международный форум учителей русского языка, то на этот раз гостями юбилейной V Ассамблеи Русского мира стали участники и финалисты I Всемирного фестиваля русского языка в Санкт-Петербурге, организованного МАПРЯЛ при поддержке фонда «Русский мир» и Министерства образования и науки России. Накануне Ассамблеи подводились итоги I Всемирного фестиваля русского языка, в результате Петербург собрал 560 победителей региональных конкурсов из 74 стран мира. По словам президента МАПРЯЛ, президента Санкт-Петербургского государственного университета, академика Людмилы Вербицкой: «Это первый праздник такого рода, приобретший планетарный масштаб».

2 ноября мне удалось присутствовать на заключительной церемонии чествования победителей в Царском Селе, где прошел финальный конкурс фестиваля, состоявший из монологов-импровизаций на заданную тему, творческих письменных работ и конкурса рус-

ской песни. Место проведения было выбрано не случайно – в эти дни Царскосельский лицей праздновал свое 300-летие. Лауреатами фестиваля стали участники из Армении, Таджикистана, Туниса, Сербии, Черногории, Чехии, Австрии и Китая. На следующий день они приветствовали участников Ассамблеи со сцены концертного зала Мариинского театра музыкальным исполнением со словами: «Мы сохраним тебя, Ваше Высочество, русская речь».

В это же время в Санкт-Петербурге проходил еще один международный форум «Диалог Россия – Республика Корея». По окончании его работы участники выступили с инициативой проведения «перекрестного» Года русского и корейского языка и культуры в 2012 году. Планируется также в 2013 году провести в Москве Всемирный форум корееведов и создать постоянно действующий российско-корейский форум, а также создать Фонд поддержки совместных проектов в области СМИ. Так что границы русского мира все расширяются, в том числе, на Восток. Представители Кореи участвовали и в Ассамблее – в общении с ними поражаало их безупречное владение русским языком.

Юбилейная V Ассамблея Русского мира открылась, как всегда, 3 ноября, накануне Дня народного единства, но на этот раз не в МГУ, а в стенах нового концертного зала Мариинского театра. Масштаб мероприятия подчеркивал список лиц, направивших приветствия Ассамблее – среди них Дмитрий Медведев, Владимир Путин, патриарх Кирилл и бесчисленное множество видных государственных и общественных деятелей. В послании Путина говорилось о «консолидирующей роли» фонда «Русский мир» и МАПРЯЛ, а председатель русской православной церкви отметил «просветительскую, или даже миссионерскую роль

русского языка и словесности на всем пространстве исторической Руси».

Главная тема и девиз V Ассамблеи – «Русский язык сегодня и завтра». Тема чрезвычайно актуальная, если учесть стремительное развитие и изменение современного языка. Работу Ассамблеи открыли исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Никонов и президент Санкт-Петербургского государственного университета Людмила Вербицкая. Вячеслав Никонов сначала напомнил собравшимся, что «русский язык имеет великое прошлое», затем перевел разговор в менее торжественное русло, отметив, что в 90-е годы великий и могучий «оказался наказанным». Однако Никонов уверен, что интерес к русскому стремительно возрождается.

Людмила Вербицкая в своем выступлении говорила о направлениях работы фонда «Русский мир» и подчеркнула: само его существование свидетельствует о том, что президенту России и правительству важна судьба русского языка, они понимают необходимость его сохранения внутри страны и укрепления позиций за рубежом. Она особо выделила важность проведения I Всемирного фестиваля русского языка: «Наша мечта, чтобы планета заговорила по-русски, обязательно осуществится».

Чтобы реализовать мечты, нужны действия. Все согласились с прозвучавшей на форуме мыслью, что у русского языка великое прошлое и будущее, но есть проблемы в настоящем. Обсуждения этих вопросов проходили на двух подиумных дискуссиях. Первую – «Русский язык сегодня и завтра» вела Вербицкая, она

заострила внимание на проблеме завтрашнего дня. Российские и иностранные слависты достаточно остро озвучили существующие проблемы с языком. Президент Американских советов по международному образованию Дэн Дэвидсон подчеркнул, что в тех странах, где русский язык функционирует в системе образования, важно, чтобы экзамены можно было сдавать на удобном для учащихся языке. Он отметил, что за последние три года количество слушателей на курсах русского языка возросло на 8,9%.

Шла речь и о принятом в 2005 году Законе о русском языке. Как отметил проректор СПбГУ, профессор Сергей Богданов, закон есть, но он не действует. Санкт-Петербургский университет подготовил комментарий к закону, разработанный юристами и филологами, где четко прописаны правовые нормы. А в начале следующего года выйдет комплексный нормативный словарь литературного русского языка с комментариями, который будет полезен всем – от студентов и журналистов до госчиновников.

Профессор СПбГУ Валерий Мокиенко затронул проблему частого употребления ненормативной лексики. А причина, по его мнению в том, что в 90-е годы «наша культура была опущена ниже плинтуса. Культура русского языка – это проблема госбезопасности». Вербицкая добавила, что в Петербурге работает Совет по культуре речи

Ректор Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина Юрий Прохоров, говоря об этой проблеме, резюмировал так: «Защищать язык надо от нас самих, и защищать его должны тоже мы. С языком происходит то, что мы с ним делаем сами».

А что касается востребованности русского языка в других странах, то это четко сформулировал участник из Финляндии: это напрямую зависит от развития экономического сотрудничества с Россией. И с этим доводом не поспоришь. Он пояснил, что в Финляндии сейчас русский язык становится более востребованным, так как налаживаются экономические связи с Россией, значит, нужны люди, владеющие языком, а кроме того, возрос поток туристов из России.

Модератором второй дискуссии «История и культура в пространстве русского языка» выступил исполнительный директор фонда «Русский мир», доктор исторических наук Вячеслав Никонов.

Он сообщил важную новость – решением Президента РФ следующий год будет объявлен «Годом Истории России». «Давно пора!», – такова была реакция зала. Никонов отметил прочную связь прошлого, настоящего и будущего в развитии языка и подчеркнул, что «история страны – это во многом история языка, это то, что сплачивает нацию». О неразрывности связи русской культуры, языка и истории, о фактическом единстве этих понятий как фундаменте русскости, говорил руководитель Объединения императорских гвардейцев, исполнительный председатель общества «Диалог Франция – Россия» князь Александр Трубецкой. «Принято считать, что русским языком пользуются и понимают его около 300 миллионов человек. На эту цифру опираются и те, кто хочет сделать русский язык официальным языком ЕС. Русский язык объединяет людей Русского мира, соотечественников. Мы обогащаем его всеми теми языками, которыми владеем».

О ситуации с русским языком в Индии рассказал Ратиш Наир. В настоящий момент в Южной Индии, русский язык преподается в трех университетах и четырех школах. Но есть и проблемы – например, учебни-

Людмила Вербицкая и Вячеслав Никонов

На заседании Ассамблеи

ки были созданы в советские времена. Сейчас нужны новые книги, курсы повышения квалификации для преподавателей, программы изучения русского языка. В ходе дискуссии мнениями обменялись известные историки, политологи и деятели культуры.

Финалом подиумных дискуссий стал праздничный концерт, когда все пространство сцены было отдано молодым солистам Мариинского театра. Их творческая заразительность не могла не подействовать на приехавших издалека соотечественников и гостей Ассамблеи.

Вторая половина дня проходила уже в деловой обстановке, в залах гостиницы «Пулковская», где шли заседания круглых столов и семинаров: «Русский язык – основа жизни России», «Русский язык в современном мире», «Русский язык как государственный», «Русские центры и кабинеты Русского мира – миру русского языка», «Русский язык в средствах массовой информации». Среди обсуждаемых проблем – роль русского языка в современном мире, его состояние и перспективы развития и распространения.

Круглый стол «Русский язык – основа жизни России», который провели Вербицкая и Никонов, затронул множество проблем сегодняшней России. Вербицкая подняла вопрос о современном состоянии русского языка и его преподавании: «Мы погрязли в заимствованиях, а то и в вульгарной лексике. Сегодня наш язык, великий и могучий, образный и яркий, нуждается в защите». Она с сожалением отмечала ухудшение грамотности среди студентов: «На сегодняшний день раздаются дикие предложения об окончании обучения русскому языку уже в 9-м классе. Это абсурд, который приведет и уже приводит сейчас не к изучению русского языка, а к банальному натаскиванию детей на сдачу тестов ЕГЭ». Кроме того, причина кроется «в качестве русского языка, который мы вынуждены слышать с экранов ТВ, оно огорчает».

Второй ведущий круглого стола Вячеслав Никонов заметил, что в последние 20 лет русский язык стремительно исчезал. Если раньше русским языком в мире пользовались около 500 миллионов человек, то сейчас их менее 300 миллионов. В бывших соцстранах, в том числе в СНГ, молодежь почти не владеет русским языком. Хотя в СНГ ситуация разная: например, в Армении он в числе обязательных предметов в вузах. Он узаконен в Казахстане и Киргизии. А в Туркмении имеется всего одна школа, где изучают русский. В Грузии он изучается индивидуально. А в Киеве, при том, что русский остается вторым языком общения, осталась всего одна школа, где он преподается.

В ходе дискуссии возник вопрос и о мигрантах из СНГ. Россия, переживающая огромные демографические проблемы, испытывает острую потребность в трудовых мигрантах. При этом в стране нет четкой миграционной политики. В школу поступают дети мигрантов, не знающие русского языка. И некоторые школы вынуждены проводить курсы обучения русскому языку и для детей, и для их родителей.

Круглый стол «Русский язык в современном мире» был посвящен положению русского языка за рубежом. В каждой стране – особая ситуация и свои проблемы. Наибольшее внимание уделялось странам СНГ. Приводились неутешительные данные: молодежь СНГ в возрасте от 16 до 24 лет все меньше говорит по-русски, а прослойка, владеющая русским, стремительно уменьшается. Молодежь в основном ориентирована на изучение английского языка, которым, к сожалению, тоже

не владеет. Преподавание на русском везде сужается. Заметно ниже стало влияние русскоговорящих в Вильнюсе, Бишкеке, Баку, Ташкенте, а среди жителей Душанбе, Еревана и Тбилиси русский язык почти не принят.

Социологи прогнозируют: если Россия не предпримет срочных мер, то через 5-8 лет в странах СНГ молодежь почти не будет знать русский язык. Число молодых людей, не владеющих русским, достигнет: в Киргизии, Таджикистане и Узбекистане – 70%, в Казахстане – 40%, в Армении и Молдове – 60%, в Украине – 20%,

в Грузии и Азербайджане – 90%.

Вопрос о статусе и нормах русского языка обсуждался на круглом столе «Русский язык как государственный». Модератор дискуссии, проректор СПбГУ Сергей Богданов предложил целый набор тем. Здесь продолжилась дискуссия по Закону о русском языке, подчеркивалась необходимость воспитания у школьников сознательного, мотивированного отношения к родному языку. Говорили и о снижении знания языка и общей речевой культуры у выпускников российских вузов, особенно негуманитарных специальностей. Причина этого – исчезновение из вузовских программ предмета «Культура речи» и сокращение часов по русскому языку, так как он исключен из числа обязательных общеобразовательных предметов на первом курсе вузов. Обсуждался также вопрос о возможно-

сти придания официального статуса русскому языку в тех странах, где живет значительное русскоговорящее меньшинство.

В одном из своих выступлений Георгий Мурадов, заместитель руководителя Федерального агентства по делам СНГ, призвал к информационной поддержке русских Латвии, которые разворачивают референдум по русскому языку как второму государственному, и русских Украины, которые предлагают формат «русского, как второго регионального».

На круглом столе «Русские центры и Кабинеты Русского мира – миру русского языка», собравшем много участников, обсуждалась работа подразделений фонда «Русский мир», открытие филиалов и отделений «Русского мира», как за границей России, так и в регионах, а также предоставление грантовой поддержки. Интересным был доклад с подробными видеокomentариями о создании виртуальных музеев на примере Русского музея Санкт-Петербурга. Создаются такого рода электронные учебники, доступные всем, и они уже входят в обиход. После круглого стола обсуждения продолжились и на следующее утро – сотрудники фонда «Русский мир» давали консультации участникам Ассамблеи по оформлению заявок и документов по конкретным проектам. О том, что работа фонда очень востребована, говорит такой факт: его интернет-портал посещают более полумиллиона человек из 160 стран.

Русский язык в современных СМИ горячо обсуждался на круглом столе «Русский язык в средствах массовой информации», который вели главный редактор журнала «Русский мир» Георгий Бовт и один из руководителей оргкомитета I Фестиваля русского языка Евгений Юрков. Участники дискуссии рассказали о состоянии русскоязычных СМИ в своих странах, часто не соглашаясь друг с другом, констатировали общее снижение качества журналистики и уровня языка. Кроме того, журналисты отмечали, что в русскоязычных СМИ и телевидении часто присутствует русофобия, выражающаяся в ненависти к современной России и ее руководству. Главный редактор портала «Русский мир» предложил продолжить дискуссию на страницах портала.

В дни работы Ассамблеи были развернуты выставки новинок учебно-методической литературы издательств «Дрофа», «Русский язык. Курсы», «Флинта». Здесь были представлены учебники по русскому языку как иностранному, словари, пособия по грамматике, фонетике, методические материалы для преподавателей,

мультимедийные учебные комплексы, книги по истории и культуре России, учебные пособия по культуре речи. Все эти издания вышли благодаря поддержке фонда «Русский мир». За время своего существования фонд выдал уже более тысячи грантов. Это разные проекты, направленные на поддержку русского языка.

В дни Ассамблеи проникнуться миром России можно было на выставке фотожурналиста Геннадия Смирнова «Соловки – жемчужина Русского Севера».

В рамках V Ассамблеи 4 ноября в одном из залов гостиницы «Пулковская» состоялась презентация многосерийного документального фильма «Звезда Ломоносова». Этот проект готовился несколько лет специально к 300-летию юбилею ученого, который отмечается в 2011 году. Документальный сериал состоит из пяти фильмов, в которых сценарист Валерий Аушев и режиссер Валентина Владиславлева открывают многогранную биографию ученого. Здесь отражено и его детство, и юношеские странствия по монастырям, его духовное становление, и годы учебы в Германии, возвращение в Россию, научные открытия... Съёмки велись в разных местах, связанных с именем Ломоносова – Холмогоры, Соловецкие острова, Москва, Киев, Марбург, Санкт-Петербург.

Первые серии фильма выпущены фондом «Русский мир» на DVD, и участники Ассамблеи могли получить его копии после презентации. Полностью картина пока не закончена, но сценарии уже готовы, и когда он будет весь снят, диски с фильмом будут переданы во все Русские центры. Планируется, что фильм будет показан и на центральных телеканалах.

V Ассамблея завершилась, но эхо ее еще долго будет звучать. Дискуссии продолжались в кулуарах, можно было пообщаться и со своими коллегами, и найти интересных людей и единомышленников в разных сферах. Люди обсуждали проблемы русского мира, делились мнениями и идеями новых начинаний. Мне как журналисту было интересно познакомиться с коллегами и издателями из США и Европы, мы говорили о возможности обмена информацией, в частности, с нашим журналом «Русский клуб». На Ассамблее была неожиданная встреча с коллегой-журналисткой из Цхинвали. Она рассказала о своем осетино-грузинском проекте культурного диалога, мы обсуждали его детали и перспективы реализации.

Кроме того, завязались контакты с Петербургским университетом. Во время моих встреч с президентом СПбГУ Людмилой Вербицкой и проректором Сергеем Богдановым они были ознакомлены с проектом «Русского клуба» предстоящего празднования 175-летия со дня рождения И.Чавчавадзе, учившегося в Санкт-Петербургском университете. Поэт и драматург, ученый, историк, общественный деятель, член Государственного совета, он был одной из центральных фигур своего времени. Идея проведения научных конференций в его честь в Тбилиси и Петербурге была одобрена, и СПбГУ готов принять участие в подготовке конференции.

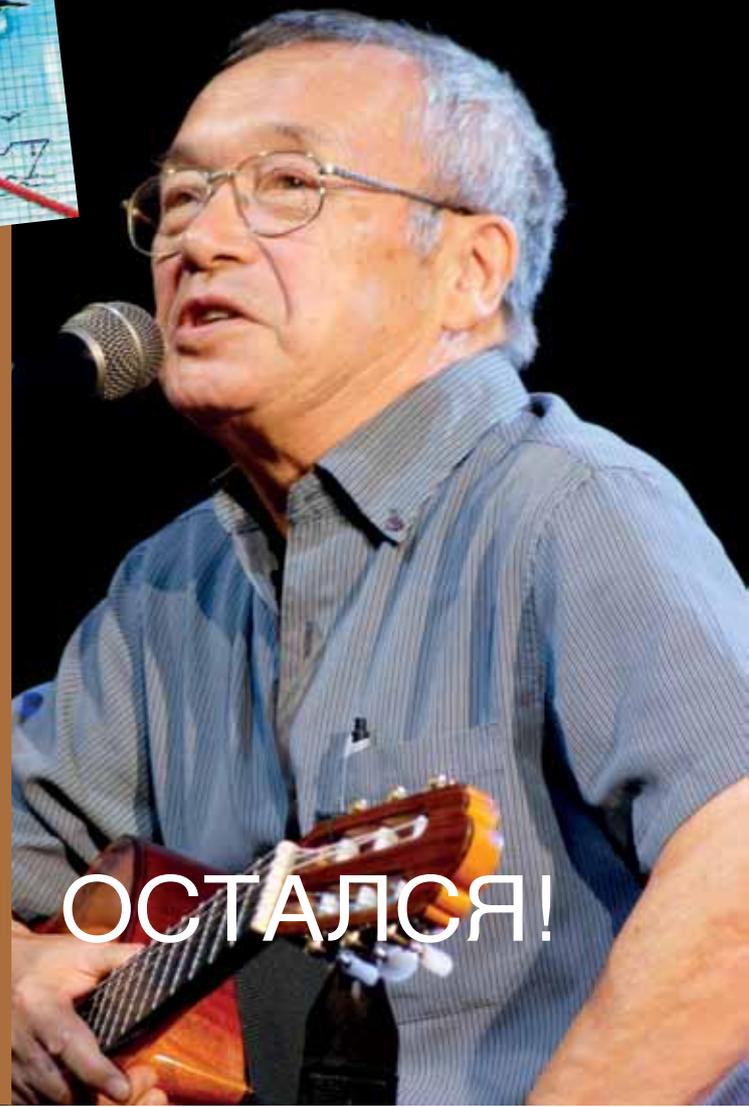

Вера ЦЕПЕТЕЛИ

ЛЕТОМ НАШИ КРАЯ НАКОНЕЦ НАВЕСТИЛ ДОЛГОЖДАННЫЙ ГОСТЬ ИЗ РОССИИ - ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ПОЭТ, КОМПОЗИТОР, ДРАМАТУРГ, СЦЕНАРИСТ, БАРД ЮЛИЙ КИМ, СТАВШИЙ УЧАСТНИКОМ ПЯТОГО МЕЖДУНАРОДНОГО РУССКО-ГУРЗИНСКОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ФЕСТИВАЛЯ «СНЫ О ГРУЗИИ». ЕГО ЛЕГКИЕ ПЕСНИ С ФИЛИГРАННЫМИ ТЕКСТАМИ И ЗАПОМИНАЮЩИМИСЯ, ПРОЗРАЧНЫМИ МЕЛОДИЯМИ ПРОЗВУЧАЛИ В АВТОРСКОМ ИСПОЛНЕНИИ. И НЕВОЛЬНО ВСПОМНИЛИСЬ СЛОВА ВАЛЕНТИНА ГАФТА, АДРЕСОВАННЫЕ ЮЛИЮ КИМУ: «КАК КИМ ТЫ БЫЛ, ТАК КИМ ТЫ И ОСТАЛСЯ». ПОТОМУ ЧТО ВРЕМЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕ ВЛАСТНО НАД ЭТИМ ЧЕЛОВЕКОМ. А ПРИЧИНА - В ЕГО ОТНОШЕНИИ К ЖИЗНИ, ЧТО И ОТКРЫВАЕТСЯ В ИНТЕРВЬЮ КОРРЕСПОНДЕНТУ «РУССКОГО КЛУБА».

ТАК КИМ ТЫ И ОСТАЛСЯ!

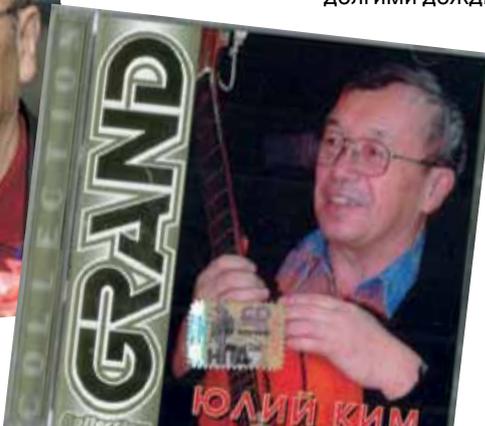
АГНОСТИК – ЗНАЧИТ, «НЕ ЗНАЮ»

- *Слышала, Юлий Черсанович, что вы никогда не были в Грузии...*

- Я много еще где не бывал даже в пределах бывшего Советского Союза. Для меня многие открытия случились существенно позже, чем для многих других. Я поздно открыл Прибалтику, Среднюю Азию. Лишь однажды, в течение десяти дней, был в Армении. В Азербайджане был дважды, да и то в связи с похоронами одного человека. Понятно, что ваш вопрос вполне естественный, потому что практически все мои знакомые побывали в Грузии. И удивляются, как это я здесь ни разу не был. Но так случилось!

- *Тем интереснее ваши первые впечатления.*

- Нужно благодарить небеса, которые постарались устроить шикарную погоду на все дни нашего фестиваля. Говорят, Батуми грешит частыми, монотонными и долгими дождями. А на этот раз все дни нашего пребывания здесь были безоблачными, и мы насладились этим городом вполне. А Тбилиси климатически – просто рай! Поэтому нам удалось получить удовольствие и от зрелищ, и от воздуха.

- А вы вообще человек легкий на подъем?

- Скажем так – не тяжелый. Я охотно пользуюсь возможностями подняться, но специально их не ищу. Вот открылась возможность навестить Грузию, и я с радостью прилетел.

- А случай часто играл определяющую роль в вашей судьбе?

- Такого рода случаев, когда меня приглашали в неведомые места, было, конечно, немало.

- А в творчестве, в жизни?

- Я не фаталист. И говорить о некоей потусторонней силе, которая контролирует мою жизнь, отмеривает ее «от» и «до», не могу. Я в это не верю. И когда происходят неприятности, я не думаю, что это удар судьбы. Могу по привычке сказать, что это удар судьбы, но не думать так всерьез. Это будет лишь художественное оформление: черт, как жалко, что это произошло! Но сказать, что это было предначертано свыше? Нет, я точно не фаталист!

- Часто принято говорить: все, что происходит, - по грехам нашим.

- На этот счет у меня есть целый ряд соображений. Я человек не верующий, но я и не атеист. Я не могу ни утверждать, ни отрицать существование какой-то силы – Бога, Мирового разума. Потому что этого я не знаю. Я агностик – это и означает «не знаю». Но я верю, что все люди, в том числе и я, живут по обстоятельствам и по своим понятиям о добре и зле. И по грехам человек получает либо при этой жизни, либо никогда.

- Что вы категорически не приемлете в людях?

- Я ненавижу хамство и бесцеремонность. Когда я в силах, то даю этому отпор. А когда нет, остается только гневно переживать.

- И в таких случаях прекращаете общение с человеком?

- Человек, возможно, тебе издавна близок и не является, в принципе, хамом, но может быть способным на хамский поступок или слово, может сорваться на хамство. Иногда подобное имеет место среди моих знакомых. Но это не тот случай, который называется природным хамством. Природных в моем окружении, конечно, нет. Иногда я даже думаю, может быть, и за мной водились такие грехи? Но я ничего такого не помню...

- Когда бывали резким?

- Резким – одно, а хамом – совершенно другое. Хамство - это наглость!

В АНТИСОВЕТСКОМ КЛЮЧЕ

- Вы преподавали в школе. Расскажите о причинах, по которым вы перестали учительствовать?

- Дело в том, что я несколько лет был тесно связан с правозащитным, вернее, диссидентским движением. Диссидентство было особым явлением внутри общего правозащитного движения. Потому что правозащитное движение включало подготовку каких-то петиций, сбор подписей. Поначалу они направлялись в органы советской власти – Верховный Совет, Президиум, Верховный Суд... Правозащитники были более лояльными, диссиденты – гораздо радикальнее, резче. Они осуществляли свободу слова, так сказать, явочным порядком. Выходили с лозунгами на демонстрации. Писали очень резкие тексты и подписывали их своими собственными именами и фамилиями. Эти люди сознательно шли на статью, и многие ее получали. Надоело скрываться, хотелось просто сказать: «Я такую советскую власть ненавижу! Она омерзительная, анти-

гуманная!» Вокруг меня было много примеров, когда людей выгоняли с работы. Даже вытаскивали за границу. А то и просто сажали. Надо мной это тоже висело. В 1970 году были выделены на мой счет какие-то материалы для дела, но до производства все-таки не дошло... Просто мне дали понять: «Сейчас мы тебя не берем, но если начнешь шевелиться, возьмем. Поскольку материалы на тебя уже имеются!» Что касается моего ухода из школы, то резкого, грубого увольнения не было. Просто мне сказали: пиши заявление об уходе по собственному желанию. Чтобы без скандала. Я так и сделал. Мне совсем не хотелось ставить школу под удар, чтобы наехали с проверками особенно ретивые партийцы из ГПУ. Поэтому я предпочел уйти по собственному желанию. А потом меня вызвали на Большую Лубянку и предупредили, чтобы о школе я больше и не помышлял. Как и о публичных выступлениях. Но против моей работы в театре и кино они ничего не имели. Это было очень разумно с их стороны. Потому что работать в театре и кино и быть при этом диссидентом невозможно. Да, и одновременно подписывать резкую статью. Потому что ты сразу гробишь тот фильм или тот спектакль, над которым работаешь... А в школе я преподавал историю, обществоведение, советскую литературу в совершенно антисоветском ключе.

- Что означало - в антисоветском ключе?

- Когда мы в школе проходили коллективизацию, я преподавал предмет по двухтомнику Виктора Данилова. Это замечательный профессор, который показал историю советской коллективизации такой, какой она была на самом деле. Написал и про голод, и про раскулачивание. Конечно, для проформы там были две-три дежурные фразы о марксистской науке... Да и литературу мы тоже проходили под углом нового мышления. К примеру, проходя «Поднятую целину», говорили о Нагуйном как о трагической фигуре.

- Сегодня есть тенденция недооценивать и даже критиковать диссидентское движение.

- Это потому, что люди не в курсе, не в материале. Это связано, на мой взгляд, с определенными внутренними комплексами, с тем, что человек не хочет признаваться в том, что в то время были ровесники храбрее его. И поэтому на уровне, возможно, совершенно бессознательном или подсознательном, возникают определенные размышления, вернее, импульсы. Это я замечал. Говорили: «Эти диссиденты – истерики, пьяницы». Видно было, что критикующий хочет замазать героический поступок обыкновенного человека, подчеркивая, что он обыкновенный и, следовательно, на героический поступок не способный. Но особенность диссидентства как раз в том и заключается, что абсолютно обыкновенные люди вдруг решались на такие поступки, на которые могли осмелиться только единицы. Например, пройти по улицам с лозунгом «Уважайте конституцию!» С ним вышел на Пушкинскую площадь Москвы крупный математик, поэт, философ Александр Есенин-Вольпин в 60-е годы. Конечно, его сразу забрали в психбольницу. Позднее отпустили и благополучно

выпихнули в США. Он был заядлым антисоветчиком. Но Есенин-Вольпин как раз не принадлежит к числу обыкновенных людей. Однако были и другие, которые в свое время прошли лагеря, отсидели. Они никогда не отзывались о диссидентах с осуждением или презрением. Просто говорили: «Я не стал диссидентом, потому что видел: это бесполезно, пользы от этого совершенно никакой!» Такие люди отказывались от диссидентства, оставаясь абсолютно непримиримыми врагами идеи советской власти, но в обычной жизни были достаточно лояльными, чтобы иметь возможность зарабатывать на жизнь, и поэтому не совались в рискованные предприятия. Подобных случаев было, конечно, немало. Однажды я спросил знакомого скульптора об его отношении к диссидентам. Он сказал, что относился к ним сочувственно. «А когда к вам приходили подписывать то или иное письмо, как вы поступали?» - поинтересовался я. «Ты знаешь, я не подписывал - боялся!» - ответил он. Но я думаю, скульптор боялся не столько за личную свободу, не столько опасался тюрьмы, сколько не хотел разлуки с любимым искусством. Тогда закончилось бы дело его жизни! Вот этим художник не мог никак рискнуть.

- Педагогика не была тогда делом вашей жизни?

- Я проработал в школе восемь с половиной лет: три полных года на Камчатке, пять с половиной лет - в Москве. Я педагогикой занимался с наслаждением, и до сих пор, когда случайно натыкаюсь на своих учеников - это уже шестидесятилетние седые люди - они говорят: «Мы помним ваши уроки, мы очень вам благодарны - и за литературу, и за историю!»

Юрий Ряшенцев и Юлий Ким в Грузии. 2011

ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НЕ БУДЕТ

- Вам не обидно, что сегодня молодые люди либо аполитичны, равнодушны, циничны, либо их протест выражается в уродливых националистических формах.

- Это процесс естественный при таком повороте общей жизни. Эдакая огромная машина вдруг повернула на новую дорогу! Я имею в виду Россию. Правда, журналист, писатель Дмитрий Быков говорит, что куда она не повернула, что это ее циклическая история, которая повторяется из века в век. Так Россия и будет двигаться по одному и тому же кругу - это заложено,

в ее менталитете. Я с этим категорически не согласен по той причине, что вижу мировой процесс несколько иначе. Все страны, населяющие земной шар, неуклонно идут в одну и ту же сторону - в сторону западных ценностей, утвержденных западной, европейской и американской, культурой. Это касается и государственного устройства, и социальной, и международной политики, и экологии, и сервиса, и медицины... Все неуклонно сворачивают к частной собственности, гармоническому ее развитию вместе с государством, становятся на путь западных стандартов, выработанных веками. Впереди бегут англоязычные, европейские страны. На эту дорогу стали Китай, Индия, Мексика, Южная Америка... Одни побыстрее - как Аргентина, другие помедленнее - вроде Бразилии. Но все идут туда! И наша огромная Россия медленно, со скрипом поворачивается в этом же направлении. Все, что сейчас происходит, суть издержки этого неслыханного, не менее, чем столетнего, я думаю, процесса... Можно сказать, что Россия на сегодняшний день - это дикий Запад. Уже Запад, но еще очень дикий. Запад только по одному параметру - в России восторжествовал и охватил ее всю культ частной собственности. Инстинкт, который был задавлен советами, распустился во всем своем безобразии (смеется).

- Безобразии?

- Конечно. Потому что он беспощаден, бесчеловечен. Но одновременно он очень креативен и в конечном итоге нацелен на созидание. И я не вижу другого пути. Все страны идут в одну сторону. Это правильно, потому что уже возникают общемировые проблемы - проблемы мировой экологии, энергетики. Они касаются всех! И без общего союза с этими бедами не справиться.

- А что происходит сегодня со странами, исповедующими ислам?

- Это тоже - огромный уродливый поворот в ту же сторону, через всех этих Хомейни и т.д. Когда как доминирует, одно за другим, стали валиться арабские государства на севере Африки, мой приятель сказал: «Ты видишь, что происходит? Это бунтует средний класс - тот, кто знает Интернет!» Некоторые так и называли арабские революции - «интернетовскими». Этим странам уже тесно жить в рамках халифатов, ислама и т.д. И они тоже начинают поворачиваться. А отсюда возникает контрдвижение - талибаны и прочие. Это все треск меняющейся шкуры - отваливается старая и потихоньку нарастает новая. Но на это нужно время!

- Вы позитивно смотрите на процесс развития человечества?

- Позитивно - не то слово в данном случае. Я просто вижу, что оно движется к объединению. К решению глобальных жизненных вопросов, от которых зависит его жизнь, его будущее. Первый вопрос человечество вроде бы решило - осознало невозможность ядерной войны как самоубийства. Ядерных арсеналов, которыми обладают Россия, США, Великобритания, хватило бы на десять самоубийств человечества. Этого пока еще не происходит, но к сожалению, мир висит на волоске. Потому что технология изготовления ядерной бомбы все более упрощается. Говорят, что можно многое просто из интернета выловить, и если этим воспользуется какой-нибудь отъявленный Аль-Каида, мало не покажется. Хотя, как мне кажется, даже если они пойдут на ядерный удар, это будет последний ядерный удар в истории человечества, а для некоторых - безусловно!

ИЗ ЛЮБИТЕЛЕЙ – В ПРОФЕССИОНАЛЫ

- *Юлий Черсанович, вспомните, пожалуйста, свой первый серьезный литературный опыт.*

- Несерьезного было выше крыши – я сочинял стишки еще в школе. Все выросло постепенно из этих моих шуточных упражнении, когда сочинял песни для школьной, клубной самодеятельности. Позднее появился спрос на меня со стороны профессионального искусства. И в этом смысле могу назвать свой первый серьезный опыт. Это было в 1963 году – фильм «Улица Ньютона, дом 1», посвященный модной тогда теме физиков и лириков по сценарию молодого и еще малоизвестного Эдварда Радзисского. Картину снял очень хороший режиссер Теодор Вульфович. Для фильма понадобилась дорожная песенка, и я ее сочинил. Спустя два года две мои песенки вошли в другой фильм. Я их сочинил раньше, вовсе не для кино. Но оказалось, что пригодились... Это стало подтверждением того, что у меня получается. А в 1968 году состоялась крупная работа в театре – комедия Шекспира «Как вам это понравится». Для спектакля я сочинил семнадцать текстов со своей музыкой. И дальше – пошло!

- *Ожидали такого поворота судьбы?*

- Когда я учился в вузе и сочинял песенки, то совершенно об этом не думал. Выдумывал стишки так, как это делают для стенгазеты в день рождения тещи. Так сказать, для внутриинститутского, а потом – внутришкольного потребления, когда начал преподавать в школе. Мысль о том, что займусь сочинительством профессионально и буду жить за счет этого, в голову мне не приходила. Пока я не стал за это получать деньги. Вот так неожиданно пошла актерская карьера у Юрия Визбора – к профессии актера он никогда не готовился, но оказался настолько к этому способен, что без всякой театральной школы снялся в десятке фильмов, не уступая в мастерстве профессионалам. Вот что интересно!

- *Знаю, что и вы выступили однажды в качестве драматического актера!*

- Это был случайный эпизод в моей жизни, связанный с пьесой «Ной и его сыновья». Это антивоенная, немного фантастическая история, которая была придумана мной в разгар «борьбы за мир» в 80-е годы. В это дело меня вовлекли Юрий Карякин и ныне покойный Алесь Адамович. Они тогда бурно занялись этой самой «борьбой за мир», выпускали статью за статьей о мировой ответственности за возможную ядерную катастрофу. В 1984 году я и сочинил эту антивоенную пьесу, герой которой Ной Таммер – Генеральный секретарь ООН. У него три сына. И вот Ной видит, что человечество неминуемо скатывается к ядерному самоубийству, но не знает, как спасти его. И по ходу дела он жертвует всеми тремя сыновьями для того, чтобы человечество все-таки опомнилось. Пьесу принял к постановке Сандро Товстоногов, который тогда руководил московским театром имени Станиславского. Она шла всего один сезон. Так вот, когда пьеса была отрепетирована, и оставалось только сыграть ее и показать начальству, Сергей Шакуров, игравший главную роль, повредил ногу. Естественно, он не мог выступать и был на бюллетени больше месяца. Выйти в роли Ноя мог только автор, наизусть знавший текст роли. Первые тридцать премьерных спектаклей сыграл я. А потом меня заменил не Шакуров, а другой очень талантливый актер Лев Борисов. Вот это был единственный мой актерский опыт.

- *Это был неудачный опыт?*

- Не то, что неудачный... Просто это было не мое. Москва бегала смотреть на то, как Ким играет свою собственную пьесу, меня поздравляли, говорили, что это очень хорошо... Но я-то понимал, что никак не владею актерским ремеслом. И выступаю как экзотический фокус на общем фоне. Я не актер. Я умею петь свои

песни и, говорят, что делаю это артистично, но играть роль – совершенно другое. Этот артистизм – подача собственной песни – ничего общего с искусством актера не имеет.

- *Вам пришлось, наверное, и страх преодолевать?*

- Нет, я очень быстро освоился. Я просто боялся забыть мизансцены. У меня было расписано движение на сцене по каждой фразе. Когда мне нужно было побыстрому вводиться вместо Шакурова, сцену мелом расчертили. Я очень быстро все запомнил, и на третьем представлении квадратики стерли. А дальше мне надлежало просто выразительно читать свой текст, что я и делал! А вот то, что касается сценического действия, общения с партнерами, то всем этим я, конечно, не владел.

- *Ваши стихи существуют только вместе с музыкой?*

- На мой взгляд, есть поэзия песенная, а есть – непесенная. К примеру, Иосиф Бродский занимался стихотворчеством. А песенные стихотворные тексты – совсем другая вещь. Булат Окуджава, например, считал, что никакой разницы между песенной поэзией и просто стихотворением не существует. Но он все-таки был не прав. Другое дело, что муза Булата была песенной по природе. И даже когда он писал просто стихи и не думал, что положит их на музыку и будет петь, все равно они это предполагали, независимо от его сознательного усилия. Что касается Бродского, то он слушал музыку, но его стихи имели свою музыкальную природу, мелос и в никаких подпорках не нуждаются. Поэтому он не любил, когда его стихи распевали под гитару. Хотя многие гордились тем, что популяризировали Бродского через свои песни. Но вот сейчас в этом нет никакой необходимости – он и так очень популярен. Я бы все-таки предпочел воспринимать Бродского глазами. Или слушать, как его читают Михаил Козаков или Сергей Юрский. Время от времени на меня «нападает» самый настоящий стих, и тогда я пишу «стихотворное» стихотворение. Но у меня такой поэзии немного. Заниматься этим регулярно, как это делает Юрий Ряшенцев, к примеру, у меня не получается. Я уже так заточен на театр, что уже не могу от этого отделаться.

- *Ваши песенные стихи из фильма «Пять вечеров»*

- *«Губы окаянные, мысли покаянные» – просто потрясающие! Я долго была уверена, что это народная поэзия.*

- Ничего там не потрясающего – просто найдена хорошая рифма: сизый – сызнова. Это чистая имитация русской шутилки песни. Она многим понравилась, но если разобраться...

- *А как достигается это состояние моцартианской легкости?*

- Не знаю. Моя задача – максимально полно выразить свою поэтическую мысль. Это достигается не просто. Однажды я долго бился над текстом к одной песне – это была шутилка колыбельная для фильма «Чародеи»... Я написал тринадцать вариантов – ни один не пошел! Причем я чувствовал, что не попадаю. Вместо меня текст в итоге написал Леонид Дербенев – срывался график. Хорошо, что режиссер не потребовал назад мой аванс, искренне мне сочувствовал. Был еще случай, когда я неделю сочинял монолог Митрофана из спектакля «Недоросль», исписал гору бумаги. А потом меня осенило, что это должна быть частушка. И тогда я написал весь монолог за два часа.

Инна БЕЗИРГАНОВА

23 декабря Юлию Киму исполняется 75 лет. Коллективы театра им.А.С.Грибоедова и МКПС «Русский клуб» сердечно поздравляют Юлию Черсановича с юбилеем и желают ему здоровья, радости и новых творческих успехов!

МАРКЕТИНГ ЧУДА

Павел Лукьянов

От автора: Я, Павел Лукьянов, родился в 1977 году, чтобы поступить в МГТУ им.Н.Э.Баумана (1994) и защитить кандидатскую диссертацию по теме «Разработка и исследование двухконтурной каскадной установки с вихревой трубой для охлаждения биоматериалов при температуре минус 70 градусов». (2004).

Отличное начало для рассказа о поэте ...

ГЕРОЙ СКАЧЕТ В ГОРЫ И ... СТРОИТ СИНХРОТРОН

Каталония – это не только исторический регион Испании и родина Сальвадора Дали, но и до последнего времени – место обитания физика и лирика Павла Лукьянова. Герой наш был призван на строительство этого самого синхротрона, который есть не что иное, как ускоритель электронов. Что-то вроде большого рентгеновского аппарата, позволяющего с высоким разрешением изучать внутреннюю структуру материалов и предметов. Строительство синхротрона – престиж страны, который стоит 200 миллионов евро.

Но до Испании была Швейцария.

Ученые посчитали массу всех звезд, которые видны, и выяснили, что звезды должны разлетаться гораздо быстрее. Это значит, наша Вселенная погружена в черную материю, которая работает, как цемент. Нам видно только четыре процента Вселенной. Поэтому, когда в ЦЕРНе – Европейском центре ядерных исследований (чем не мечта любого физика?!) началось строительство детек-

тора черной материи, Павла пригласили принять в нем участие. Теперь детектор готов и запущен в открытый космос. Он измеряет космический фон. Но, увы! Детектор черной материи стал последним подобным проектом ЦЕРНа. Миру это больше не интересно. Это чистая, но невыгодная наука, которая обходится Европе в миллиарды долларов.

Вернемся в Барселону. Душа поэта Лукьянова не успокоилась. Не синхротроном единым ... Там, подружившись с русскими поэтами Марией Игнатьевой (участницей I Международного русско-грузинского поэтического фестиваля) и Юрием Михайличенко, Павел стал одним из создателей русско-каталонской ассоциации «АРКА».

Помимо вечеров поэзии и множества другой полезной литературной работы, Ассоциацией проводились ежемесячные семинары по современной русской поэзии для русских и русскоговорящих слушателей. Так, по инициативе Ассоциации в Барселоне побывали Сергей Гандлевский, Дмитрий Веденяпин, Сергей Светлов, Наталья Иванова, Алексей Алехин и другие значимые лица современной русской поэзии.

Но синхротрон построен. Теперь домой, в Россию!

«Не могу отказаться от России. Язык – это слишком большая часть человека, чтобы ее лишиться надолго. Я говорю о ежедневном, уличном, общественном языке, которого нет нигде, кроме как дома. В этом нет никакого пафоса: простая констатация. Каталония – удивительное место. Мягкие, шумные люди, доверчивые и уважитель-

но смотрящие на таких, как я, приезжих иностранцев. Но люди здесь именно что отгорожены от того дословного общения, от которого в России ты устаешь, но по которому вне ее начинаешь скучать. На тебя не навалится пьяный в вагоне, тебя не станут цеплять за то, что ты пакистанец или китаец, но тебе и не будут ночь напролет рассказывать всю свою жизнь, качаясь в купе поезда Казань-Москва», – пишет Павел.

Поэтому определенный пласт в его поэзии можно, как прежде, назвать, гражданственной лирикой. Вот цикл «Мои стихи о Советской Родине»:

... это – земля моя, значит – моя судьба ...

И поэту-гражданину, прожившему несколько лет вдали от родины в благополучной Европе, хочется верить, что «в новой моей стране, в нашем родном краю, я начинаю жить лучшую жизнь свою».

ЛИТЕРАТУРНАЯ СЛУЖБА 1977

В 2001 году четыре краснодипломника МГТУ им.Н.Э.Баумана – Павел Лукьянов (лучший на факультете), Кузьма Востриков, Николай Граник и Антон Стружков – создали Литературную службу 1977.ru, ибо все они родились в этот год, когда с космодрома Байконур запустили советский космический корабль Союз-24, в кинотеатрах США начали показы фильма «Звездные Войны. Эпизод IV: Новая надежда» и умер Чарли Чаплин. Так Лукьянов стал авангардным поэтом, подкрепленным собственным манифестом.

Хотя вначале была литературная студия при МГТУ, где собиралась группа инженеров, пробовавших перо. Как вспоминает Павел, «в литстудии было облако, которого не доставало в техническом вузе».

Ведь любое общение дает лишь то, что ты успеешь и сумеешь принять от него. Любое живое творческое объединение – это беспокойное место встречи с одинаково мыслящими с тобой людьми, возможность познакомиться с живой литературой – «искусством на ногах».

Служба 1977 имеет свое логическое продолжение. Помимо полагающихся литературному объединению стихов, прозы, дневников и критики, 1977 нашла свое продолжение в кино, театре и прочих прикладных жанрах.

Литературное дарование Павла нашло отдушину (иногда крайне трудоемкую) в кино. Ему принадлежат сценарии к нескольким короткометражным лентам. Идет работа над полным метром. А еще ему, как режиссеру, принадлежат несколько короткометражек – «Зима», «Урод», «Море». Разных и очень пронзительных. Еще раньше Павел писал пьесы и сам в них играл. И все это – разные проявления той самой Литературной службы.

ЧУДО

В 2008 году Павел стал королем. Случилось это так – в Лондоне ежегодно проводится Конкурс поэзии русского зарубежья «Пушкин в Британии». Идея турнира заключается в том, чтобы написать конкурсное стихотворение, начинающееся с предложенной пушкинской строки, которая в 2008-м звучала: «Но Лондон звал твое внимание. Твой взор...». Павел продолжил:

Но Лондон звал твое внимание. Твой взор
гуляет по миру, как вор,
и ищет жизнь в чужом камине,
пытаясь выяснить в углях
чужую жизнь и личный прах.
Руби любой привычки провод,
чтоб услышать родную речь,
гору сдвигающую с плеч...

Павел Лукьянов победил в конкурсе и завоевал завидный (по его словам) титул «короля поэтов русского

зарубежья». Главный приз конкурса – бюст Пушкина работы одесского скульптора Клима Степанова – вручала Людмила Улицкая. Затем был еще один суперфинал в Одессе, где участвовали все короли и победители конкурсов прошлых лет. Здесь он снова победил и получил (опять же по его словам) совсем уж неприличный титул «короля королей поэзии».

«Все это безумно приятно, но, конечно, ты пишешь стихи не под конкурс, а каждое такое публичное событие – лишь способ быть услышанным. Может, это все не зря», – смущенно говорит он.

А теперь, собственно, о поэзии.

Поэзия для Павла Лукьянова – всегда фокус, состоящий из привычных слов, вещей, событий. Когда смотришь на иллюзиониста – никогда не знаешь, как у него это получается. Поэзия в лучшем своем виде делает такой же фокус с нашим восприятием.

Поэзия это ощущение. Кто-то сразу его чувствует, к кому-то оно приходит со временем. К Павлу осознанная и поэтому большая, настоящая поэзия пришла не сразу. Об этом он говорит:

«Японский художник смотрит на воробья год. Он накапливает представления, ощущения, впечатления. И потом за тридцать секунд его рисует. Это опыт. Я тоже к этому пришел. Научился создавать стихотворение за один присест. И выходит некая несквозная картина. У меня получается запечатленная импровизация. Поэзия это чудо. Я так пишу».

Ему часто говорят, что в его стихах нет сквозного развития, все мазками ... Это отчасти так. Это определяется некой импрессионистской техникой.

Однажды на литературной встрече в Барселоне у него спросили: кому в XXI веке нужна поэзия?

Но поэзия не продукт. Ее надо чувствовать. А вот с этим самым чувствованием в нашем веке сложно, хотя есть много языков, на которых может говорить современная культура. Остальной мир приучает нас исключительно к телесному. К удовольствиям и использованию тела на сто процентов. Отпадает необходимость искать

С Евгением Степановым в Батуми. 2011

что-то самому.

«Человек жив тем, как он видит эту жизнь. Поэзия настолько вне прямой телесной утилитарности, но при этом она является тем словом, через которое ты можешь избавиться от гнета системы, созданной, казалось бы, для комфорта. Каждый счастлив по-своему. Никто не умрет, если не будет читать стихов. Здесь присутствует альтернатива – или фаст-фуд, или поэзия».

Миру нужно избавиться от мечты иметь «шинель». Живи Башмачкин сегодня, он бы хотел купить автомобиль, и в первый же день его разбил. Об этом должна

писать поэзия. Нужно говорить о сегодняшнем сегодняшним языком. Есть другой мир, и мы живем не телом, а тем, что кто-то нас привел в этот мир. Это чудесно. Поэзия на это намекает всегда.

ЭПИГРАФ И ПОСТСКРИПТУМ

Нет, никогда не получится вырвать суть случившегося из всего случившегося.

Стихи, по его определению, «начал царапать еще в детстве». С годами позволил себе назваться поэтом. Свой собственный поэтический мир удалось создать не так давно – несколько лет назад. Это было связано с жизнью в Европе и поездкой по Китаю.

«Моя нынешняя поэзия выросла из моей нерусской жизни русского языка. Не хочется рушить чуда и разъянять это по кусочкам. Так было, что уединение помогло моей поэзии найти личный тон. Другое дело – проза. Она – слишком другая материя, чем стихи, поэтому одновременное высказывание в поэзии и прозе мало реально».

Название первой и пока единственной книги Павла Лукьянова провокационно-философское: «Мальчик шел по тротуару, а потом его не стало». Это и эпиграф, и постскриптум для любого из нас. Книга действительно необычна: по желтой обложке идут ряды черных уменьшающихся пяток, внутри книги – в углу каждого разворота – фото автора, что-то нам говорящего. Если пролистать книгу быстро, то Павел движется и моргает.

«Мальчик шел ...» – это такое концентрированное выражение жизни человека. Но Павел предпочитает говорить об этом без траура в голосе.

«Солнце заходит каждый вечер, ну не плакать же об этом. Утром взойдет другое. После нас взойдут другие люди. Всю жизнь ты можешь проходить в маске. Маркетинг жизни – он проще, потому что это востребовано сейчас. Но можно совместить, как мне кажется. Чтобы

конный авангардист и пишет письма музыкой.

Ему нравится в людях то, что сделано из одного материала – то, где они живые. Вот человек, он замучен жизнью, но есть момент, когда он жив, когда он настоящий. Пусть одну минуту в день. Это универсальный душевный материал, который у всех людей есть.

На вопрос, кто же он – физик, лирик или физико-лирик, Павел с улыбкой отвечает: «Я ближе к инженеру. Восприятие действительности скорее поэтическое, но я пошел в инженеры и это дает ощущение того, что ты делаешь реальное дело».

Наша жизнь – это попытка лучшего. Но творец не может изменить мир, он должен напоминать, какой он есть в действительности. Художник в меру своего умения, дара и удачи переформулирует жизнь.

«Человек рождается с нуля. Хорошо, если ему хватает удачи, жизненного дара и сил не обрасти чужими ракушками. У меня стойкое ощущение – человек создан, как возможность лучшего. Выйди к морю – никто тебя не тронет. Причинить тебе зло может только человек, который не понял, что такое жизнь, который закрылся слишком рано».

А что такое жизнь? – спрашиваю.

В ответ:

«Жизнь – это то, что мы ... можем ... ощутить... как сказать?.. хочется какой-то афористичности, в смысле правильности ... ответ очень правильный и простой... жизнь это возможность ... это дар ... это тоже изменчивое существо ... если есть возможность осознать себя ... как снеговика слепить. Если говорить о художнике – ты понял, что такое добро и ты делишься тем, что понял, с другими».

«И, улыбнувшись, уйти из этого мира», – добавляет он.

Жизнь в прочтении Лукьянова, это «Письмо (черновик)» из цикла «Стихи Льва Толстого»:

нет, не так! жизнь дана на рассвете,
чтоб никто не остался во тьме
и прожил как родной на планете
а не только с родными в семье.

есть одно понимание жизни,
как не груза, а жизни одной,
данной всем, кто случайно родился,
но совсем не случайно живой

Жизнь – это «Иззябший символ веры», где «Символ веры» таков:

стой, малолетка, во тьме, верь: существует отряд,
где командиры в строю имя твоё говорят.
есть в этом мире народ с твоей головой на плечах,
есть магазины весны с выбором свежих рубах.

жилы на братских руках, белые лебеди лет,
вы протянитесь ко мне, чтобы отчаянья нет

Вся поэзия Павла Лукьянова – один-единственный стих, длиной во все его творчество, а значит, и жизнь. При всей разности смыслов и посланий, у его стихов сходная интонация, настрой и внутренняя грусть. И если отправная точка – этот самый мальчик, что шел по тротуару, то весь тротуар – это и есть его мазки – стихи-штрихи и полутени-полутона. Все его стихи точно датированы, в некоторых случаях вплоть до секунды их написания. Ведь для Павла – рожденный стих – это застывшее вулканической лавой мгновение. Вечное однажды навсегда.

«Искусство есть борьба. Борьба художника с безответностью и неосознанностью жизни. Искусство возвращает существующее, храня в себе очертания такого мира, которого единственного всем и надо: замеченно-го и осознанного».

И это, в общем, не важно – где. Ведь поэзия – «это же чемодан, в котором спрятан твой внутренний мир: носи и открывай в любой точке Земли...»

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

наоборот – не прыгать в толпу, а прыгать в стороне».

Одним словом, Павел рожден для литературы, это ясно. Так утверждают критики.

Его жизнь, как кино, сотканное из падающих звезд. В его поэзии все какое-то слишком перпендикулярное и метафизическое. В нем сверхамбициозность смешивается со сверхскромностью, рождая короля-кандидата с искренним взглядом на мир. Он полгода гладко выбрит, а остальную часть года носит бороду. Он за-

ВЫДАЮЩИЙСЯ ГРУЗИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ И ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ, АВТОР РОМАНОВ «ДАТА ТУТАШХИА», «ГОРА МБОРГАЛИ», «ГЕОРГИЙ БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ», МНОЖЕСТВА РАССКАЗОВ, ЛАУРЕАТ ТАКИХ ПРЕМИЙ, КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ СССР, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ ГРУЗИИ, ПРЕМИЯ РУСТАВЕЛИ, ТРИЖДЫ НОМИНАНТ НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ, ЧЛЕН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ И СОЮЗА КИНЕМАТОГРАФИСТОВ ГРУЗИИ, КАВАЛЕР ОРДЕНОВ ВАХТАНГА ГОРГАСАЛИ I СТЕПЕНИ, СВЯТОГО ГЕОРГИЯ И ЧЕСТИ ОТМЕЧАЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ДЕНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ – ДЕНЬ СВОЕГО 90-ЛЕТИЯ.

ПРОЗАИК ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД ЧИТАТЕЛЯМИ И ПЕРЕВОДЧИКОМ СВОЕГО РОМАНА «ГОРА МБОРГАЛИ» (ПОСВЯЩЕННЫЕ ПОНИМАЮТ, КАКОЙ ЭТО НЕЛЕГКИЙ ТРУД!), ОПУБЛИКОВАННОГО В РОССИЙСКОМ ЖУРНАЛЕ «ЗНАМЯ», ЗА ЧТО БЫЛ НАГРАЖДЕН ПРЕМИЕЙ ЭТОГО ЖЕ ЖУРНАЛА.

ВЕРОЯТНО, ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ, ОТЦУ ШЕСТЕРЫХ ДЕТЕЙ, ДЕДУШКЕ, НАМНОГО СЛОЖНЕЕ БЫ ОСУЩЕСТВЛЯТЬ СВОИ ИДЕИ, НЕ БУДЬ У НЕГО ТАКОГО ВЕРНОГО, ЛЮБЯЩЕГО, ЧУТКОГО НЕРАЗЛУЧНОГО ДРУГА, КАК ЕГО ЖЕНА – ПОЭТЕССА ТАМАР ДЖАВАХИШВИЛИ.

В ЭТОМ ГОДУ ЧАБУА АМИРЭДЖИБИ СОВЕРШИЛ ЕЩЕ ОДИН ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ ШАГ – ОН ПОСТРИГСЯ В МОНАХИ, ПРИНЯВ ИМЯ ДАВИД.

ПРЕДЛАГАЕМ ЧИТАТЕЛЯМ ФРАГМЕНТ ИЗ РОМАНА «ГОРА МБОРГАЛИ», А ТАКЖЕ БЕСЕДУ ПИСАТЕЛЯ И ЖУРНАЛИСТА КАМИЛЛЫ-МАРИАМ КОРИНТЭЛИ С ЮБИЛЯРОМ.

РЫЦАРЬ ГРУЗИНСКОЙ ПРОЗЫ

– Я пришла не только поздравить тебя Чабуа, дорогой, и пожелать здоровья и чтобы твои желания осуществлялись, но вместе с тем мне очень хочется узнать твое мнение, твое отношение к нескольким вопросам, ответы на которые, думается, небезынтересны будут не только мне.

– Спасибо за поздравление и добрые пожелания. Что ж, давай, побеседуем.

– Начнем с того, как ты писатель относишься к существованию Союза писателей в сегодняшней Грузии?

– Насколько мне известно, союзы писателей в большинстве случаев создавались исходя из политических соображений и идей. Так родился этот союз в большевистской России и в Грузии. Существующий ныне у нас Союз писателей аполитичен и по замыслу должен служить творческим интересам и материальной обеспеченности писателей Грузии. Ответ на свой вопрос должна найти ты сама. Я член Союза писателей с 1965 года. В 1976-м Союз выделил мне полторакомнатную квартиру в строящемся на самой окраине Тбилиси доме. Вот что я получил за 45 лет членства в СП Грузии. В такой же мере я отношусь и к его существованию. Не вышел из его состава по той причине, что могли считать такой поступок чем-то вроде мелкого хулиганства.

– Ясно. Меня и многих интересует твой монашеский постриг, то есть каковы были мотивы принятия тобой такого серьезного решения?

– Мое христианство, а именно православие насчитывает тысячу пятьсот лет. Первые Кваблīdzе упоминаются в летописях еще VI века. Кваблīdzе – наша фамилия. Амирэдживи – звание придворного министра, в обязанности которого входило наведение и сохранение порядка при дворе. Амирэдживи единственный имел право входить без спроса в царские апартаменты. Теперь о моем постриге. Замечу, что мне нечего стричь, ибо я лыс. А монашество как состояние я выбрал в результате многолетнего разочарования от духовного состояния нашего общества. Кроме того, так я вернусь в общество моих предков. Собственно говоря, мое монашество выражается в вере в учение Христа. Без монастыря сижу в своей одной комнате, заваленной книгами, довольный.

– Что ж, можно только порадоваться, что твой выбор верен. Поскольку наша беседа затронула сферу религии, духовности, позволю себе спросить: православие и католицизм, как тебе представляются эти два больших крыла христианства, их взаимоотношения и роль католической церкви в истории Грузии? Не думаешь ли ты, что католичество – еще один мостик, связывающий нас с Европой?

– Я не вижу противоречий между ними. У обоих одна цель – обеспечить не только духовное, но и физическое будущее населения земного шара. В истории Грузии католики сыграли важнейшую роль как в куль-

туре, так и в экономике. Проникновение европейской культуры и ее влияние на духовную многосторонность нашей культуры не только существенно, но и огромно. Надо отметить силу и грузинского духа, выдержавшего жесточайший натиск других народов и религий как в средние века, так и в поздние периоды.

– А как ты смотришь на идею восстановления монархии в Грузии? Ты – потомок одного из знатнейших аристократических родов. Грузия из царства, а точнее, королевства, являлась в принципе страной классического европейского феодализма, превратилась в часть Российской империи, затем в союзную республику (со всеми вытекающими последствиями). И лишь относительно недавно обрела самостоятельность. Подобная реконструкция, что она даст стране и народу?

– Сегодня в мире нет страны, которая на протяжении истории человечества не меняла бы строй. Главное, чтобы Грузия нашла правильный путь дальнейшего развития.

– Как ты считаешь, грузинская литература второй половины двадцатого века – что она внесла в духовную жизнь Грузии?

– Именно вторая половина двадцатого века вместила в себя очень больших, влияющих на дух народов Грузии писателей.

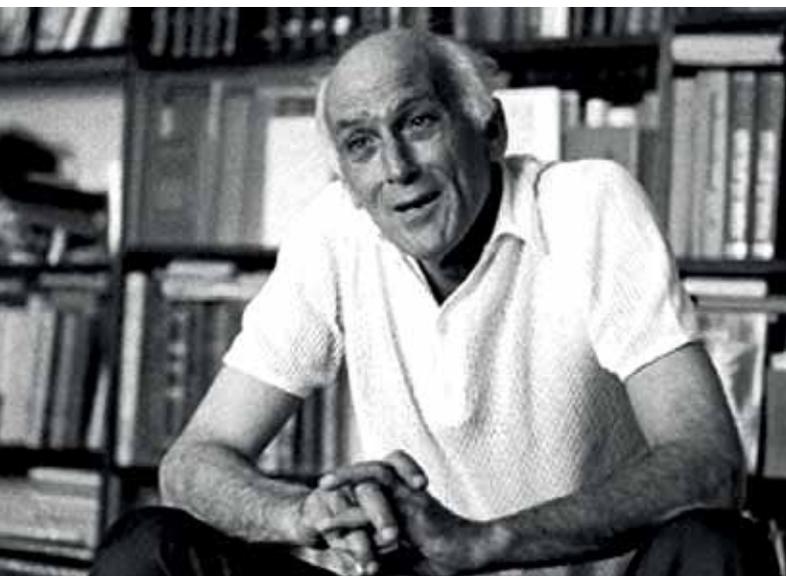
– Как ты оцениваешь роль художественного перевода, с грузинского на русский в том числе?

– Художественный перевод является фактически продвижением собственной культуры к границам культуры всего человечества, фактором обогащения своего духовного капитала, а также вкладом в общечеловеческую историю. Переведенное произведение влияет на дух и разум других народов.

– Да, это так. И в этой же связи мне хочется спросить тебя, каково значение русского языка и русской культуры для сегодняшней Грузии?

– Сегодняшняя Грузия и ее народы больше ориентируются на культуры других народов мира. Русская литература, а следовательно, и культура за последние несколько веков обрела сильные позиции, но, думаю, она не сможет ослабить позиции других культур в будущем и остаться единственным существенным фактором влияния на дальнейшее развитие грузинской культуры.

– Что ж, Чабуа, еще раз багодарю тебя за эту беседу и за все – за твоё творчество, за то, что ты есть!

ЭПИЛОГ

(из романа «Гора Мборгали»)

Томи!.. Как часто вспоминается мне эта встреча... Почему? Не знаю, запала в сердце, и все тут. Изящная и прекрасная Томи... Может, это встреча была особенной? Классический образец сентиментальных отношений, мелодрама... Брось, было бы хорошо, а называть можешь как угодно...

Мы познакомились на сувенирном базаре корриды, то есть на Пласа де Торос. В Мадриде есть толкучка, подобная нашей Чихомахо, что была в Сабуртало, с той разницей, что у нас торговали неопишваемым хламом, а на Пласа де Торос неопишемыми по разнообразию и численности сувенирами. На земле были расстелены подстилки, на них разложен товар для сорока трех миллионов туристов, ежегодно посещающих Испанию. Базар сувениров опоясывал всю Пласа де Торос – за пару часов не обойдешь.

В первый раз я видел корриду в Севилье недели две назад. Потом ночью в гостинице еще раз посмотрел ее, уже в записи, по телевидению. Не могу сказать, чтобы я получил удовольствие, ощущение было тягостным: в попытках осуществлялся акт смерти несчастного животного. Однако любопытство мое было растревожено. В те же дни, кажется, в Малаге мне снова представилась возможность посмотреть по телевидению корриду. Теперь уже в моем сознании обозначилась какая-то схема. В Мадриде у меня был знакомый – дон Хосе Артигас, кастильский аристократ, доктор философии, возглавлявший в то время Книжную палату Испании и кафедре философии мадридского университета. Он любезно пригласил меня на корриду, потом мы поехали ужинать в элитарный ресторан. Переводчик свободно владел русским.

К этому времени у меня сложилась довольно четкая концепция корриды, и в разговоре я поделился ею со своими сотрапезниками. Они внимательно, с интересом выслушали меня. Потом дон Хосе Артигас, переговорив с друзьями, сказал:

– Для нас, испанцев, коррида – часть наших будней. Чего только ни писали о ней, но подобное толкование мы, честно говоря, впервые слышим.

Я улыбнулся. Поблагодарил за комплимент.

– Найдется время, запишите то, о чем вы сейчас говорили, – застенчиво предложил мне один из застольцев. – У нас собирают и публикуют высказывания иностранцев о корриде. Напишите, мы тиснем.

– Благодарю, но моя точка зрения нуждается в проверке, уточнении. Можете воспользоваться моими словами как заготовкой.

То, что мое толкование корриды привлекло внимание столь ученых людей и даже вызвало обсуждение, еще больше раззадорило меня. С утра пораньше я отправился в Эстрамадур и провел там три дня. Вернулся ночью, а на следующее утро, едва открыл глаза, снова стал размышлять о корриде.

Дел у меня особых не было, ничем другим я заниматься не мог, поэтому пришел на Пласу за два часа до начала корриды. Пока открылись кассы, я послушался по базару. Наконец подошло время, и я пошел за билетом.

Деньги были на исходе, поэтому я прошел к кассе с самыми дешевыми билетами – восемьсот песет! Очередь оказалась небольшая. Передо мной стояла молодая женщина в джинсах, стало быть туристка. Испанцы,

а тем более испанки, редко носят джинсы. У них свой стиль, довольно любопытный. По мнению философа господина Зураба Какабадзе, американки носят джинсы потому, что их крой подчеркивает сексуальные узлы, делая женщин притягательными. Правда, мода меняется с быстротой молнии, но в манере грузинок одеваться постоянной остается одна особенность: дабы привлечь внимание мужчин, они носят по возможности дорогую одежду, со вкусом сшитую, и держатся стили капусты. Много тряпок, под которыми тело угадывается. Мне редко встречались красивые испанки – я, разумеется, имею в виду нормы красоты, принятые среди грузин, а по испанским понятиям, может, каждая вторая у них раскрасавица. Как бы то ни было, у испанок неповторимый стиль: они не позволяют себе слишком оголяться и вместе с тем как-то умудряются создать зримое ощущение изящества, упругости, трепета прикрытого одеждой тела. Возможно, это объясняется их пластичностью, они особенно грациозны.

На женщине передо мной были тесные джинсы и очень открытая майка – все в точном соответствии с американским рационализмом. Я несколько раз попытался заглянуть ей в лицо. Ничего не вышло: мы были ограничены с обеих сторон перилами, а женщине и в голову не приходило обернуться или посмотреть в сторону. В результате наблюдений мне удалось лишь установить, что в волосах у нее проседь, значит, лет ей, должно быть, около сорока. Незнакомка купила билет и повернулась, чтобы выйти. Она оказалась белокожей, с большими голубыми миндалевыми глазами, от век разбежались мелкие морщинки-лучики. Я улыбнулся ей. Она ответила на улыбку, но не остановилась. Протягивая деньги кассирше, я был уверен, что встречу знакомку на трибуне.

Мне довелось увидеть ее раньше.

Сунув билет в карман, я послонялся по барахолке. Устал так, что у меня подкашивались ноги. Увидев в тенистой аллее расставленные там и сям лавки, присел на одну из них и только потом заметил, что рядом сидит моя знакомка в джинсах. Она читала книгу. Я скосил глаза. Книга была английской, толстой, щедро иллюстрированной. На одной из фотографий я вдруг увидел дракона в пенсне. Вообразите! Меня как громом расшибло. Потом разобрал смех: каким макаром здесь оказался Лаврентий Павлович Берия?.. Женщина вскинула на меня удивленные глаза. Я попросил у нее книгу, она дала. На переплете огромными буквами значилось «КГВ» и еще что-то по-английски. Я раскрыл книгу. В ней были собраны фотографии всех мало-мальски известных чекистов, которых когда-либо рождала Российская Империя. Я объяснил причину своего веселья. Теперь о том, как мы объяснялись. Я знаю немецкий, совсем чуточку, английский – такую же чуточку, русский – хорошо, грузинский – мой родной язык. К тому же у меня был при себе испанско-русский разговорник, которым я ловко пользовался. Незнакомка свободно изъяснялась по-немецки, сносно – по-русски и дай Бог каждому – по-английски. Клянусь, наша беседа стоила того, чтобы ее послушать. Открытая, общительная по натуре, американка тут же выложила, что звать ее Томи, мужским именем, что преподает она в университете историю, родители тоже профессора, ей под сорок, она не замужем, и у нее никогда не было мужа, она путешествует по Испании, маршруты выбирает сама. Томи говорила, и с лица ее не сходила улыбка. Мы условились, что я буду называть ее Тото, она меня – Гор. Не прошло и получаса, как мы

стали ближайшими друзьями, оба помирали со смеху от нашей пятиязычной беседы с призвуком иронии, сопровождавшим наше общение с самого знакомства. Как-то так получилось, что я поделился с ней своими мыслями относительно джинсов и сексуальных узлов, высказался по поводу испанок и грузинок.

Тото слегка скорректировала свою улыбку, ближе к серьезной, и заметила:

– Когда я собиралась в Испанию, в мои планы не входили флирты и увлечения. Не думаю, чтобы я их изменила... Мистер Гор, вы бывали на корриде?

– Бывал ли я?! Я – теоретик, исследователь и эксперт корриды. У меня собственное учение, которое рассчитываю в ближайшем будущем распространить на все страны, где принят бой с быком. Тото, для вас это первая коррида?

– Да.

– Что вы говорите?! В таком случае вы самый подходящий объект для изложения моих мыслей. Я не упущу такой возможности. Слушайте меня внимательно и не заигрывайте со мной, иначе мои мысли, и без того нескладные, вконец перепутаются.

– Слушаю.

– Вы историк и, конечно, знаете, что в Испании реконкиста – отвоевание территорий, захваченных врагом, – началась в восьмом веке. Корриду в ее первоначальном виде испанцы переняли в одиннадцатом веке у балканских народов, а на Балканы она попала в незапамятные времена – из Колхиды. Возможно, баски ввели это зрелище в Испании.

– Гипотеза мне известна.

– Рад слышать!.. Испанские народы и племена в течение семисот лет противостояли захватчикам...

– Сколько тебе лет, Гор? – по-русски спросила она и, мне думается, этим вопросом внесла простоту в наши отношения.

– Когда Иешуа распяли на кресте, мне было тридцать три года, я – почти вечность.

– Вы дружили?

– Да, с детства. Потом в юнкерском училище произошел разрыв. Он был очень упрямым, мы так и не сошлись. Я говорил ему: «Брось, ввяжешься в историю». Он не послушал и вот!

– Что послужило причиной вашего разрыва?

– Он твердил: «Но кто ударит тебя в правую щеку, обрати к нему и другую». Я же был убежден, что «не мир принес я вам, но меч».

Цитировать мне пришлось по-грузински, и мы отдали мукам перевода довольно много времени. Точнее, время отнял смех. Она хорошо знала евангелие, это выручало.

– Напрасно разошлись, – аметила Тото, когда мы успокоились.

– Продолжим лекцию! Разве удивительно, что у народа, занятого постоянными войнами, со временем возникает желание создать игру, отображающую борьбу с врагом и победу? У большинства наций существуют развлечения, зрелища или мистерии, выполняющие именно эту функцию. Испанцы постепенно приспособили корриду к своим потребностям и стали использовать ее как иллюстрацию процесса борьбы с завоевателем, победы над ним и уничтожения. Правда, в нашей действительности коррида утратила свое первоначальное назначение, зато теперь ее миссия – воздействовать на историческую память народа, на его чувства, отодвинутые в подсознание. Как иначе объяснить разницу в интересе, проявляемом к

корриде испаноязычными народами и всеми остальными?

– Гор, сколько у тебя детей? – прервала меня Тото, улыбкой давая понять, что я разжевываю азбучные истины.

У этой женщины для каждого оттенка настроения была своя улыбка.

– Если мы побудем еще некоторое время вместе, язык нам не понадобится, я буду читать по твоим улыбкам. У меня нет детей. Пошли, займем места.

Когда мы поднимались по лестнице амфитеатра, Тото предупредила меня:

– Во время корриды, пожалуйста, помолчи о своем учении. Я все поняла. Сама хочу разобраться. Если хочешь, поухаживай за мной.

Наши места оназались в одном из последних рядов, на самом солнцепеке – «соль». Удобно устроившись на подушках, взятых напрокат у входа, я спросил:

– Я приобрел билет на эту жаровню только потому, что у меня вышли деньги. Ты что, тоже на мели?

– Нет, у меня достаточно денег. Понадобится, пришлют еще. Мне сказали, что коррида – ужасное зрелище, и я подумала, что мои нервы могут не выдержать, сбегу. Так вот, если я сбегу отсюда, потеряю восемьсот песет; из сомбры – четыре тысячи. Есть разница?

– Стопроцентная американка! Как ты думаешь, сколько сейчас градусов?

– Я знаю по справочникам, что здесь в полдень в июле бывает столько же градусов, сколько миллионов нынче проживает в Испании плюс сорок один-сорок два в тени... Ужасная жара, правда?.. Если бы я купила билет в сомбру, я бы не встретила тебя. Ты говоришь занятные вещи. Тут лучше.

– Спасибо, сеньорита.

Она, задумавшись, молчала.

– ...Это человечество! – как бы вслух продолжила она свою мысль. Я понял, она имела в виду битком набитые трибуны. – Человечество, которое было, есть и будет...

– Правильное начало, госпожа Тото!

В тот день прославленному мастеру Луису Рейне предстояло убить одного из быков. По установленному порядку церемониальное шествие участников проходило под звуки оркестра. Парад открывали три матадора, в середине шел сам Луис Рейна, справа и слева шагали не менее известные эспады. За ними следовал верхом копыеносец, или пикадор, очень смахивающий на святого Георгия, если бы не кляча с набрюшником, предназначенным для защиты от бычьих рогов, на которой он восседал. За пикадором шествовали трое бандерильеро. Эти, когда настанет время, всадят в загривок быка украшенные лентами бандерильи. За ними развернулись в ряд трое капеадоров, которым предстояло раздражить быка. Следом шагал пунтильер, задача которого – всадить нож в загривок смертельно раненного шпагой матадора животного и прервать его агонию. Шествие замыкали квадрилья де араста – двое участников верхами, выволакивающие под конец с арены убитого быка. Участники парада в ярких цветных костюмах, расшитых золотом, двигались с подчеркнутым достоинством. Со стороны это всегда выглядит немного смешно, но апасионады – страстные болельщики, которые лучше азбуки знают все двести правил боя с быком – с такой серьезностью воспринимают пасио, с таким искренним восторгом приветствуют своих любимцев, что для юмора чужеземцев места не остается.

Парад прошел перед ложей префекта, поприветствовал его и двинулся к выходу. Я поделился с Тото мыслью о комизме зрелища.

– Да, забавно. Если бы кто-нибудь из летописцев с юмором живописал прошлое, может, составила бы более достоверная история.

Парад кончился. На арене остались одни капеадоры и бандерильеро. Они слонялись по арене, беседовали друг с другом в ожидании знака префекта, по которому должны были выпустить из загона быка. Это зрелище пополнило новой деталью образный ряд, созданный моей фантазией; арена, пока на нее вырвался бык, – место мирного общения людей, наций и государств, наша круглая земля с проживающими на ней народами. Амфитеатры – человечество на одном этапе исторического развития. Завтра здесь будут сидеть иные люди, послезавтра – иные, но человечество, составленное из разных поколений, будет вечно, равно как и на этой вот арене одни народы будут сменять другие. Все изменчиво, кроме того инстинктивного страха, что на арену вырвется насильник и превратит гармонию в хаос. Вот это вечно!

Я был занят этими мыслями и не заметил, как префект махнул платком. Бык выскочил, как бешеный, и застыл, ослепленный ярким солнцем – несколько часов до начала боя его держали в темном загоне.

– Завоеватели в основном являются миру из тьмы, – заметил я, объясняя Тото причину оцепенения быка.

Бык, попривыкнув к свету, заметил каплу – дразнящее глаз малиновое полотнище в руках капеадора – и ринулся на него. Капеадор мягко увернулся от рогов и бросился бежать. Бык за ним, но тот успел заскочить в укрытие. Таких укрытий несколько в ограждении, опоясывающем арену. Преследуемые быком капеадоры устремляются в них, сродни воинам, потерпевшим неудачу в бою и ищущим прибежище в своей крепости. Капеадоры сменяются один за другим и дразнят быка до тех пор, пока префект не сочтет нужным прервать десфиле и пригласить на арену пикадора.

– Совсем как история человечества. Разве нет, Гор? Ты прав: нападение, отражение, бегство, преследование, поражение, победа. Что еще? – спросила Тото и продолжила: – Так бывает на войне: что-то кончается, а что-то начинается. Война – это торжество грубой силы, и начало ее же смерти. Быка изматывает эта дразниловка, он устает, теряет силы и начинается его смерть!

Этот процесс на профессиональном языке корриды называется суэртэ де муэртэ – процесс умерщвления.

Тото подняла на меня глаза, вслушиваясь, и пробормотала:

– Господи, какой ужас! Суэртэ де муэртэ – процесс умерщвления. Это ведь приложимо ко всем обстоятельствам...

На арене появился верхом на кляче пикадор. Ноги всадника от колен и ниже были защищены металлическими щитками. В руках он держал копые со стальным наконечником, насаженным на крестовину, чтобы острое не слишком глубоко вонзалось в бычий хребет, потому как убить животное надлежало матадору.

– Посмотри, Гор, на копые! Имитация креста! – заметила Тото. – Неужели назначение его – указывать на лицемерие христианства? Обрати внимание, люди смеются, свистят.

– Сдается мне, их потешает и надутый, самодовольный вид всадника. Они знают, что этот фанфарон, в образе святого Георгия, никакой не герой и не спаситель...

– В народе всегда живет подсознательное чувство неконкретизированного бунта, и его, как лишнюю кровь, время от времени нужно выпускать. Испанцы – верующая нация, тем не менее в людях заложен внутренний протест против Бога и святых. Его нужно нейтрализовать, и вот, пожалуйста, – смейся и свисти сколько душе угодно! Это испытанное средство любой власти, – добавила Томи.

Тем временем раззадоренный бык боднул лошадь пикадора в брюхо, но не смог пробить набрюшник. Пикадор, воспользовавшись паузой, всадил быку копьё между лопатками. Кровь хлынула струей, стекая кизилковым потоком по черным бокам животного. Бык, пуще распалившись, поддел лошадь рогами, уперся в нее лбом, будто отыскивая незащищенное место. Пикадор в другой раз всадил копьё. Бык, подняв лошадь на рога, бросил ее оземь, падая, она подмяла под себя ногу всадника. Бык рванулся добить лошадь, но капеадоры, заманив его на сторону, тотчас окружили. Бык растерялся, застыл. Остальные бросились к кляче, пытаясь высвободить пикадора. Люди гоготали. Рев стоял такой, что Тото зажала уши.

Как только удалось увести быка в сторону, десфиле продолжалось. Высвободили ногу, подняли всадника, он уселся на лошадь и, не теряя достоинства, покинул арену.

– Тото, несмотря на обещание молчать во время корриды, я все-таки выскажу тебе одно соображение, чтобы убедиться в его правильности. Выслушаешь?

– Говори.

– Вот, предположим, отдельная территория, которую хочет подчинить себе некий завоеватель. На ней расположены какие-то государства, народы, среди которых есть, разумеется, лидер, наделенный силой. Вторгается завоеватель, лидер выжидает, чем кончится сопротивление соседей послабее, разжигает их ненависть, даже тайком помогает им, чтоб измотать, истощить врага, а потом уже двинуться на него самому. В этом ожидании заложен тайный умысел: после победы в решающей битве, в чем самодовольный лидер не сомневается, он сможет если не целиком, то хотя бы частично прибрать к рукам земли, потерянные мелкими козьяками, потому как он — победоносец и освободитель. И вот тогда население присоединенных земель содрогнется от его ненасытной алчности и, может, с тоской возмечтает о возвращении побежденного захватчика. Все это народы хорошо знают и свое отрицательное отношение к лидеру выражают, как, например, испанцы, в комическом образе пикадора в корриде. Как ты думаешь, правильно ли такое определение художественного образа пикадора?

– Народы такими сложными категориями не мыслят.

– Правильно. Мысли, живущие в подсознании, находят выход в музыке, хореографии и спортивных играх. Свое подспудное отношение к лидеру испанцы выразили созданием комического образа пикадора.

– Испанцы, впрочем, как и вы, грузины, столетиями воюют с захватчиками. Мы же, американцы, сами от века захватчики, жесточайшие завоеватели. В вас живет боль за свое прошлое, и вы рассматриваете корриду с этих позиций. Во мне нет ваших историко-психологических посылок. Разве могут быть одинаковыми наши толкования образа пикадора? Может, поэтому мне твой анализ кажется искусственным. Я – американка, и для меня пикадор – комедийный персонаж корриды, некая оппозиция христианской рели-

гии, существующая в народе и указующая на то, что христианство, благодаря своему всепрощенчеству, при сопоставлении его с другими религиями выглядит несостоятельным, беспомощным и даже комичным.

Бык, получив две раны, с нарастающей яростью носился за капеадорами. Одного даже настиг, боднув рогами в зад. Хотя удар и лег косо, капеадор перекувырнулся в воздухе. Люди, почуяв запах смерти, замерли, но остальным капеадорам удалось ловко увести быка в сторону.

– Хороший бык, – заметил я. – Как выскочил, ни разу не остановился.

– Да, в напористости ему не откажешь, но я не понимаю, чего он хочет. Гоняет этих бедолаг по арене, и только. Понятно, что у животного не может быть какой-нибудь осознанной цели, но сам этот бессмысленный и бесконечный бег, преследование, должны же что-то по своей концепции выражать. Ведь так?

– По-моему, в этом и заложена глубинная суть корриды – все суета сует! От кого бы ни исходило разорение и опустошение человечества, истребление народов и государств – это все тот же бесконечный бег и преследование. Разве не так?.. А в общем, если уж говорить, что остается в руках завоевателя или что вообще остается из завоеваний?!

– В этом плане, да... Посмотри, как упорно носится за малиновой тряпкой бык. Это проявление бессознательной агрессии существует в каждом живом организме.

– Это действие отображает борьбу за порфиру, за императорские регалии. В этой мистерии, прекрасная Тото, все предусмотрено!

Бык устал, ноги у него подкашивались. Заметив, как он пошатнулся, префект дал знак бандерильеро. Десфилирование закончилось; капеадоры, перевесив на руку дразнящие полотнища, отошли от быка.

Эта часть зрелища и впрямь очень красива. Стоя на цыпочках, боец изящным движением уворачивается от рогов мчащегося быка, подпрыгивает, на мгновение зависает в воздухе и вонзает в хребет копыцеца в две пяди длиной, украшенные красными лентами, – оба одновременно. Теперь второй бандерильеро, вызывая на поединок быка, распалает его возгласами «торо». Животное мешкает, может, размышляет, как сподручнее поднять врага на рога. Потом срывается с места, делает прыжок, и этот мощный рывок, казалось бы, несет смерть этому изящному человеку, удел которого завершить свою жизнь, подобную игре, на бычьих рогах... И снова красивейший пируэт, молниеносный промельк грозных бычьих рогов, прыжок, и снова два всажённых в хребет копыцеца. Это действие повторяется грациозности ради и очень походит на поединок отважных, искусных в бою, рыцарей с темными и злыми силами. Действие закончено, в бой снова вступают капеадоры, и снова мечется бык, а в его хребте колыхается, леденя душу, бандерилья.

– Корриду ведет префект, – отметила Томи. – Каждое последующее действие начинается по его знаку. Он правит зрелищем, как Бог – грандиозной мистерией человечества. Бог нужен на все случаи.

Префект дал знак матадору выходить.

Когда бык находится на половине арены, освещенной солнцем, пестрая одежда бойцов, переливающийся золотом песок, колыхание малиновых полотнищ, трепет копыцеца с развивающимися желто-красными лентами в бычьем хребте, кизилковые подтеки свернувшейся крови на боках обезумевшего животного

создают неповторимую фантазию цветов. Это конвульсивное движение сливается с диким ревом трибун, и на глазах у зрителей бушует история самого человечества, создавая иллюзию вечности.

– Посмотри, Тото, что творит солнце! – не смог сдержать я восторга. – Помнишь Эрнеста Хемингуэя? «Коррида должна быть осиянной лучами солнца».

– Думаю, Хемингуэй имел в виду не только корриду, а внутренний мир произведения. Он довольно долго жил в Испании, постиг истинное значение «дуэнде» и назвал его внутренним солнцем. Высочайшая техника исполнения, мастерство, – словом, все то, что возводит до утонченного артистизма красоты, что воспринимается не только глазом или ухом, но и какими-то тайными путями, что проникает в душу и обогащает тебя – внутреннее солнце, дуэнде!

Матадор неторопливым шагом, с достоинством главного героя вышел на арену, стал под левой ложей префекта, снял треуголку, испрашивая разрешение вступить в поединок. Получив согласие, он передал треуголку одному из служителей, взял мулету – ярко-красное полотнище – и направился к быку. Ему предстояло продолжить дефилирование быка, и без того измотанного и обессиленного. Нападки быка, демонстрация высшего мастерства и грации матадора длились до тех пор, пока боец не счел животное готовым к закланию. Он подошел к префекту, получил от него согласие и взял шпагу.

Бык и матадор встали друг против друга.

Матадор слегка колышет мулету левой рукой, бросаая вызов быку. В вытянутой правой он держит, прицеливаясь, шпагу; он должен нанести укол между лопатками быка до самого позвоночника – тогда он будет смертельным. Бык стоит, как бы собираясь с силами, и срывается с места. Матадор плавным пируэтом уклоняется от огромных рогов и одновременно наносит удар шпагой. Действие разворачивается так стремительно, что глаз едва успевает зафиксировать момент нанесения удара. Бык стоит замерев, со шпагой в хребте, словно пытаясь расслышать поступь смерти в этом невообразимом реве трибун, и падает как подкошенный.

Свершилось! Процесс умерщвления завершен. Матадора приветствуют переполненные зрителями трибуны, народ ревет, топочет. Женщины и девушки в передних рядах подбрасывают косынки. Пласа де Торос празднует победу.

– Кончилось? – спрашивает Томи.

– Нет. Будет еще кое-что заслуживающее внимания.

Пунтильеро, прервав агонию быка, всадил ему нож в шею. Подбежал к ложе префекта, вернулся, отрезал ухо у быка, показал его трибунам и поднес матадору.

– Я был свирепым завоевателем, теперь я труп раба с отрезанным ухом! Ну что, все?

– Нет, должно свершиться основное, то, ради чего коррида придумана.

На арене появилась упряжка лошадей – квадрилья де арасте. Быку накинули петлю на рога, другой конец веревки затянули узлом на упряжке и под свист и улюлюканье толпы поволокли тушу.

В ту же минуту появился служитель, взмахнул венником раз, другой, там, где была кровь, и все – следов трагедии не осталось.

– Кончилось? – снова спросила Томи.

– Нет. Это никогда не кончится. За этим должна последовать другая коррида...

– С меня довольно и этой! – Томи встала, мы спустились по лестнице.

Трибуны ревели, требуя триумфа для матадора.

– Кричали женщины «ура!» – и в воздух чепчики бросали! – пробормотал я.

Тото попросила перевести. Я перевел, точнее, мы вместе перевели. На лицо ее вернулась улыбка, она сказала:

– Быть не может, чтобы у испанцев, помешанных на корриде, не было летописцев. У матадоров, уверена, есть свои биографы, а кто вспомнит прекрасное, дерзкое животное, которое так небрежно выволокли какие-то подонки!

– Ганадерия – хозяйство, которое быка вырастило! Оно внесет в свои летописи: «Бычок от такой-то коровы и такого-то бугая стал достойным бойцом». Потомков завоевателей, естественно, радует возвеличивание «заслуг» прародителя-быка, но они не любят привлекать внимание прочих к его разрушительной силе.

– Я проголодалась, – объявила Томи. – У меня номер в «Веласкесе», приглашаю на обед.

Если у меня и были какие-то сомнения относительно материальных возможностей Томи, то при упоминании «Веласкеса» они тотчас рассеялись. Эта гостиница с несколькими ресторанами относилась к высшему ряду.

– Богатая и прекрасная госпожа Томи, я уже докладывал, что мой кошелек на последнем издыхании, как форель, выброшенная на берег. А еще должен сообщить, что мой родитель не позволял себе ходить в ресторан даже с ближайшими друзьями и вообще куда бы то ни было, если у него не было денег, чтобы оплатить все расходы полностью.

– И часто он кутил?

– Достаточно.

– Гор, я опубликую в Штатах твои воззрения на корриду, разумеется, с упоминанием имени автора. Наша страна за идеи платит больше, чем за товар. Считаю своим гонораром часть платы за обед...

– Иду!

Мы доедали десерт, когда подошел служащий бюро путешествий, он принес Томи билет на самолет. Речь шла о поездке в Сан-Себастьян и о номере в гостинице.

– Когда летишь, Томи? – упавшим голосом спросил я, дождавшись ухода служащего.

– Завтра утром, в восемь часов десять минут по мадридскому времени! – вроде даже насмешливо возвестила она.

– Жаль!

Томи одарила меня одной из своих улыбок и сказала:

– Ты страшный человек, Гор, ты сложен из камней тех крепостей, что некогда были сровнены с землей. Боюсь, что даже это недолгое общение с тобой изменит мой характер, мою былую легкость и улыбку сменил угрюмость. Лучше нам по отдельности каждому совершить свое суэртэ де муэртэ!

Мы отошли на несколько шагов от стола, когда я обернулся. «KGB» лежала там.

– Тото, ты забыла книгу! – Я сделал движение вернуться.

– Пусть остается, я это видела сегодня на корриде. Мы не оставили друг другу адресов...

Гора Мборгали, кто ты, бык или эспада?!

СПАРТАКОВСКИЙ ХАРАКТЕР

Атака - стихия Никиты Симоняна

В пятьдесят первом его достала всесильная рука Сталина. В Кисловодске, куда после трудного сезона поехали на отдых и лечение спартаковцы Игорь Нетто, Анатолий Ильин и он, Никита Симонян. Потом он вспомнил. Прошла первая беззаботная неделя. Почти каждый день ходили в кино, и вдруг во время сеанса слышит: «Симонян! На выход!» Выходит и видит Михаила Степаняна, адъютанта Василия Сталина, командующего ВВС МВО. Они были знакомы, и футболист, естественно, воскликнул: «Какими судьбами?» – «Есть разговор, – сказал Михаил. – Сядем в машину». Вскоре они были на одной из дач. К удивлению Симоняна, он увидел там и другого сталинского адъютанта – Сергея Капелькина, в прошлом футболиста ЦДКА.

«Тебя приглашают в команду ВВС», – с места в карьер сообщил ему Степанян. – «Но я не собираюсь уходить из «Спартака» – «Представляешь, какой сдвоенный центр составите вы с Севой Бобровым», – сказал Капелькин, сделал вид, что не услышал его слов. – «Я преклоняюсь перед Бобровым, играть рядом было бы большой честью для меня, но и в «Спартаке» – отличные партнеры, к тому же многие из них – мои друзья!»

Капелькин и Степанян переглянулись, помолчали. Поняв, что Симонян тверд в своем решении, сменили тактику. «Слушай, если мы вернемся без тебя, командующий рассердится, сочтет это невыполненным заданием. Можешь ты, в конце концов, нас выручить? Ведь он послал за тобой спецсамолет».

В Минеральных Водах их и впрямь ждал самолет.

Укрылись мехами – в воздухе действительно было холодно – и через пять часов приземлились на поле Центрального аэродрома. Их встретил полковник Соколов, начальник спортклуба ВВС, и поехали в правительственный особняк на Гоголевском бульваре.

Сталин, не мешкая, приступил к делу: «Ну, вот что, я поклялся, что ты будешь в моей команде. Сам понимаешь, клятва зря не даю». В тот момент Симонян ни о чем другом не думал, твердо знал одно: хочет остаться в «Спартаке». Так и сказал генерал-лейтенанту Сталину. Все смотрели на него с испуганным недоумением.

Василий Иосифович, помолчав, отрезал: «Ладно, иди». У выхода футболиста догнал один из адъютантов и попросил вернуться. Вернулся. Хозяин особняка спросил, может, он боится препятствий со стороны московских властей? Если так, то он все уладит. Никита Павлович ответил, что его воспитал «Спартак», поэтому видит только одну возможность играть в футбол – играть за свой клуб, не может предать тренеров, ребят.

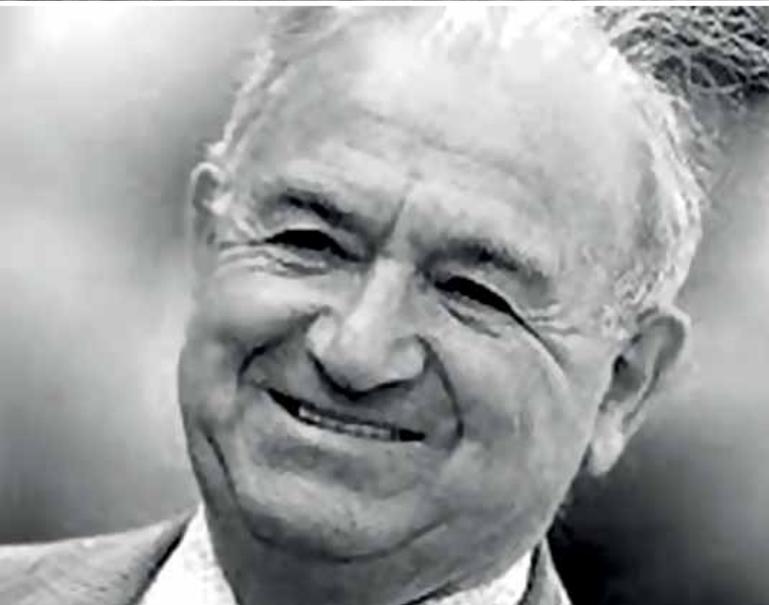
Снова наступила гнетущая тишина, и он услышал: «Спасибо, что не стал здесь вилить, сказал, что у тебя на душе. Иди играй за свой «Спартак».

За свой «Спартак» Симонян играл одиннадцать лет. По прошествии времени возвращался к тому разговору. Не жалел, что остался спартаковцем. Так может зря он тогда? Не только ребятам бы изменил, дружбе, но и спартаковским принципам, которыми они дорожили. И подтверждает с гордостью: из «Спартака» футболисты почти не уходили. Может, причиной тому была история, тради-

тив» – железная дорога; «Торпедо» – ЗИЛ. А «Спартак»? «Спартак» – все остальное. Вот к этому «всему остальному» он прикипел душой на всю жизнь. Сам отрицательно относится к тем, кто легко и часто меняет клубы. Куда хуже, когда футболист сыгрался со всеми, стал частицей единого целого, единого организма, и уходит из-за того, что где-то ему пообещали благ побольше. И вообще, заключал футболист, преданность – свойство отнюдь не лишнее. Хотя жизнь, случалось, и подбрасывала соблазны, но не представлял себя ни в одной другой команде.

Так и отвечал людям министра госбезопасности Николая Рухадзе в Сухуми, когда приехав, узнал, что в доме

Никита Симонян

ции клуба, у истоков которого стояли братья Александр, Андрей, Петр и Николай Старостины, основоположники этой народной команды. Может, почитатели, среди которых числилось немало знаменитых людей – писателей, артистов МХАТа. Почему народная команда – объясняет Никита Павлович. Московское «Динамо» – это МВД, КГБ; ЦДКА, а позже ЦДСА, ЦСКА – это армия; «Локомо-

обуск и арестовали отца, вынуждая сына, знаменитого центрфорварда, играть в тбилисском «Динамо». Предложение само по себе заманчивое, можно сказать, судьбоносное. Он уроженец Армавира, где родился 12 октября 1926 года, в семье, хлебнувшей горя и лишений, спасаясь от турецкого ятагана в страшном пятнадцатом году, прежде чем перебрались в Сухуми на местожительство, и Никита никогда не забывал, как начинал свой долгий и славный путь в футболе – с детской, а потом и взрослой команды местного «Динамо», где стали выпускать его, школьника, играть за сухумских динамовцев в товарищеских матчах с именитыми клубами, которые по весне приезжали на юг, за солнцем, набираться сил. Когда сам Михаил Бутусов, первый капитан советской сборной, увидев, с каким трудом в бросках знаменитый вратарь ленинградского «Зенита» Леонид Иванов, обладатель Кубка СССР 1944 года, отбивает пробитые Симоняном мячи, воскликнул: «Ого!», а позже добавил: «Из этого парня будет толк!»

Никогда не забывал своих абхазских и грузинских друзей, с кем начинал играть на облюбованном пятячке пустыря, на пляже, этой сухумской Копакабана, и позже на зеленом поле, оспаривая золотые медали и хрустальный кубок – верх мечтаний любой команды. Как не забыл, что внимательно приглядывался к Борису Пайчадзе, лидеру тбилисских динамовцев, с его неповторимым почерком новатора и бойца; что здесь посвятились к нему московские тренеры из «Крыльев Советов» Владимир Горохов и Абрам Дангулов, предложили переехать в Мо-

сву. Аттестат был получен, и после длительной беседы с Дангуловым о необыкновенных способностях сына, родители согласились отпустить Никиту в столицу учиться футбольным и прочим премудростям. Горохов, сам бесребреник, приютил его в своей крошечной квартирке – будущая легенда отечественного футбола два года спал на сундучке в крошечном чуланчике, но был счастлив в своей свирепой молодости. Такое не забывается, и когда закончилась его футбольная служба в московских «Крылышках» – команда заняла последнее, 14-е место в чемпионате СССР 1948 года, и ее игроков разобрали по клубам, перед Никитой стал вопрос: куда идти дальше? Больше склонялся он в пользу «Торпедо». Сам знаменитый директор ЗИЛа Иван Лихачев настойчиво приглашал, но когда Дангулов перешел в московский «Спартак», Симонян последовал за наставником. А ученик из него получился отменный, в рекордно короткий срок пробежавший футбольные университеты. И вот в блокнот патриарха спортивной журналистики, футбольного летописца Мартына Мержанова ложатся первые записи о вполне

к победам.

Сороковые огневые ... Враг рвется к сердцу Родины – Москве. На подмосковный полигон доставлены сверхмощные немецкие танки «тигр» и «пантера», броню которых не пробивали наши противотанковые пушки. На испытаниях присутствовали Сталин, Молотов, Маленков, Берия, Хрущев, Тевосян. Председатель Государственного Комитета Оборона Сталин, обращаясь к присутствующему директору горьковского пушечного завода Амо Эльяну, говорит: В двухнедельный срок сконструировать и отлить пушки, которые с первого попадания пробивали броню таких танков. Задание наркомому черной металлургии Ивану Тевосяну – в недельный срок добиться такой брони для наших танков и самолетов, которую бы не пробивали немецкие пушки.

Вот так воевали. «Гремя огнем, сверкая блеском стали, Пойдут машины в яростный поход, Когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, И первый маршал в бой нас поведет...», – с этими словами наши отцы и деды, старшие братья шли на смертный бой, делая все для фронта, все для победы.

Такой самоотдачи требовали в те трудные послевоенные годы уже в спортивных сражениях, где сынам народа-победителя не к лицу пасовать перед соперниками.

Все лучшие качества Симоняна-чемпиона проявились в победоносных для спартаковцев пятидесятых годах. В 1953-м, в конце сезона, в Москву приехал знаменитый венский клуб «Рapid» и проиграл «Спартаку» – 0:4. Через пять дней на этом же динамовском стадионе спартаковцы держали экзамен в матче с футболистами клуба «Дожа» из Будапешта, одного из сильнейших в Венгрии.

В этот день из Сухуми приехал Павел Никитич Симонян, вспоминает все тот же Мержанов. Он много лестного слышал об игре сына, но никогда не видел его на футбольном поле. И вот счастливый случай: сын занят в международном матче, а отец едет в трамвае по Москве и слышит отовсюду: «Симонян, Симонян, Симонян...» Первое время он думал, что это к нему обращаются, оборачивался. Потом привык, понял, что обсуждают игру с венграми. А события на поле разворачивались удивительные. После нулевого первого тайма закрутились в темпе, которого не ждали гости. На 53-й минуте Симонян забил первый мяч, затем второй. Игорь Нетто доводит счет до разгромного – 3:0, и тот же Симонян, под сплошной гул трибун, забивает четвертый гол. За несколько минут до окончания матча Симонян обошел финтом защитника, потом другого и выходит один на один с вратарем. Казалось, нужно бить самому, но нападающий передает мяч назад набежавшему Ильину, и мяч в воротах – 5:0. Победа, в которой Никита Симонян был лучшим на поле. Но его отец так и не доехал до динамовского стадиона: опоздал на электричку из Тарасовки или спутал маршруты трамвая, сел не на ту станцию метро, но информация в тот день о сыне получил сполна: «Симонян забил гол. Никита делает счет 2:0». И уехал из Москвы, убедившись во всенародной славе Никиты, о котором, впервые о спортсмене, даже песню сложили в пятидесятых: «И если Симонян забьет в ворота...»

А он забивал и забивал десятками. Михаил Пираев, которого связывала с Симоняном большая дружба, в частности, завоеванные в составе «Спартака» золотая и серебряная медали чемпионатов СССР начала 50-х годов, подтвердил в беседах со мной: «На поле Никита был исключительно корректный, я бы даже сказал, вежливый игрок. Но как только возникал голевой момент, он моментально преображался, делал мощный рывок и неотразимо бил по воротам. Бывало, подойдет и спра-

С Константином Бесковым

В гостях у «Вечернего Тбилиси». Слева направо: Ф.Маисая, А.Еремян, Э.Минасян, Н.Симонян, И.Сараджишвили, В.Харазов

созревшим современным центральным нападающим Симоняне, в игре которого можно было найти «блуждание» Пайчадзе, федотовскую технику, бобровский «таран», дементьевский пас, пономаревский прицельный удар. Крупницы опыта первоклассных советских футболистов становились достоянием нового поколения нападающих, и, в частности, Никиты Симоняна, дает профессионально точную оценку Мартын Иванович.

И добавил от себя, эти крупницы опыта выплывались в редкий сплав, разящее оружие, прокладывающее путь

шивает: «Деньги тебе не нужны?» Я уже знал: как-то он одолжил мне – и забил сборной Чехословакии два мяча. Бельгийскому «Андерлехту» – четыре в одном матче, правда, без моей помощи».

На протяжении четверти века, до того как раскрылся талант Олега Блохина, Никита Симонян оставался самым результативным форвардом отечественного футбола.

Ему, олимпийскому чемпиону в Мельбурне, заслуженному мастеру спорта и заслуженному тренеру СССР, четырехкратному чемпиону СССР и двукратному обладателю Кубка СССР, кавалеру Олимпийского ордена МОК, ордена ФИФА «За заслуги», Трудового Красного Знамени, «Знак Почета», Дружбы, «За заслуги перед Отечеством III и IV степеней, Ордена Почета (Армения), принадлежит множество рекордов результативности в истории клуба, лучшего бомбардира трех сезонов чемпионата страны (1949, 1950, 1953), знаки спортивной доблести выступлений за родной клуб, за сборную страны.

На чемпионате мира 1958 года в Швеции, по существу для него прощальном, он четыре раза выводил на поле советскую сборную в ранге ее капитана, и там в первом матче с англичанами открыл счет четким низовым ударом. Потом он гордился этим ударом, и его понимали специалисты – сборная Англии не рядовой соперник, и наш дебют в финальной части чемпионата мира, в котором он с командой дошел до четвертьфинала, и удар получился на загляденье. А форварду, не будем забывать, было тридцать два.

Но об одном симоняновском рекорде – абсолютном рекорде лучшего бомбардира чемпионата СССР следует сказать особо. В 1950 году Никита Симонян забил 34 мяча в 36 матчах. Этот рекорд оставался незыблемым 35 лет! И только в 1985 году был «превозможен» Олегом Протасовым при очень сомнительных обстоятельствах. Вот как отличался форвард «Днепра»: 10 голов забито в первом круге, во втором – 25! 28 с игры, семь – с пенальти, 25 мячей дома, 10 – в гостях!

Сам Симонян спокойно реагировал на эту «поправку» к своему рекорду: «Я считаю, что рекорд все же побит. Я забил 34 мяча, а Протасов – 35. Очень уважаю Олега Протасова, он в самом деле владел всеми качествами настоящего забивалы. Не хочу бросать камень в его огород, он должен сам, если захочет, сказать о том, как забивал свои мячи, помогли ему или нет. Обиды нет, но по этому поводу могу сказать вот что: а может ли получить удовлетворение от «легких» голов сам игрок? Когда к концу сезона у Протасова начались серии по два, по три мяча в каждом матче, мой знакомый сказал Владимиру Емецу, тренеру «Днепра»: «Владимир Александрович, чувствуется, что вы таким путем хотите побить рекорд Никиты Павловича. Но он ведь забивал голы честные, трудовые, а вы явно подтягиваете Протасова к рекорду». На что Емец сказал: «А Стаханова, что не подтягивали?»

После такого открытия тренера остается только позвать плечами и аплодировать безупречной корректности Никиты Павловича, как ему аплодировали на стадионах Венгрии, Англии, Польши, Бельгии, Болгарии, Швеции, Германии, Италии...

А заодно снимем шапки перед ним за его великие успехи на тренерском поприще. А этот послужной список знаменитого форварда 40-50-х годов поражает воображение. Он – старший тренер московского «Спартака» (1960-1965, 1967-1972), ереванского «Арабата» (1973-1974, 1984-1985), одесского «Черноморца» (1980-1981), тренер сборной СССР (1977-1979). Дважды спартаковцы под его руководством становились чемпионами страны, трижды выиграла Кубок СССР, араратовцы и вовсе отличились – сделали золотой дубль.

10 октября 1973 года, в туманный вечер на московском лужниковском стадионе Никита Симонян и его араратовская дружина дали бой в финальном кубковом поединке признанным фаворитам последних лет – киевским динамовцам. За три минуты до конца основного времени киевляне вели в счете – 1:0. Мяч с пенальти забил Колотов – за снос в штрафной площадке Буряка. Волнуется старший тренер украинской команды Александр Севидов, крупными силами защищаются киевляне. Как опытный полководец, Симонян бросает в бой свой резерв – неустрашимых в атаке Казаряна и Погосова. Когда оставалось играть две минуты, Севидов заменяет нападающих Блохина и Буряка на защитников Зуева и Кондратова – решение вроде правильное. Но что-то назревает. В центре поля завязывается комбинация. Взвился выше рослых киевских защитников Андриясан, выиграл верховой мяч. Бьет по воротам – Самохин отбивает. На этот раз расстреливает ворота Казарян. Бьет и идет на вратаря, словно угадывая, что Самохин не удержит мяч. И действительно – упускает. Мяч у Иштояна, удар! Неужели гол? На последней минуте. В добавочное время ереванцы неустрашимы. Тринадцатая минута третьего тайма. Тот же Иштоян проводит победный мяч, после стремительной комбинации, выстрелив в верхний угол ворот, и став в один вечер самым популярным человеком в Армении.

С Бобровым Симоняну все же довелось поиграть в одной команде – в «Спартаке», в сезоне 1953 года, когда он с 17 мячами стал лучшим бомбардиром чемпионата. Четыре – на счету Боброва, замученного травмами, всего перебинтованного, и вынужденного выбирать между футболом и хоккеем. Хоккей без Боброва терял больше. И ему повезло – Бобров предпочел ледяное поле.

Середина шестидесятых. Симонян – гость редакции «Вечернего Тбилиси» – делится с нами, журналистами, подробностями о предсезонной подготовке «Спартака» в Средней Азии. Говорит о финансовых трудностях клуба. Вот, если бы прибавить к его названию приставку «Аэрофлот», то многие из них можно решить, сэкономить огромные суммы только на одних авиабилетах для команды. Уже подготовлены необходимые документы, нет только одной подписи. Мы молчим, догадываясь, чья эта подпись. Потом спрашиваем, как прошла последняя контрольная игра спартаковцев с командой «Алга» (Фрунзе), где играющим тренером, после многих лет ухода из большого футбола, выступал Симонян. Не изменил ли он своему правилу не уходить с поля, не забив мяча. Симонян отвечает просто: «Я сделал пять передач» – «И что же?» – «5:0 в пользу «Спартака».

Свое 85-летие первый вице-президент Российского футбольного союза Никита Симонян встретил в Чехии, куда выехал вместе с супругой, и здесь, казалось, поздравлениям не будет конца. А потом был в праздничных огнях зал «Метрополя», где ведущими были друзья спартаковцы Евгений Ловчев и Александр Мирзоян, и снова яблоку негде упасть. Это, пожалуй, первый вечер, когда Никита Симонян пропускал матч своего «Спартака», который играл с «Локомотивом», но подробности о всех событиях на поле немедленно сообщались виновнику торжества. Когда Симонян узнал, что «Локо» побежден со счетом 3:0, он с удовлетворением отметил: «Теперь, можно сказать, вечер удался!»

Еще не вечер, дорогой Никита Павлович!

Здоровья вам, здоровья и здоровья, чтобы бодро и по-деловому встретить главные футбольные события, когда самые знаменитые гости со всего мира, сойдя с трапа самолета, первым делом могли спросить: «Где Никита?» и поспешить навстречу с дружескими улыбками.

Арсен ЕРЕМЯН

НА РОДИНЕ ЧЕХОВА

Фрагменты из спектакля «Враг народа» Г.Ибсена. Таганрог. 2011

Никогда не могла предположить, что труднейшую пьесу Генрика Ибсена «Враг народа», лишенную какого бы то ни было флера и любовных интриг, можно увидеть в современном театре, тяготеющим к легким штучкам, поскольку его «потребитель» - зритель жаждет гламура и серьезные темы ему не по зубам.

При этом как рассуждают: главное были бы живы! А то ведь в такой стране живем, что того и гляди снег пойдет, или случится что-нибудь еще непредвиденное. Примерно такую фразу бросает один из героев пьесы Чехова, на родине которого и был поставлен этот спектакль. Но с какой стати? Зачем? Что таганрогскому театру произведений Антона Павловича не хватает? Очень даже хватает, он, можно сказать, перекормил ими своего зрителя, хотя настоящего Чехова никогда много не бывает. И все же вернемся к непопулярному «Врагу народа», заголовок которого напоминает не только страшный 1937 год с расстрельными командами, но и современный истеблишмент, живущий по принципу: кто не с нами, тот против нас! А значит враг.

В исследованиях творчества великого норвежца можно прочитать, что он был последователем Чехова и многому учился у него и его героев. В данной пьесе основной раздражитель непредсказуемых событий тихий интеллигент, главный врач санатория. Благодаря этому курорту заштатный городок должен превратиться чуть ли не в Баден-Баден. Живя по принципу «не навреди ближнему», он попадает в сети собственной принципиальности, так как думал, что клятва Гиппократа священна и местная вода лечебна, а на поверку вышло все наоборот. Оказывается, согражданами движет корыстный интерес и

источники отравлены. Ну, а дальше все происходит, как при «диком капитализме»: невыгодное городу открытие остается за семью печатями, самого доктора надо подвергнуть экзекуции, изгнать, объявить сумасшедшим, забросать камнями, ибо законы большинства для всех едины, и для демократов, и для консерваторов.

У Антона Павловича есть рассказ «Палата №6», где нормального доктора объявили сумасшедшим, а знаменитый кинорежиссер Карен Шахназаров снял фильм по его сюжету, перенес события в XXI век и задавшись неразрешимым вопросом: почему люди так боятся сумасшедших, если сами живут в сумасшедшем обществе. Живут скучно, однообразно, подчиняясь принятому распорядку, в то время как предназначены для более высоких целей.

Чехов никогда не был революционером, не призывал к бунту, ибо понимал: все беды человека заключены в нем самом и пока он не будет отзываться на волшебный колокольчик, оповещающий о несчастьях других, ничего хорошего не жди. Фактически доктор Чехов не только лечил людей, но также прививал животворящий вирус благородства, бескорыстия и сострадания.

Надо сказать: подобного рода альтруисты, живущие по совести, во все времена были опасны. Их нельзя подкупить, такой «валюты» не существует. К ним нельзя подобрать нужные ключи, свои двери они всегда держат открытыми и вообще их легче убить, чем перетянуть на свою сторону. Вы, наверное, спросите: разве подобного рода экземпляры еще сохранились? Ведь сегодня порядочного человека можно растоптать, оболгать, бросить на съеденье желтой

прессе? К счастью, подобного рода «мамонты» сохранились, и среди них хорошо знакомый всем нам грузинский артист и режиссер Георгий Кавтарадзе, успешно снявшийся в «Мимино», «Подранках», «Свадьбе». В отличие от других он не смирился с «железным занавесом», опущенным между Россией и Грузией после войны 2008 года и, как мне кажется, до сих пор считает себя интернационалистом, поскольку культурных границ для него не существует. Поэтому готов ехать за тридевять земель в Таганрог, где пять лет назад ставил спектакли, и где его ждут друзья – актеры, для которых система Станиславского учит одному – жизни человеческого духа на сцене. А этому Кавтарадзе тоже научит кого угодно. Ведь он ученик великого Михаила Туманишвили, перед которым преклонялись Товстоногов, Эфрос, весь русский театр.

Говорят, художника надо судить по законам, самим над собой поставленным. А если художник обвиняет общество, в котором живет, то кем его нужно считать: провокатором, отщепенцем, диссидентом?

Георгий Кавтарадзе избрал для самовыражения пьесу Ибсена, то есть, малую политику, касающуюся нравственности и предательства, веры и безверия, правды и сладкой лжи. В эту борьбу включены сейчас все, поскольку главными ценностями объявлены материальные, а не духовные. Поэтому продвинутые материалисты дают фору «отсталым» идеалистам, к ним, конечно же, принадлежит главный врач курорта в блистательном исполнении Сергея Герта, интеллигента до мозга костей, нервного, рефлексирующего,

лишенного какого бы ни было самолюбования. По складу характера и актерской палитре красок – типично чеховский персонаж, чуждый патетики и напускного героизма. Из-за этого поначалу трудно поверить, что он способен вступить в схватку с сильным мэром города, притом родным братом, вытаскившим его из какой-то глухомани. Увы, неблагодарный правдолюбец пренебрег родственными связями, истина оказалась для него дороже. Она стала поперек горла семье, жене, детям, отпугнула умеренных сторонников реформ, заставила пожертвовать собственным благополучием и даже жизнью.

Что и говорить, невеселенькая история, я бы сказала, сумрачная. С сумерек и начинается спектакль, все предметы размыты, словно в сизом тумане, неприкаянный старик в черном пальто бродит по сцене, прислушиваясь к тишине, как будто лопнувшая струна способна родить музыку. Все кончено? Да, нет, ведь память не умирает и может реанимировать прошлое в виде документальной хроники жизни одного человека. Но ведь есть и другие персонажи, или они всего лишь массовка, создающая фон напряженному противостоянию бескорыстия и выгоды? Режиссер не награждает их сложными характерами, все, как на ладони: сонм приспособленцев, оправдывающих свою трусость расхожей фразой «Время такое! Плетью обуха не перешибешь». Словно марионетки они выскакивают из-за красного занавеса, шаркают ножками, раскланиваются и всегда готовы угодить главному кукловоду – мэру города в исполнении Владимира Бабаева, который даже не думает

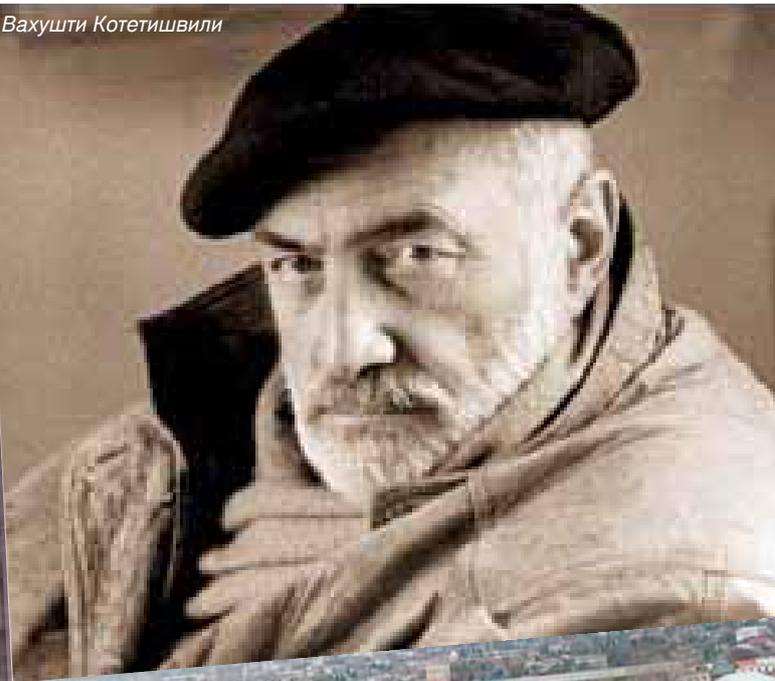
изображать из себя демократа, он хозяин жизни, а потому нечего надевать личину либерала.

Горькое послевкусие остается после окончания спектакля, можно сказать, это тоннель, в конце которого света не видно, и на что тратится человеческая жизнь – непонятно. Трагическое мироощущение режиссера явно дает о себе знать, тем более это удивительно для Георгия Кавтарадзе, человека жизнерадостного и оптимистичного, вынужденного сегодня собирать камни зла.

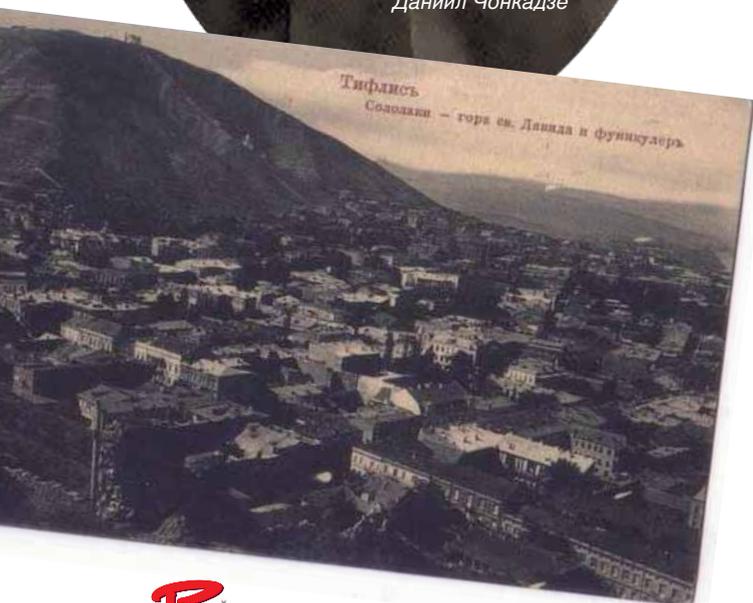
Любовь ЛЕБЕДИНА

«ЗАВЛЕКАЮТ В СОЛОЛАКИ СТЕРТЫЕ ПОРОГИ...»

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ
СТАРОГО РАЙОНА

Даниил Чонкадзе

Чем дальше мы бродим по тбилисским мостовым, тем больше убеждаемся: на них все, удивительным образом, связано. Тут нет случайных пересечений улиц и переулков, сами их названия словно пытаются рассказать нам непредсказуемые истории о том, как переплетаются дела и судьбы людей из разных эпох. О том, как что-то, созданное или только начатое одним человеком, вдруг продолжается другим. Причем, нередко, через многие годы. И нам остается только послушно шагать с одной мостовой на другую, внимательно вслушиваясь в названия и вглядываясь в мемориальные таблички.

Вернуться в Сололаки с Мтацминды можно двумя путями. И к первому из них – по улице Даниила Чонкадзе – от дома Сергея Параджанова всего два шага. Тбилиси интуитивно связал два своих старых района этими именами – то, что волновало писателя 19 века, продолжилось работой кинорежиссера века 20-го. Судьба была неблагоприятна к писателю-разночинцу Чонкадзе, подготовившему, как считают литературоведы, почву для критического реализма в грузинской литературе. Когда он заканчивал училище, убили его отца – священника в североосетинском селе, позже его жена умерла от тубер-

кулеза, оставив Даниила с маленьким сыном на руках, а через несколько месяцев та же болезнь унесла и его самого. Да и прожить-то он успел всего 30 лет. В общем, легко понять, почему с фотографии на нас смотрит такими грустными глазами человек, кажущийся пареньком во «взрослом» сюртуке. И трудно поверить, что работы этого юноши навеки оставили след в истории сразу трех народов. Он составил первый русско-осетинский словарь, до наших дней не потерявший своего значения, собрал осетинские пословицы и сказания, уже посмертно изданные в Санкт-Петербурге в качестве «Приложения к XIV тому «Записок Императорской Академии наук». А главное – за год до ухода из жизни опубликовал повесть «Сурамская крепость», сделавшую его классиком грузинской литературы. Прошло ровно 125 лет после появления этой повести в журнале «Цискари», и на экраны Грузии, а затем и всего мира вышла «Легенда о Сурамской крепости» Параджанова. Реалистичный слог повествования о том, как в крепостной стене был замурован прекрасный юноша, в кино расцвел, по словам знаменитого литературоведа Юрия Лотмана, «смысловой насыщенностью кадров».

А ведь от древней крепости на сололакские мостовые тянется еще одна ниточка. Прямо к другому знатоку и исследователю народного творчества, замечательному поэту и переводчику, уникальному человеку Вахушти Котетишвили. И он посвятил теме, поднятой Чонкадзе, одну из своих работ – «Происхождение легенды о Сурамской крепости и ее параллели в мировом фольклоре». И именно к улице, на которой – табличка с его фамилией, пролегает второй вариант нашего пути с Мтацминды. Правда, названа эта крутая улочка в честь отца Вахушти – Вахтанга, ученого и общественного деятеля, расстрелянного в 1937 году. Его символическая могила – в главном Пантеоне Грузии, на горе Мтацминда, на камне – имена еще нескольких уничтоженных НКВД и неизвестно, где погребенных выдающихся представителей грузинской культуры. И не только об отце, а обо всех, лежащих в этом Пантеоне, звучат слова Вахушти Котетишвили: «Коммунисты придумали – «советская интеллигенция». Они так объясняли: человек, который занимается интеллектуальным трудом – интеллигенция. Я бы называл – не интеллигент, а духовная аристократия. Вот таких духовных аристократов очень мало осталось, но они – они живучие. Аристократизм уничтожить нельзя». В первую очередь, эти слова относятся и к тому, кто их произнес. «Не царевны повсюду, а лягушки-квакушки. Если хочется чуда – постучитесь к Вахушти». Такой экспромт написал в 1980-х, прямо на салфетке, Андрей Вознесенский. Впрочем, в дом Вахушти стучаться и не надо было – двери не запирались.

А вот хозяин дома достучался до сердец столько российских литераторов! И самым близким – не только другом, но и старшим братом считал замечательного журналиста, писателя и популяризатора науки Ярослава Голованова. Почему братом? Перенесемся в конец

1960-х, на родину Котетишвили – в Хевсуретию. Именно там Вахушти и Ярослав, приехавший в командировку, делают себе надрезы между большим и указательным пальцами правой руки и смешивают кровь в ладонях друг друга. А потом закрепляют братание вином из старинного рога, украшенного серебром с голубой эмалью. И Голованов увозит этот рог в Москву. Теперь – еще один шаг сквозь время. Василий – сын уже скончавшегося Ярослава, остался без работы, его семья 4 месяца сидит без денег, и он решает продать рог, не зная его историю. Попыток сделано немало, казалось, рог вот-вот продается, но каждый раз все срывается. И Василий делает вывод: рог не хочет уходить из дома его отца. Только после этого он узнает от матери: рог связан с ними кровными узами. А потом, побывав в Тбилиси у Вахушти, он ошеломлен: «Благодаря ему, я понял, что, как и все сыновья, мало знал своего отца... Здесь, в Грузии, я выслушивал о нем настоящие легенды. Ему повезло: таких исполинов, как батоно Вахушти, он застал в расцвете таланта и сил. Даже мне повезло! Ибо и сейчас у этого немощного с виду старика было чему поучиться: достоинство, жесты, эмоции – целый фонтан прекрасных эмоций, целительное воздействие которых я не испытывал на себе в атмосфере Москвы целые годы! Какая душа была нужна, чтобы взрастить такие чувства!»

А теперь – слово самому русскому брату грузинского писателя Ярославу Голованову. На дворе – 2001 год. «В Москву приехал Вахушти с сыном. Он совсем лишился голоса, ему вставили трубку, но без клапана, и когда он говорит, он зажимает дырку в горле. И это – мой младший брат Вахо, который был лучшим тамадой в Тбилиси! Я привез их в Переделкино и закатил пир в их честь. Приехал Юрий Рост, подошел Игорь Кваша. Получился замечательный вечер воспоминаний... Он пил с Игорем водку, Рост – вино, а я – минералку. Игорь, который не был

Ярослав Голованов

Василий Голованов

знаком с Вахо раньше, совершенно в него влюбился». Что ж, знаменитого артиста можно понять – общаться с Вахушти и не очароваться им, было просто невозможно. А уж, о женщинах – и говорить нечего. Вот, на Пицунде, поэтесса Анна Бердичевская уговаривает... барабульку:

И хотя он безобразник,
Стать ему обедом - праздник,
Потому что он поэт.
На обеде этом самом

Будешь рыбкой, буду дамой.
Станем вместе мы форсить,
И услышим мы Хайяма,
Может статься, на фарси.

Все правильно, стихи Хайяма в оригинале для Котетишвили – часть жизни. Востоковед по образованию, он был профессором кафедры иранской филологии Тбилисского университета, государственная комиссия Ирана включила его в шестерку лучших переводчиков с иранского языка, правительство этой страны наградило его грамотой. Он объяснял: «Мой отец был человеком ренессансного типа... Блестящий оратор, ученый, был и философом, филологом, литератором, фольклористом, писателем и поэтом, и так далее, и живописцем, скульптором. И ему все это удавалось... И от отца я унаследовал эту разбросанность, что ли». В общем, он делал переводы еще с немецкого и голландского, получал литературные премии во Франции, Австрии и, конечно же, на родине. И очень много переводил из русской поэзии. С особой требовательностью к себе.

Послушаем хрипловатый, надтреснутый от болезни голос Вахушти, который утверждает, что искусство перевода – это особое искусство, великая гуманная миссия между культурами народов, без посредников. Кому, как не ему, знать это – человеку, переводившему Иннокентия Анненского, Максимилиана Волошина, Николая Гумилева, Осипа Мандельштама, Иосифа Бродского... А Марина Цветаева вообще была его любимым поэтом, он считал, что в мировом масштабе она занимает совершенно обособленное место в поэтическом мышлении. Именно ее он начал переводить первой. А вот переводы Бориса Пастернака поначалу никак не давались. Вахушти признавался: «Несмотря на то, что я с самого детства его стихи знаю наизусть, я начинал переводить его, но все рвал и выкидывал. Так продолжалось 45 лет.

Леван Челидзе

И вдруг, недавно, просто сел и начал переводить. И 20 стихотворений подряд перевел за одну неделю». Да, все его переводы блестящи. А вот оригинальные стихотворения на русском он писал очень редко. Одно из них посвящено любимой женщине, поэтому рука так и тянется к листку – интересно, какие слова он нашел в русском языке

для самого дорогого человека? Но, давайте, сделаем это позже – стихотворение рождено расставанием после 15 лет счастливой семейной жизни. То есть, в черный для него день. Так что, мы придем к этому стиху, пройдя через другие черные дни Вахушти Котетишвили.

В последние годы жизни он очень тяжело болеет... В огне гражданской войны начала 1990-х сгорает дом, уничтожена огромная уникальная библиотека, рукописи его сочинений. Да, сын восстановил дом, постаравшись, чтобы он опять был истинно тбилисским, но, все же, это – уже не отчие стены... Открываем газету «Алиа» за март 2007 года: «Профессор Вахушти Котетишвили чуть было не умер. Причиной стало отключение электроэнергии из-за задолженности. Он присоединен к дыхательному аппарату, который работает на электричестве. Один из сотрудников ТЭЛАСИ отключил свет, Котетишвили стало плохо, и его перевезли в больницу, где проведенные процедуры обошлись профессору в 900 лари. Такой суммой Котетишвили не располагает, и за помощью он обратился в Министерство здравоохранения. Там ему ответили, что помощь выделяется только в том случае, если обратившийся находится за чертой бедности». От комментариев к этому сухому сообщению воздержимся – они могут содержать только ненормативную лексику. Справедливости ради, надо сказать, что другая государственная структура – Министерство культуры – сделала совсем иной шаг. А конкретно, через год после этого случая восстановила традиционные вечера грузинского фольклора, которые более 30-ти лет назад основал Котетишвили. А издательство «Диоген» в прошлом году установило для переводчиков премию его имени. Но, все равно, очень хочется посмотреть в глаза тому сотруднику электропитающей компании и тем чиновникам Минздрава...

И – последняя трагедия человека, который считал, что русско-грузинские связи – пример благородных отношений и между интеллигенцией, и между простым народом. «Что касается русско-грузинских культурных связей, об этом даже и не стоит говорить, потому что ясно, какие у нас были культурные связи, какие у нас были каналы духовности, духовного общения, и что значит для грузин русская культура и, по-моему, и для русских тоже. Потому что не зря же Пастернак, Мандельштам, Марина Цветаева и другие великие русские поэты переводили грузинскую поэзию на русский язык. Так что это ясно и всем известно». Сказавшего эти слова Вахушти Котетишвили хоронили на второй день российско-грузинской войны 2008 года. Отпевали его в храме Квашвети, рядом с которым шел антивоенный митинг...

А теперь – стихотворение. То самое, одно из немногих на русском:

Пятнадцать лет, пятнадцать лет.
Для вечности ничтожно мало,
А в жизни человека век,
И века этого не стало.
Пятнадцать лет, пятнадцать веков,
Пятнадцать пестрых певчих весен.
И что осталось? Ложный смех
И тяжесть мхом обвитых весел.
А жизнь проходит, но не та,
Все как-то глупо, сложно, ложно.
Жизнь велика, но и ничтожна,
В ней высший смысл и суета.

Дом на улице Котетишвили сейчас называют не иначе, как «домом Вахушти». И никому ничего не надо объяснять, даже тем, кто далек от поэзии и фольклора. Потому что этого человека помнят не только за научную и литературную работы, а и просто за то, что он был на-

стоящим тбилисцем. Вместе со своим городом он и поднимал тосты, и голодал, ежился от холода и оживал с весенними надеждами.

«Настоящий тбилисец и другие» - так называется фильм, родившийся благодаря другому писателю и поэту. Именно к его дому мы сейчас подходим. Правда, на доме №10 по улице Ингорюк пока только одна памятная табличка, и на ней – совсем другое имя. Великого режиссера Котэ Марджанишвили. Снимем шляпу перед именем реформатора грузинского театра. Это имя тесно связано и с Россией. А конкретно – с постановками в московских Художественном, Малом и Театре Корша, созданием Свободного театра в Москве и Театра комической оперы в Петрограде, руководством театром «Буфф» на берегах Невы и Ростовским театром. Но все это – театральные страницы, а мы перелистываем литературные. И поэтому остановились здесь, чтобы увидеть, как в начале 60-х годов прошлого века из квартиры, где некогда жил великий режиссер, выходит молодой человек.

Он отправляется в Москву, чтобы оказаться в первом наборе ставших, с годами, знаменитыми Высших сценарных курсов. Туда мог попасть лишь представитель каждой из республик СССР. Он должен был иметь хорошие рекомендации, высшее образование. Целых полгода по стране искали самых достойных и, наконец, нашли. Так открывается еще одна страница сценарного искусства грузинского кинематографа. Молодого человека зовут Леван Челидзе, в литературе он остался не только, как киносценарист с особым, легко узнаваемым почерком. Это – почерк писателя и поэта, который на тбилисской, на грузинской почве говорил об общечеловеческих ценностях. «Написал такой сценарий, что ахнули даже москвичи». Это – уже слова бабы Маро из одноименного рассказа Левана, в которой «жило чувство глубочайшей уверенности, что всегда и везде торжествует правда». Они с полным основанием относятся и к самому автору.

По сценариям Челидзе снято много кино- и телефильмов, забыть которые просто не сможет тот, кто хоть раз видел их. Ахнуть же не только москвичей, а всю некогда громадную страну и даже зрителей за ее пределами заставила «Первая ласточка» - романтично-ироничная притча о том, как создавался грузинский футбол. Свидетельство тому – призы (в том числе и главные), полученные этой лентой на международных фестивалях в Испании, ФРГ и Иране, всесоюзных фестивалях во Фрунзе и Минске, диплом Международной федерации кинопрессы (ФИПРЕССИ)... А «Королей и капусту» телевизионные киноканалы России крутят и по сей день. Еще бы! Там, в расцвете сил, блистают Армен Джигарханян, Валентин Гафт, Николай Караченцов, Кахи Кавсадзе, Эрнст Романов, звучат на музыку Владимира Дашкевича песни опального в те годы Юлия Кима, замаскированного под псевдонимом «Юрий Михайлов»... Всех их объединил сценарий Левана Челидзе. И, право слово, самому автору литературного первоисточника – О'Генри не было бы стыдно за этот сценарий.

Кстати, это – единственная работа Левана, в которой он взял за основу чужое литературное произведение. Все остальные сюжеты – только из реальной жизни, они пришли на экран из его рассказов и повестей, герои которых окружают нас у подъезда старого, уже разрушающегося дома. Это – люди разных национальностей: грузины, армяне, русские, греки, курды. Они остроумны и неунывающи, порой непутевы, но поистине артистичны. Они – бессребреники, зачастую творящие настоящие безумства на улицах родного города. Например, соревнуются в мастерстве «соскоков с поворотом» из

старого тбилисского трамвая или, в разгар антиалкогольной кампании, распивают шампанское в буфете Оперы, мечтательно беседуя о феномене Леонардо да Винчи... И делают еще много чего, что покажется невероятным нынешнему прагматичному веку. Сохраняя при этом неуловимое очарование того Тбилиси, который запомнили все побывавшие в нем.

Надо ли говорить, что и сам Леван был одним из таких людей? То, что это засвидетельствуют все, знавшие его в родном городе – несомненно. Стоит только вспомнить ярко-голубые глаза, то подчеркнута наивно распахнутые, то хитро прищуренные перед очередным розыгрышем. Но, может, тбилисцы просто пристрастны к другу, коллеге, соратнику по застолью? Что ж, послушаем его московского однокашника Олега Осетинского: «Леван писал удивительные стихи на русском языке, очень простые и самые прекрасные... Он, несмотря на свою принадлежность к интеллигентнейшей семье людей искусства, всегда хотел быть сам по себе, пробовать себя, так сказать, на зуб жизни. Катался на подножках трамваев, вел свободный образ жизни, не раз попадал в передраги. Он мучительно, по-настоящему видел жизнь... Леван Челидзе принадлежит к неочеченным литераторам. Он никогда себя на «проталкивал», не рекламировал и никогда не ходил в галстук. Он был щедрым, душевным человеком, таких сейчас мало...»

Да, и в Москве, и в Тбилиси Леван оставался, словно сошедшим с собственных страниц. Вполне естественно, что один из самых характерных для такого человека сценариев назывался «Настоящий тбилисец и другие». В фильм вошли новеллы-зарисовки, что называется, с натуры. Натуры, увы, уходящей. Новая эпоха, как и положено, победно вытесняет прежнюю – со всеми ее старыми домиками, непонятными ныне взглядами на мир, «странными» идеалами и героями. Влюбленный в свой город, Леван пророчески писал еще два с лишним десятилетия назад: «Время смело все... и, кажется, весь город, потому что он уже не Тифлис, тот единственный и неповторимый, а просто одна из столиц союзных республик с широкими улицами, с новыми жилыми массивами, с декоративными кварталами, с непонятными и никому не нужными площадями. Куда же делся город моего детства? Где его искать?» Это – фраза из его единственного изданного сборника прозы «Всеми забытая история». Но, ей богу, до сих пор можно позабывать людям, которые впервые откроют для себя эту книгу – целый мир доброты, блестящего юмора и тонких размышлений. А это – из его стихов:

Тихое утро... блеклый рассвет...
Как это странно – нас уже нет.
Все, как и раньше, все, как и прежде,
Те же иллюзии, те же надежды,
.....
Влажный бульвар окаймил паркет...
Невероятно – нас уже нет.
Те же долины, синие горы,
Те же клокоцующие разговоры...
Жирные тучи, грязное небо...
И непонятно – ты был или не был.
Кто мне откроет вечный секрет:
Чьи это слезы, раз нас уже нет.

«И непонятно – ты был или не был» - об этом, наверное, задумывается каждый. Люди, которых мы вспоминали на этой странице, не просто были. Они остались и в литературе, и в нашей с вами жизни. Остались фольклорные фестивали и переводы, стихи и фильмы. Вот только нет памятных табличек на их домах. Впрочем, это зависит уже лишь от нас с вами...

Владимир ГОЛОВИН

РАФИНИРОВАННЫЙ, УТОНЧЕННЫЙ, ОДУХОТВОРЕННЫЙ. ЭТИ ЭПИТЕТЫ СРАЗУ ПРИХОДЯТ В ГОЛОВУ, КОГДА ВСПОМИНАЕШЬ МИКАЭЛА ТАРИВЕРДИЕВА И СЛУШАЕШЬ ЕГО МУЗЫКУ, УДИВИТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ ОБЪЕДИНЯЮЩУЮ ЛЮДЕЙ САМЫХ РАЗНЫХ – ЦЕНИТЕЛЕЙ ВЫСОКОГО ИСКУССТВА И ЛЮБИТЕЛЕЙ ЛЕГКОГО ЖАНРА, ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СТАРШЕГО ПОКОЛЕНИЯ И МОЛОДЫХ. И ЕЩЕ МУЗЫКА ТАРИВЕРДИЕВА СТИРАЕТ НАЦИОНАЛЬНЫЕ ГРАНИЦЫ. ЭТО ПРОИЗОШЛО НА КОНЦЕРТЕ В ТБИЛИСИ - НА ВЕЧЕРЕ, ПОСВЯЩЕННОМ 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ КОМПОЗИТОРА. ОН ПРОШЕЛ В ПОМЕЩЕНИИ ТЕАТРА ИМЕНИ А. С. ГРИБОЕДОВА, НАХОДЯЩЕГОСЯ БУКВАЛЬНО В ДВУХ ШАГАХ ОТ ДОМА, В КОТОРОМ ЖИЛ БУДУЩИЙ КОМПОЗИТОР.

ОСТАЛСЯ В МУЗЫКЕ

ТБИЛИССКИЕ ИСТОКИ

«Синее небо моего детства. Небо Тбилиси. Жара. Воздух напоенный запахом южной зелени. И мама. Мама, которая идет мне навстречу. У меня захватывает дух, я не вижу ее лица, только сияние, исходящее от него», - этими словами начинается автобиографическая книга композитора. Ими же открылся концерт на сцене Грибоедовского. Хозяйкой вечера была Ирма Сохадзе (организовал музыкально-драматическое действо Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб»). А помогли ей молодые актеры театра имени А. С. Грибоедова Аполлон Кублашвили и Олег Мчедлишвили, с удовольствием окунувшиеся в творчество своего замечательного земляка. Впрочем, к тексту книги «Я просто живу» обращались в этот вечер все его участники, исполнившие песни и романсы Микаэла Таривердиева... Например, рассказывая о тбилисских истоках творчества композитора.

«Окна распахнуты и отовсюду несется музыка. Шуберт. Этюды Черни. Из какого-то окна. Слышна грузинская многоголосная мелодия. Все это смешивается, но не создает дисгармонии. Музыка звучит негромко, ненавязчиво. Она как бы часть жизни, продолжение этого двора, этого города. Она не выставляется напоказ. Она просто живет, - вспоминал Микаэл Таривердиев.

Сегодня никто не станет оспаривать, что всю свою жизнь он писал песни о любви, красоте и нежности. И еще – о бессмертии, даруемом музыкой. Мне кажется, именно эта тема – тема бессмертия и была основной на тбилисском вечере. В концерте приняли участие звезды грузинской эстрады Мераб Сепашвили, Нугзар Квашали, Верико Турашвили, Нини Шермадини, Зура

Доиджашвили, Лаша Рамишвили, актеры театра Грибоедова Нина Калатошвили, Медея Мумладзе, Александр Лубинец, Нина Нинидзе.

- Мы с режиссером Нугзаром Чхаидзе, с которым я работаю лет двадцать, каждый раз стремимся раскрыть внутренний мир художника, насколько это возможно, - рассказывает Ирма Сохадзе. - Думаю, назначение любого спектакля – взбудоражить, всколыхнуть эмоции человека. Если после концерта у меня приподнятое или пусть даже минорное настроение, значит, что-то во мне изменилось, значит, растрожена моя душа. А как этого достичь? Стремлюсь быть нетривиальной, непротокольной, найти в материале нечто близкое мне, трогающее сердце. Именно в этом случае можно найти отклик в сердцах людей. Слеза, которая появляется под впечатлением от услышанного, должна быть слезой очищения на пути к добру. Иначе нет смысла ни писать, ни исполнять, ни слушать эту музыку... Словом, нужен катарсис! Я чувствовала, как из зала во время концерта шла эта эмоция – такая редкая в наше время. В основном бывает так: зал отдельно, сцена – отдельно. Нам удалось соединить это в единое целое, и я счастлива!

Вместе с обаятельной и удивительно музыкальной Ирмой Сохадзе была счастлива публика, вспоминавшая Микаэла, родившегося и сформировавшегося в Тбилиси. В нем всегда это ощущалось – он был тбилисец, как говорят, от кончика волос до кончика ногтей. Как вспоминает вдова композитора Вера Таривердиева, он даже свою московскую квартиру обставил по тбилисскому вкусу... Хотя почти всю свою профессио-

Участники вечера памяти М. Таривердиева

нальную жизнь, с учебы в Государственном музыкально-педагогическом институте имени Гнесиных в классе Арама Хачатуряна и до последней звуковой партитуры, которую сдал за два месяца до смерти в московский театр имени Ермоловой, он провел в российской столице. И все-таки первые свои сочинения в шестнадцать лет написал в городе своего детства и юности - это были два одноактных балета, поставленные в Тбилисском оперном театре имени З. Палиашвили. Здесь же, в грузинской столице, он окончил 43-ю среднюю школу и музыкальное училище по классу композиции профессора Шалвы Мшвелидзе. Потом была Ереванская консерватория. Через два года Таривердиев «на белом коне въехал» в знаменитую Гнесинку, по образному выражению Хачатуряна.

БЕССМЕРТИЕ В МУЗЫКЕ

На этом символическом белом коне Микаэл Таривердиев ворвался в мир волшебных звуков. Музыка была для него всем – в этом композитор признался в своем гимне, посвященном великой тайне звуков. Песня «Музыка» в талантливом, ярком исполнении женского трио - Ирмы Сохадзе, Нини Шермадини и Верико Турашвили - стала апофеозом вечера... Мы слышали это вокальное сочинение Таривердиева неоднократно, но в этот раз она произвела особенно сильное впечатление – до слез, до комка в горле. Сомнений не стало: смерти не будет – будет вечная музыка.

- Очень люблю песню, которую мы исполнили в финале. Это музыка на все времена. Хороший, апробированный на Западе стандарт – завершить концерт таким ударным трио! Да, композитор не верил в смерть, был уверен в том, что человек бессмертен, - говорит Ирма Сохадзе. - И что сам он останется в своей музыке. Так оно и есть. Он был убежден в том, что умирает только тело... Но не душа, не то, что мы чувствуем. его музыка действительно не устареет... Знаете, как интересно разбирать его песни. Казалось бы, они такие простые по форме, но в них такая дивная гармония! Неожиданная, спонтанная, но в то же время высокопрофессиональная. У его песен нарочито бардовская интонация.

НЕОКЛАССИК ИЛИ РОМАНТИК?

По утверждению Веры Таривердиевой, музыковеды и сегодня, спустя много лет после его смерти, не понимают места композитора в музыке. «Его можно назвать неоклассиком, можно - неоромантиком, хотя он и не тот и не другой. Он по внутреннему типу - барочный композитор. Не случайно однажды Таривердиеву позвонил поклонник и попросил принять в дар старинную фисгармонию. И даже не захотел взять за нее денег», - вспоминает вдова композитора. И все-таки в массовом сознании Таривердиев остается прежде всего композитором для кино. Тем не менее автору этих строк не забыть его чудесной монооперы «Ожидание», посвященной женщине.

- Ирма, в своей книге Таривердиев пишет, что если Моцарт был бы жив, то обязательно писал бы для кино. Это был его любимый композитор?

- Да, в своей книге он часто упоминает Моцарта... Но по музыке, на мой взгляд, больше тяготел к Баху. В его музыке все время повторяется секвенция – баховская логика. Его три органых концерта – увы, формат нашего вечера не позволил напомнить о них слушателю в полной мере, только фоном, – свидетельствуют о том, что композитор тяготел к органной музыке.

- Жаль, что не было возможности услышать и органические сочинения мастера...

- Мы стремимся периодически проводить вечера маститых русских композиторов, тем более, если они были как-то связаны с Грузией. Хотим, чтобы грузинские артисты исполняли эти произведения, чтобы их шедевры звучали вновь и вновь, не умирали для нашего слушателя. Если мы пойдем по пути популяризации, так сказать, серьезных опусов, это ни к чему не приведет. Исполняя же хорошую популярную музыку, мы достигнем цели. Мы не должны допустить, чтобы наши дети и внуки не слышали песен Таривердиева. Я очень рада, что на вечере была моя дочь, ее подруги, молодое поколение до 25 лет. Дети помладше могут в будущем уже не воспринять такую музыку, если мы сами не постараемся сохранить это для них. Надеюсь, все в конце концов войдет в разумное русло, и мы, русские и грузины, друг друга не потеряем. Мы просто не имеем на это права.

- С какими трудностями вы столкнулись, интерпретируя знаменитые шлягеры?

- Трудностей не было – ведь работала профессиональная группа. Какое Вашаломидзе и Темо Маисашвили – профессиональные музыканты. Постановщик вечера Нугзар Чхаидзе – и музыкант, и режиссер. Сложность была разве что в том, что наши певцы с трудом запоминали тексты. Особенно довольно сложную поэзию Ахмадулиной, Цветаевой, Пастернака... А чисто музыкальных трудностей не было никаких. Потому что это музыка у всех на слуху. Она настолько приятна, популярна в хорошем, а не в поповском смысле, что ее очень легко запомнить, интерпретировать. Певцы пронесли ее через себя и донесли до зала.

- Вы предложили интересную интерпретацию суперпопулярной «Мне нравится, что вы больны не мной»...

- Мне очень нравится, как это делает Пугачева – почти идеально! Очень трудно после такого исполнения найти что-то другое, только ради того, чтобы быть непохожей. Это не должно быть самоцелью. Когда я прослушала то, что у меня получилась, то осталась довольна. А это редко со мной бывает. Я сумела донести до зрителей то, что хотела.

- Главное в творчестве Таривердиева – это его мелодизм, - включился в беседу композитор Тенгиз Джаиани, работавший над концертом вместе с Ирмой Сохадзе. - Он был бездонным кладом мелодий! Каждая его мелодия – это маленький шедевр, маленькая песенка.

Потрясающими мелодистами были Исаак Дунаевский, наш Георгий Цабадзе... Таривердиев не работал на заказ, в угоду чьим-то вкусам. Злопыхатели говорили, что он что-то заимствовал у Баха, еще у кого-то. Да нет! Ни у кого он ничего не заимствовал. Он просто творил

в этой манере... В Космосе витают музыкальные идеи, музыкальные мысли... И они могут прийти в голову разным композиторам, живущим на Земле. Очень люблю потрясающие органые концерты Таривердиева – не случайно ежегодно в Калининграде проводится конкурс

органистов имени Микаэла Таривердиева, учрежденный Верой Таривердиевой. Но его вокальные сочинения – нечто особое. Нет семьи, нет региона на территории бывшего Советского Союза, в котором не звучали бы его песни, романсы... Популярнее всего стала его музыка из кинофильмов. Она сразу западает в душу. Невозможно выделить какие-то его произведения из «Семнадцати мгновений весны» или «Иронии судьбы». Все – шедевры!

- Ирма, а ваше любимое из наследия Таривердиева?

- Из «Иронии судьбы» - «Никого не будет в доме», «По улице моей...» Эти песни мне безумно нравятся, близки мне. Возможно, я поставлю моноспектакль по таривердиевским песням и все буду петь сама... В связи с этим вспоминаю казус – на вечер не явилась балерина, представляете мой ужас? На репетиции перед концертом я очень волновалась, предупредила артистов, чтобы никто не опоздал. Мераб Сепашвили – участник вечера - шутил успокаивал меня: «Ничего, ты так хорошо знаешь все эти песни, что выйдешь и споешь за нас!» И тут – в реальности такое: не явилась балерина! Выхожу за кулисы. Мераб умирает со смеху. А я ему: «Закон подлости - ты сегодня так нехорошо пошутил. И как нарочно не пришла балерина. А я, кстати, танцевать не умею!» «Тебе нужно было и это пройти на репетиции – балет!» - продолжал веселиться Мераб...

ГОРОД, ИСТОЧАЮЩИЙ СВЕТ...

На вечере говорили о любви Таривердиева к Сухуми. Для него это был «город, источающий свет и добро. Город интернациональный – греки, турки, армяне, грузины, абхазы, кто из них кто – тогда не имело значения... Я был влюблен в поразительную, фантастическую атмосферу этого города. Однажды в Каннах мне предложили остаться еще на десять дней, я отказался, сославшись на путевку в Сухуми. На меня посмотрели, как на идиота, но я уехал. Это было счастливое время. Мне все еще казалось, что впереди нас ждет только радость...», - вспоминал композитор.

- Мы каждое лето в последние годы жизни Таривердиева встречались с ним в Сухуми, Доме творчества композиторов, - рассказывает Тенгиз Джаиани - Это был праздник. Так получалось, что мы приезжали туда в одно и то же время и много общались. Микаэл одним из первых стал заниматься виндсерфингом, его снаряжение хранилось на пляже в одном из хозяйственных помещений. Естественно, к нему никто не имел доступа. Для детей это был праздник – они рвались помочь Мике, выскакивали, хватали это снаряжение и несли. Таривердиев потом догонял мальчишек... На этих досках под парусом он иногда катал ребятшек, но не всех, а только тех, кто это заслужил. Конечно, в Сухуми Микаэл занимался не только серфингом, но и творчеством. Для этого у него были все условия - рояль, номер люкс. Вокруг чудесная природа, расслабляющая обстановка – никто никуда не торопит. Наверное, самые лучшие идеи, мелодии рождались у наших композиторов именно там, в Сухуми. Вспоминаю, как однажды он писал балет. В его оркестре предполагалась группа ударных инструментов, и поскольку меня знали как джазмена, Таривердиев попросил меня помочь. Несколько дней он скрупулезно, досконально изучал экзотические ударные инструменты. И в итоге изучил их лучше любого ударника. Помню, как он сидит за роялем, а я в это время на басах или исполняю партию ударных – литавры, гонг... На территории Дома творчества композиторы сажали деревья. Среди этих деревьев было и посаженное Микаэлом.

Инна БЕЗИРГАНОВА

ДИАЛОГ КУЛЬТУР

15-20 апреля в Грузии впервые прошли Дни Льва Толстого. Организовали этот праздник русской литературы и культуры Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» и Федеральное учреждение культуры Государственный памятник природы «Музей-усадьба Л.Н.Толстого «Ясная Поляна».

Дни Толстого собрали с десятков ученых-толстоведов из России и стран Южного Кавказа. Был среди гостей и прямой потомок писателя - Владимир Ильич Толстой, руководящий ныне Музеем-усадьбой «Ясная Поляна».

В 2011 году исполнилось 160 лет со времени пребывания великого русского писателя в Грузии. Именно здесь он сформировался как литератор. В рамках Дней, приуроченных к этой дате, прошла международная научная конференция под названием «Война или мир? Диалог культур как фактор преодоления межнациональной розни».

Главным событием толстовских Дней стала незабываемая поездка зарубежных участников конференции в Гореловку – «грузинскую Сибирь». Туда, где живут духовборцы, в судьбе которых Толстой принял непосредственное участие.

Таковыми стали первые Дни Толстого в Грузии. Правда, в их программе был еще один примечательный пункт.

По задумке организаторов, был проведен конкурс молодых грузинских художников на тему «Мир Льва Толстого». Около пятидесяти участников представили свои работы в номинациях «Живопись», «Графика», «Скульптура», «Декоративно-прикладное искусство» и «Сценография». Все участники – выпускники или студенты Тбилисской Академии художеств им.А.Кутателадзе - создавали работы по мотивам произведений Л.Н.Толстого.

И вот настал волнительный момент. В конференц-зале Тбилисского государственного русского драматического театра им.А.С.Грибоедова прошла выставка, приуроченная к открытию Дней Льва Толстого в Грузии. А во время церемонии открытия были объявлены победители конкурса.

Обладательницей Гран-при стала Ульяна Гоноволлина, оформившая своими иллюстрациями детские рассказы классика.

Первое место присудили Георгию Кухалашвили за полотна «Л.Н.Толстой в Тбилиси» и «Война с Шамилем».

Второе место разделили живописец Георгий Данибегашвили, написавший «Страх мира» и скульптор Ме-

Грузинские художники в Ясной Поляне

раб Хуташвили, выполнивший «Портрет Л.Н.Толстого» и «Анну Каренину».

Третье место завоевали: Заза Хуцишвили с работой «Свет и тень Льва Толстого», выполненной на стекле, графики Ираклий Чиковани с работой «Хаджи-Мурат» и Ия Бахтадзе, нарисовавшая «Пять заповедей Толстого».

Но после для победителей началось самое интересное. Президент МКПС «Русский клуб» Николай Свентицкий и директор музея-усадьбы «Ясная Поляна» Владимир Толстой объявили главный приз – поездка в Россию.

Ну, а что из этого получилось, обладатели Гран-при и первого приза – Ульяна Гоноволлина и Георгий Кухалашвили – рассказали, вернувшись из дома.

Вначале ребята посетили Мекку для любого художника – Третьяковскую галерею. А затем – Музей изобразительных искусств им.А.С.Пушкина, где они попали на выставку Сальвадора Дали. Пожалуй, лучший подарок для любого живописца. После посещения Москвы победители направились в главный пункт своей поездки – в Ясную Поляну.

Здесь все так, как во времена Толстого. И эта атмосфера осталась в душах ребят навсегда, тем более, что в роли экскурсовода выступил сам Владимир Ильич Толстой.

«Это действительно Ясная Поляна, - говорит Ульяна Гоноволлина, - и хоть название означает открытое место, пустошь, это не так. Ощущение непередаваемого покоя, легкости и вдохновения наполняет каждого, кто попадает в этот заповедник».

Эта поездка – еще одна страничка диалога между культурами, между творческими людьми.

Нино ДЖАВАХЕЛИ

СТРОГОСТЬ ТБИЛИССКОЙ ПУБЛИКИ В ОТНОШЕНИИ К МУЗЫКАНТАМ-ИСПОЛНИТЕЛЯМ ХОРОШО ИЗВЕСТНА, ТАК ЖЕ, КАК И ЕЕ НЕУКОСНИТЕЛЬНОСТЬ В СОБЛЮДЕНИИ НЕПИСАНОГО ЭТИКЕТА ПОВЕДЕНИЯ В КОНЦЕРТНЫХ АУДИТОРИЯХ. НО КОГДА НА ОЧЕРЕДНОМ ВЕЧЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОСЕННЕГО ФЕСТИВАЛЯ МУЗЫКИ В ТБИЛИСИ ЗА ДИРИЖЕРСКИЙ ПУЛЬТ ВСТАЛ ЗАСЛУЖЕННЫЙ АРТИСТ РОССИИ, ГЛАВНЫЙ ДИРИЖЕР МОСКОВСКОГО МУЗЫКАЛЬНОГО ТЕАТРА ИМ. К.СТАНИСЛАВСКОГО ФЕЛИКС КОРОБОВ, ВСЕ ПРАВИЛА БЫЛИ ЗАБЫТЫ, И ЗВУЧАНИЕ ЧЕТВЕРТОЙ СИМФОНИИ ЧАЙКОВСКОГО НЕДОПУСТИМО ПРЕРЫВАЛОСЬ ВОСТОРЖЕННЫМИ АПЛОДИСМЕНТАМИ В КОНЦЕ КАЖДОЙ ЧАСТИ.

ИСПОЛНЕНИЕ МЕЧТЫ

Феликс Коробов

- По окончании консерватории вы, маэстро, начали работать как концертмейстер виолончелей в оркестре Плетнева?

- Нет, в Государственной академической симфонической капелле России у Полянского.

- И вдруг головокружительный переход к профессии дирижера. Как это случилось? Вы специализировались по дирижированию в аспирантуре после окончания консерватории?

- Я закончил консерваторию как виолончелист, а аспирантуру - на квартетной кафедре. На последних курсах консерватории факультативно занимался в классе Василия Синайского, и по окончании аспирантуры поступил на оперно-симфоническое дирижирование (третий диплом Московской консерватории). Все вступительные экзамены у меня индивидуально принял Геннадий Рождественский, и волею своей зачислил меня прямо на второй курс.

- А с чего началась ваша дирижерская карьера?

- Меня пригласили вторым концертмейстером оркестра и ассистентом дирижера в Государственный академический симфонический оркестр России, легендарный Госоркестр. Параллельно с этим я с благодарностью откликнулся на предложение Вольфа Горелика стать ассистентом дирижера в театре Станиславского и принял участие в нескольких постановках. Далее - в 2004 году - сложилась такая ситуация, что я стал главным дирижером двух ведущих оперных театров Москвы - им. Станиславского и Немировича-Данченко и Новой оперы.

- Два театра в столь молодом возрасте! Как вам удавалось это совмещать?

- Как-то журналисты спросили на пресс-конференции:

«Вы руководите сразу двумя оркестрами, вы счастливы?» И я ответил: «Нет!» На деле это катастрофа! Она свидетельствует лишь о том, что в нашей профессии большие проблемы и беды, если во всей Москве не нашлось двух дирижеров, способных в тот момент возглавить два совершенно разных театра. Но в то время в театре Станиславского, который всегда оставался моим основным местом работы, велась реконструкция, мы играли очень мало - в основном во время гастролей и на выездных площадках. Это позволяло посвящать какую-то часть времени Новой опере. Там у меня были совершенно другие задачи. Если после смерти Евгения Колобова в театр пришли бы люди, которые очень хотели туда попасть, театр прекратил бы свое существование и на идейном, и на творческом уровне. Поэтому скорее я был своего рода «местоблюстителем», помогая театру в той сложной ситуации, когда они потеряли не просто главного дирижера, а фантастического музыканта, потеряли челоука, создавшего этот театр, его объединяющую идею, смысл! Моя задача была как у врача - не навредить и сохранить то творческое начало, которым и отличалась всегда «Новая опера». Три года я совмещал должности, но как только после реконструкции открылась основная сцена театра Станиславского, это стало невозможным. Театр то место, которое требует безумной затраты времени, там нужно находиться, не забегать, чтобы поработать, а жить. Хорошо это или плохо - другой вопрос.

- Не приходила вам мысль предпочесть для постоянной работы Новую оперу?

- Нет. По очень многим показателям и по жизненным ситуациям, которые складывались. Театр Станиславского должен был остаться для меня основной работой, о

чем я заранее предупредил руководство Новой оперы. Со мной согласились, поддержали мою инициативу о назначении нового главного дирижера и пригласили на эту должность выдающегося дирижера Эстонии Эри Класа.

- А как складывалась ваша работа с режиссерами?

- Ответить на это не просто. Дело в том, что мне в жизни, пожалуй, за одним исключением, удивительно везло и на режиссеров, и на художников, и на балетмейстеров. По Москве ходит шутка – дескать, Коробов коллекционирует и собирает только лучшие силы. Я ставил балеты с именами первого десятка. Юрий Григорович, Олег Виноградов, Владимир Васильев, Юрий Вамош, Иржи Киллиан, Йормо Эло, Джон Ноймайер, художники Сергей Бархин, Валерий Левенталь, Эрнст Гейденбрехт, Анна Фиброк... Работать, общаться, дружить с ними счастье. С ужасом думаю, что будет дальше – к сожалению, имена в нашей отрасли не прибавляются.

- Как часто случалось вам сотрудничать с художественным руководителем и главным режиссером театра Александром Тителем?

- Все началось с работы в качестве ассистента в постановке «Летучей мыши» И.Штрауса. Затем последовало предложение самостоятельной работы - «Золотой петушок» Н.Римского-Корсакова, потом «Травиата», «Евгений Онегин», «Майская ночь», «Гамлет». И вот сейчас театр вступил в стадию выпуска тяжелейшего спектакля, практически равносильного подвигу. Это опера Прокофьева «Война и мир». Постановка предполагается в следующем сезоне и будет приурочена к юбилею Л.Толстого и 200-летию 1812 года. Это, конечно, неподъемный труд – более 56 солистов, сложные хоры. Предстоит очень серьезная работа над обновлением партитуры, нужно безошибочно изыскать ход для ее сокращения до возможного минимума – ведь в современном театре не столько невозможно, но, наверно, и не нужно ставить эту оперу в два вечера, как это предполагал композитор. Все лето мы работали над созданием собственной редакции партитуры и надеемся, что это оправдывает себя.

- Театр, в котором вы работаете, утвердился в сочетании противоположных тенденций. Из того, что довелось увидеть на сцене, назову прекрасный спектакль «Майская ночь» с музыкой Римского-Корсакова, удивительную постановку «Евгения Онегина», этот луч света на фоне преступных режиссерских кривляний и измыывательства над музыкой Чайковского. Скажите, вам одинаково близко все, что происходит в театре? Не вступает ли это порой в противоречие с вашими убеждениями?

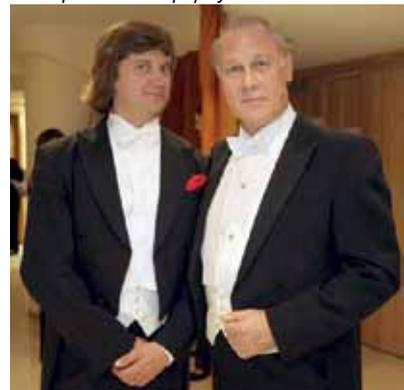
- Наверно, я очень счастливый человек, потому что никогда не делал того, чего не хотел. Судьба берегла меня с ранних консерваторских лет до сего момента, и если я чем-нибудь занимаюсь, значит это интересно в первую очередь мне.

- «Жизнь брала под крыло, берегла и спасала?»

- За благосклонностью судьбы стоял тяжелейший труд. Учась в консерватории, я играл в год по 30-40 новейших виолончельных сонат, и, имея за плечами такой опыт, уже по окончании учебы, позволю сказать, с довольно серьезной репутацией в композиторской среде, получил возможность выбирать, что играть. Второй момент - все эти споры о том, кто в театре главный- менеджер, режиссер, дирижер, художник – в действительности полная чушь. Сошлемся на высказывание из письма Густава Малера о взгляде на спектакль, который настолько нерушимое целое, что если говорят, что прекрасно играл оркестр и пели певцы, а декорации заставляли желать

лучшего, это плохой спектакль; если были великолепные декорации, плохо пели певцы и замечательно играл оркестр, это плохой спектакль; спектакль там, где все вместе. «Процесс сомнения и поиска», проповедуемый сегодня как стиль работы, должен заканчиваться до первого выхода к оркестру, иначе анархия и сумбур. «Травиата», например, лежала у меня на столе года полтора или два, и прежде, чем начать ее ставить, начался активный процесс работы с музыкантами; спектакли нашего театра делаются в сотворчестве, коллективно, это плод наших усилий, наших чувствований, наших отношений. Что касается тенденций, моя любимая цитата из Шкловского: «После черного квадрата Малевича очень сложно придумать что-то новое в живописи. Можно только повторять». Неважно как поставлен спектакль – в костюмах из консервных банок, в черном квадрате, в кринолинах. Главное, чтобы он был современен нам не по материалам, не по костюмам, а по духу, чтобы мы понимали, что происходит; чтобы не рушились взаимоотношения, заложенные автором. Простой пример. «Травиата» вначале была написана Верди о «своем дне», действие оперы протекает в «день премьеры». Публика этого не приняла: «разве мы такие?», и премьера провалилась. Тогда композитор перенес действие на двадцать лет назад, и публика, придя на спектакль, сказала: «Ведь это наши родители! Тогда – да», - и опера пошла. И все-таки первоначально «Травиата» поставлена о дне исполнения. Это дает нам некое моральное право ставить спектакль с позиции нашего дня, в наших декорациях, в нашем освещении. С другой стороны, допустим, Симон Бокканегра, герой одноименной оперы Верди, абсолютно привязан к своему времени. Любые «модернизмы» при этом будут явно смешны или притянуты. Для меня главное сохранить взаимоотношения персонажей. Поэтому перед началом постановки мы с любым режиссером в первую очередь задаем себе два вопроса – о чем спектакль и для чего мы его ставим. Если на эти вопросы нет ответов,

С Сергеем Лейферкусом

С Александром Парсадановым

не надо браться за постановку.

- На формирование вашего отношения к театру, взглядов на профессиональные задачи большое влияние оказали занятия в консерватории.

- Трудно сказать, что именно в консерватории. В первую очередь, конечно, это атмосфера семьи, дома в Екатеринбурге, который был тесно связан с театром,

музыкой, в нем всегда бывали актеры, режиссеры, певцы, дирижеры, композиторы. Дружба родителей и мое общение с легендарным дирижером, создателем Свердловского симфонического оркестра (ныне Уральский филармонический оркестр) Марком Паверманом и фантастическим виолончелистом, уникальнейшим музыкантом Герц Цомыком, во многом определили и выбор профессии и дальнейшую жизнь. В Москву я приехал в 1993 году, в городе у меня не было ни одного знакомого, но в меня поверили двое – Татьяна Гайдамович которая, будучи деканом, позволила мне поступить, и Мария Чайковская, профессор по классу виолончели, которая взяла меня к себе в класс. Татьяна Алексеевна была не только учителем, с течением времени она сделалась другом, наставником, и наши теплые отношения сохранялись до конца ее дней. Вообще о ней можно говорить бесконечно. Мария Чайковская также с самого начала проявила много участия.

- Но вернемся к вашей семье. Отец ваш был режиссером в драматическом театре?

- Отец был режиссер в самом широком смысле этого слова. Он работал и в драме, и в опере, был долгое время главным режиссером свердловского ТЮЗа, а позднее в течение 15 лет главным режиссером Свердловской телерадиокомпании. Снимал телефильмы и телеспектакли, делал знаковые для того времени передачи. Часто обращался к темам, связанным с классической музыкой и выдающимися музыкантами. Так в сотрудничестве с органистом Гарри Коняевым был снят телецикл из 20 передач, посвященных истории органа и органной музыки. К тому же принадлежал к редкому числу тех людей, которым полностью доверяют в решении этических вопросов. Его слово для

всех было решающим.

- Что вы восприняли от матери, профессия которой – хоровое дирижирование – так близка к вашей?

- Очень многое. Мама была первым настоящим учителем, начиная от занятий по виолончели и, наверно, остается и по сей день. Она поставила мне дирижерскую технику, весь мануал это ее работа, а еще пробудила эмоциональное переживание всего, что бы я не делал. Ведь, к сожалению, в наше время также, как балет превращается в художественную гимнастику, а музыкальное исполнительство в спорт, чувственная сторона искусства, эмоциональное наполнение всего, что ты делаешь, отступает на задний план. А ведь это должно быть главным, исходным, решающим; кто этим владеет, владеет и залом. Есть множество исполнителей, которые, по видимости, знают, «что и как», но зачастую не понимают, что на самом деле публика приходит в зал за эмоциями и хочет их получить.

- А теперь снова театр Станиславского, который вызывает столь большой интерес в мире и находится в орбите многих современных художественных течений. Что из этого вам наиболее близко?

- Действительно, в настоящее время театр Станиславского стал точкой пересечения многих культурных направлений. Кардинальная линия его развития планировалась заранее и давно – ведь все европейские мировые звезды – постановщики и т.п. расписаны на 5-10 лет вперед, - и этот «взрыв», свидетелями которого мы являемся, произошел закономерно. Он достиг своей кульминации, которая, надеюсь, не завершится. Происходящее касается в первую очередь балета. На сегодняшний день мы имеем в репертуаре постановки всех ведущих, сколько-нибудь значимых балетмейстеров сегодняшнего времени. Среди них два балета в постановке Джона Ноймайера, балеты Иржи Киллиана, хотя балетмейстер до этого заявлял, что он с Советским Союзом не работает и никогда здесь не появится. Приезжают интересные дирижеры – Марк Минковский, который поставил оперу Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда»; в ноябре ожидался Альберто Дзедда – главный и ведущий специалист по Россини, который будет дирижировать «Севильским цирюльником». Он с радостью откликнулся на приглашение, послушал нашу постановку и нашел ее очень интересной. Посещают театр и зарубежные режиссеры.

- Есть у вас любимые спектакли?

- Знаете, главный принцип профессии для меня любить то, чем ты дирижируешь в данный момент. Если ты выходишь на сцену с холодком, этот холодок тут же почувствует публика. Если же предстоит исполнить музыку, которая не нравится, ее нужно донести до публики как свое любимое произведение, и при желании к нему уже не возвращаться. А из спектаклей любимой остается «Травиата», которая ставилась очень давно по заказу американской компании для гастролей в Америке. До сих пор эта постановка сохраняет творческую атмосферу, в которой рождались – то же возбуждение, тот же ажиотаж. Уже сменилось несколько поколений солистов - все равно, спектакль остается молодым, студийным и живым. Есть постановка, которая поделила публику на две половины- кто-то принимает, кто-то выходит из зала, хлопая дверью и кричит на сцену: «Позор!» Это «Гамлет (датский) (российская) комедия» Владимира Кобекина. Шикарный спектакль! Исполнители (их одиннадцать) выросли на нем настолько, что у них решились многие проблемы в другом репертуаре. Это спектакль, который поднял музыкантов на совершенно новый ансамблевый

уровень, потому что это всецело ансамбль солистов-вокалистов и солистов-инструменталистов, оркестрантов. Опера идет очень редко, от силы три раза в год на малой сцене, но драйв, ощущение творчества и удовольствия при этом присутствует всегда. Как ни странно, продирижировав в двухсотый, трехсотый или пятисотый раз «Лебединое озеро», не перестаю его любить, каждый раз выхожу на сцену с радостью, с улыбкой. Это самый красивый, самый любимый, самый белый спектакль, и, к тому же, единственная в мире постановка, которая заканчивается счастливо.

- На тбилисской сцене этот балет также всегда шел со счастливой развязкой. Однако, хотелось бы еще узнать о вашей работе в камерном оркестре Московской консерватории, который вы возглавляете, и полувековая история основания которого торжественно отмечается в нынешнем году.

- Этому событию посвящено множество концертов. Оркестр был создан 50 лет назад выдающимся музыкантом Михаилом Терьяном. Это единственный коллектив консерватории, куда студенты попадают, только сыграв конкурс. Каждый год мы набираем новых ребят, и надо сказать, сюда не приходят случайные люди, а только те, кому действительно интересно музицировать, играть камерную музыку и получать что-то новое в своей профессии. Основное празднование состоится 28 февраля в Большом зале Московской консерватории. В программе из произведений Шостаковича прозвучат 14 симфония, Первый фортепианный концерт, а также в концертном исполнении неоконченная опера «Большая молния». Впереди множество планов, в их числе долгожданный выпуск юбилейного диска Богуслава Мартину, музыку которого мы играли в Большом зале консерватории, а после этого плавный переход в юбилейный сезон Бенджамена Бриттена. Наш оркестр много играл его произведения, и я думаю, юбилейный диск будет и в этот раз.

- Возрастной ценз участников оркестра не ограничен?

- Его основной состав – студенты. Однако, понятие «камерный оркестр Московской консерватории» стало достаточно широким. Двери его открыты для всех, и я очень рад, что сюда приходят не только после окончания аспирантуры, когда уже не надо получать зачет, но и те, кто давно закончил консерваторию и прочно определившись с работой, пожелал связать судьбу с камерным оркестром - такие, как Александр Парсаданов, Александр Казанджан, эти, как мы иногда с ребятами шутим, студенты 18-го курса, которые порой заходят на какие-то программы и, мне кажется, получают удовольствие от самого процесса музицирования.

- И, конечно, все это на общественных началах?

- Естественно, и в этом своя прелесть. Ведь многие приходят, чтобы исполнить музыку, которую в другом месте не сыграешь. Когда пять лет назад я возглавил этот оркестр, один из моих коллег произнес с сожалением: «Что ты будешь делать – каждый год играть «Серенаду для струнного оркестра» Чайковского, или дивертисменты Моцарта? Но ведь репертуар-то скудный!» Должен сказать, что за пять лет совместной моей с оркестром жизни мы провели более 50 концертов, не повторив ни одного произведения. Конечно, моя непреходящая боль сидение в архивах, переписка с издательствами. Раздобыть ноты, которые в обычных условиях невозможно найти, тяжелый, дорогостоящий труд, но, когда мы играем произведения, которые не звучали не только в Москве, но и в России, сознание просветительской миссии приносит большое удовлетворение.

При этом я стараюсь не забывать, что это студенческий оркестр, и студенты должны пройти за год весь спектр камерной музыки – от барокко до 21 века.

- Какие впечатления вынесли вы от своего пребывания в Тбилиси, а главное, как вы решились дебютировать в ансамбле с исполнителем на таком сложном, капризном, непредсказуемом в требованиях к акустике инструменте, как контрабас?

- Начну с Тбилиси. Это была мечта детства, потому что в пять лет я знал наизусть спектакль «Ханума» с

У храма Джвари

дивным закадровым голосом Георгия Товстоногова: «Только я глаза закрою, предо мною ты встаешь; только я глаза открою, над ресницами плывешь»; собственно, с этого спектакля пошла моя любовь к Грузии, грузинским романтикам, к Григолу Орбелиани, ко всему этому пласту культуры. Поэтому с пяти лет я мечтал попасть в Тбилиси, но это никак не удавалось, хотя мои ближайшие друзья – Алик Парсаданов, Шура Казанджан, Гоча Схиртладзе, Гиги Ломдаридзе, с которыми мы встретились в 93-м году и по сей день не расстаемся. Я счастлив, что, наконец, попал сюда, именно на этот фестиваль, к этому оркестру. Спасибо Вахтангу Кахидзе за приглашение. Для меня это очень важно. Потому что, работая в Госоркестре концертмейстером виолончелей, я имел честь играть под управлением феноменального дирижера Джансуга Кахидзе. Это был его последний концерт в Москве, его программа до сих пор в глазах, в ушах, также, как релетиции, и приезд сюда это, в первую очередь, память о нем, потому что есть какие-то пожизненные моральные долги. Что касается контрабаса, во-первых, мой приезд сюда был инициативой Александра Парсаданова, моего большого друга, и сама идея этого концерта, как и программа, рождались в разговорах с ним. Помимо дружеских чувств, я очень доволен, что сотрудничаю с музыкантами, в ком абсолютно уверен, которые сейчас занимают ведущие позиции в своих направлениях. Уверен, что на сегодняшний день у Алика Парсаданова все шансы, все перспективы занять нишу, соответствующую его дарованию. Он замечательный музыкант, темпераментный, очень чувствующий, что в наше время большая редкость. Технарей много, мало тех, кто почувствовал музыку сердцем, живет с ней в сердце. Алик из их числа, и мне кажется, главное что ему сейчас нужно делать, как можно чаще выходить на сцену. Это удовольствие для публики, для слушателей и для тех, кто с ним работает. Недаром в своем очерке в газете «Культура» журналист Евгения Кривицкая назвала его поэтом контрабаса.

Мария КИРАКОСОВА

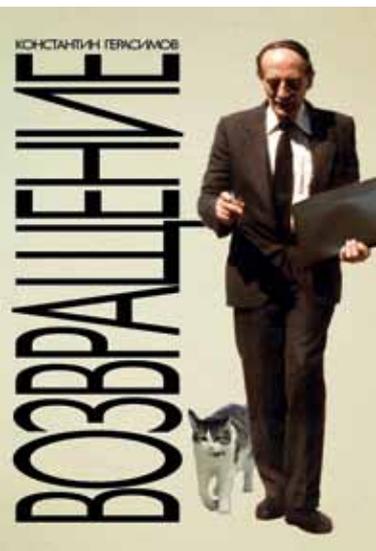
ЕДИНСТВЕННЫЙ ЭКЗЕМПЛЯР

Осенью состоялись сразу две презентации художественно-документального сборника «Возвращение» – издания архива ученого, педагога, поэта, библиофила, профессора Тбилисского университета им. Ив. Джавахишвили Константина Сергеевича Герасимова (1924-1996). Первая состоялась в Пушкинской гостиной Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, другая – в Малом зале Тбилисского русского драматического театра им. А.С. Грибоедова. Сборник выпущен в свет Международным культурно-просветительским Союзом «Русский клуб» при поддержке Фонда «Русский мир». Книга была издана к 15-летию со дня кончины К.Герасимова по благословению Святейшего и Блаженнейшего Католикоса-Патриарха всея Грузии Илии II.

О том, как происходило «возвращение» Константи́на Сергеевича Герасимова, рассказала литературовед Нина Зардалишвили.

Нина Зардалишвили и Владимир Саришвили

- История рождения книги «Возвращение» - счастливая и одновременно драматичная. Счастливая, потому что книга - свидетельство того, что Константин Сергеевич не ушел бесследно. Он остался не только в памяти друзей, учеников, коллег, не только в виде опубликованных статей или книг. Герасимову удалось то, что делает жизнь филолога, ученого, педагога ненапрасной – он оставил школу. По сей день во многих странах мира работают ученики и младшие коллеги Константина Сергеевича, которые вспоминают его с благодарностью. Они составляют гордость и цвет современной филологической науки. В Московском университете работает профессор Олег Клинг – заведующий кафедрой теории литературы, профессор

МГУ является Мария Михайлова, профессором СПбГУ – Татьяна Кошемчук. Татьяна – одна из «трех граций сонета», как называли их Константин Сергеевич: у Герасимова были три ученицы, которые пошли по научной линии сонетологии – Татьяна Кошемчук, профессор Светлана Титаренко и Галина Подольская – член Союза писателей России, член Союза писателей Израиля. Сонетологии Подольская изменила, но в литературе осталась. Так что Константин Сергеевич вернулся к нам, и вернулся благодаря усилиям учеников. С одной стороны, его ученики собрали материал и обработали архив, издали книгу – это Владимир Саришвили и я, с другой – его же ученики, друзья, коллеги стали участниками этого издания, написав свои воспоминания. Каждая страница наполнена любовью к учителю. Такое невозможно внестись извне – можно только заслужить... Однако «возвращение» Герасимова было и драматичным. Архив сохранился во многом случайно, усилиями филолога, поэта, журналиста Владимира Саришвили. Вскоре после кончины Константина Сергеевича при трагических обстоятельствах уходит из жизни его вдова – Натела Манафова. Архив и уникальная библиотека перешли в руки сестры – Нелли Манафовны и ее сына Гарри. Видимо,

некоторые издания были похищены, другие – проданы: годы были тяжелые – голод, холод... Значительная часть библиотеки была передана в дар Духовной академии и Национальной парламентской библиотеке Грузии. А с архивом произошла поистине трагическая история. После гибели Нателы Манафовны владелец дома, в котором проживал Константин Сергеевич, просто-напросто выбросил на улицу его архив, вещи, книги. Очевидцы рассказывают, что рукописи Константина Сергеевича летали по легендарному тупику Джавахишвили, дорогу к которому знало не одно поколение студентов. Однако то, что можно было сохранить, все-таки сохранили. Надо отдать должное Владимиру Саришвили, который понимал, что архив Константина Сергеевича представляет собой большую научную и литературную ценность. В 1997 году племянник Нателы Манафовны Гарри Бабаян передал Володе Саришвили уцелевшую часть архива, которая ждет того часа, когда будет полностью описана и передана в Национальный центр рукописей или в Литературный музей. Что касается нашего проекта издания архива Герасимова, то в прошлом году им заинтересовался фонд «Русский мир». И благодаря ему книга увидела свет. В процессе работы мы сделали несколько открытий и развеяли несколько мифов – в частности, об исчезновении библиотеки. А самое главное – мы отыскали могилу Константина Сергеевича. В течение полугода мы с Владимиром Саришвили исходили все Сабурталинское кладбище в поисках могилы Герасимова, изучали регистрационные книги. И наши поиски увенчались успехом. В связи с этим не могу не сказать, что Католикоса-Патриарха Грузии и профессора Герасимова связывали дружеские отношения на протяжении долгих лет. Именно по приглашению патриарха Герасимов начал преподавать в Духовной семинарии – вести курс русской литературы и Духовной академии – историю книги. Одним из его учеников был нынешний ректор Духовной академии отец Георгий Звиададзе. По личному распоряжению Его Святейшества могила Константина Сергеевича была благоустроена и за ней будет обеспечен постоянный уход.

- Что представляет собой архив?

- К сожалению, не сохранилось практически ничего из научного наследия Константина Сергеевича – лишь несколько статей, четыре из которых вошли в сборник. Сохранились подробные планы статей, которые собирался написать Константин Сергеевич. Иногда даже тема статьи обрисовывает научную концепцию, идею, авторство которых теперь неоспоримо. Например, такая тема: «Сонет как модель мироздания». Филолог догадается, в каком направлении нужно думать. В ходе работы нам

Участники презентации

удалось установить, что научный архив не пропал. И мы выяснили, у кого он хранится. За давностью лет это, конечно, труднодоказуемо. Но есть свидетели, которые подтверждают, что архив хранится именно у определенной персоны. Однако мы посчитали себя не вправе отвлекаться от главной цели – издания архива. Кстати, и стихотворный архив сохранился не в полном объеме – это касается в первую очередь последних десяти лет жизни Герасимова. Всего стихотворных текстов в архиве около 2000! В первый сборник стихотворений «Из глубины», составленный самим Герасимовым, вошла одна седьмая часть написанного им. В сборнике «Возвращение» приблизительно столько же. Таким образом, часть поэтического наследия Константина Сергеевича ждет своего часа. И они достойны благосклонного внимания читателей. Еще одна часть архива – это десять записных книжек: цитаты из прочитанного, планы статей, собственные афоризмы, изречения на иностранных языках, тексты на немецком, английском, французском, итальянском... Они уже вызвали значительный читательский интерес. Записные книжки Константина Сергеевича подтверждают, что это был интеллектуал, энциклопедически образованный человек, мыслитель, ирония которого порой переходила в беспощадный сарказм.

- Герасимов больше поэт или ученый?

- Мне кажется, что если человек поэт, то он всегда, прежде всего, поэт. А Константин Сергеевич был именно поэтом. Поэт – это человек с особым мировосприятием, который изначально смотрит на мир как на то, что должно отразиться в его слове. Мир для поэта – это предмет для творчества. Конечно, он был поэтом. С очень трагическим мировосприятием. «Возвращение» дает более широкое представление о Герасимове-поэте, потому что в книге «Из глубины» он прежде всего представлен как сонетист. Очень изысканный, глубокий. Когда Лина Дмитриевна Хихадзе прочитала эти стихи, она сказала: «Котик, прости меня, но все-таки, как сказал Пушкин, поэзия должна быть немного глуповата!» А для него это было вполне естественно. Он этим жил, для него эта изысканность была в порядке вещей. Он не мог заставить себя казаться более простым. Он был сложный человек, и для него это было естественно. Герасимов почти полвека писал стихи в стол, и об этом никто не подозревал! Он относился к своему творчеству очень серьезно. Начиная с 1942 года, все его стихи заархивированы, записаны. То есть он их переписал набело и сохранил. Конечно, он в первую очередь поэт! А потом - ученый. Но какой

ученый? Сонетолог. Опять-таки предметом его изучения была поэзия, сонет. Я была поражена, что из стихотворения в стихотворение у него проходят схожие темы: во-первых, восприятие себя как творца, во-вторых, как творца одинокого, в-третьих, он был абсолютно убежден, что главное в жизни – это Слово. И, наконец, что его Слово обеспечит ему бессмертие. Как человек он, конечно, в этом сомневался, но как поэт он был уверен, что бессмертен. За то, что книжка «Из глубины» увидела свет, нужно благодарить Нодара Левановича Поракишвили. Однажды Герасимов прочитал ему стихи. А на следующий день Нодар осознал, что слушал прекрасную поэзию, но не понял, кто автор. И он спросил Константина Сергеевича: что ты мне читал? Герасимов в конце концов признался: мое! И Нодару удалось убедить, что это должно быть издано. Герасимов ненавидел советский уклад жизни. При этом, когда у него появилась реальная возможность уехать, он отказался. Хотя он только вернулся из Германии, которая ему очень понравилась культурой – внешней, внутренней. В Германию его приглашали на работу – читать лекции. Многие уговаривали его поехать, но - тщетно. «Нина, библиотека и пять котов!» - говорил он, значительно подняв вверх указательный палец. И так и не уехал. Константин Сергеевич привлекал в филологию людей, которые вызывали его интерес. Я пришла в филологию именно благодаря ему. У нас сложились замечательные отношения, хотя я любила в литературе то, что не любил Герасимов. Я предложила поэзию Высоцкого в качестве первой научной темы. И он принял эту тему и стал научным руководителем моей первой работы. И второй моей научной работой - сопоставительным анализом двух стихотворных текстов Высоцкого и Пастернака - тоже руководил он... В последние годы жизни Герасимова я задала ему, возможно, неуместный для поэта и филолога вопрос: «Ваш любимый поэт?» Но у него был ответ: «Вячеслав Иванов». Я думаю, что тяга Герасимова к сонету была воплощением стремления к идеальной стихотворной форме. Он был перфекционистом.

- Почему Константин Сергеевич оставил такой живой след в душах друзей, коллег, учеников?

- Он никогда никого не напоминал. У него был свой, особый стиль. Именно такие люди оставляют школу, потому что задают направление. Мы все понимали: он небожитель, но при этом доступный человек. Общаясь с ним, вы сразу понимали: это единичное явление. Единственный экземпляр – отлили и разбили форму. В нем не было ни нарочитого академизма, ни псевдодемократизма. Он был, повторяю, абсолютным естественным. Как сама природа, как сама поэзия. И какая-то тайна в нем была. Было ощущение, что ты никогда не постигнешь до конца этой высоты духа.

Инга БЕРИДЗЕ

ЖИВИ И ПОМНИ

Леван Чачуа и Джанри Убириа в Музее ветеранов войны

В первой половине октября по приглашению заместителя председателя постоянной комиссии по образованию, науке, культуре и социального развития, председателя Республиканского совета общественного объединения ветеранов генерал-лейтенанта А.Н.Новикова в Белоруссии побывала делегация ветеранов Грузии в составе председателя Департамента по делам ветеранов Грузии Нугзара Цагареишвили, первого заместителя председателя Джанри Убириа, председателя Союза ветеранов войны и Вооруженных Сил Ваке-Сабурталинского района г.Тбилиси Левана Чачуа, ветерана ВОВ, участника боев по освобождению Белоруссии от фашистских захватчиков Михаила Гоникишвили и начальника финансовой службы департамента Давида Меликидзе.

Пребывание в Белоруссии произвело на нас неизгладимое впечатление.

Утром 9 октября в аэропорту Минск-2 нас встретил зампредела Республиканского совета общественного объединения ветеранов генерал-майор Василий Козак, который не оставлял нас своим вниманием в течение всего времени нашего пребывания на белорусской земле. В первый же день делегация посетила филиал музея Великой Отечественной войны «партизанский лагерь». Сотрудники музея рассказали нам о незабываемых событиях, когда многие жители Белоруссии, уходя в леса, участвовали в героическом сопротивлении фашистским захватчикам. Здесь бережно хранят память о борьбе отцов и дедов нынешнего поколения за свободу и независимость Родины. Нам предоставили возможность осмотреть землянки, в которых жили партизаны, их оружие и предметы обихода. И, конечно, приятно было услышать рассказы о грузинах, принимавших участие в борьбе белорусских партизан с гитлеровцами.

Наша делегация встретилась с руководством Республиканского совета ветеранов. Председатель совета Анатолий Новиков познакомил нас с коллегами, мы осмотрели здание совета, в актовом зале оркестр исполнил несколько музыкальных произведений. Мы были приятно поражены великолепными условиями работы белорусских ветеранов. Вместе с Анатолием Николаевичем отправились в Посольство Грузии в Республике Беларусь, где нас тепло приняли посол Георгий Чхеидзе и консул Реваз Сакварелидзе. Посол предложил нам, грузинам и белорусам, посетить баскетбольный матч с участием грузинской и белорусской команд и любезно предоставил нам билеты. Мы с удовольствием воспользовались этим предложением, были восхищены спортивным комплексом, в котором проходила игра. В тот же день возложили цветы к памятнику на площади Победы. Вечером состоялась экскурсия по историческим местам города, посетили кафедральный собор, где мы и наши православные хозяева зажгли свечи, а также посетили памятник «Мужества и скорби» и достопримечательности Минска.

С глубоким прискорбием мы посетили мемориальный комплекс «Хатынь». Трудно передать словами ощущения, которые испытываешь при осмотре места, где фашистами были злодейски сожжены сотни мирных жителей, в том числе дети. А ведь такой участи подверглись десятки белорусских деревень.

Вторая половина дня была посвящена осмотру музея Великой Отечественной войны, где директор Сергей Азаронек ознакомил нас с экспонатами. Велика заслуга Сергея Ивановича в том, что коллектив музея работает с большой любовью к своему делу, с чувством ответственности. Нам было особенно приятно узнать, что в музее бережно хранятся списки наших земляков, которые при-

нимали участие в боях за освобождение Беларуси от фашистов. Так, Думбадзе Ное Иосифович, уроженец села Шемокмеди Махарадзевского района, кавалер ордена Славы трех степеней, Шавгулидзе Тенгиз Евгеньевич, уроженец г.Кутаиси, активный участник партизанского движения. В январе 1943 года Шавгулидзе изготовил приспособление «клин» для подрыва фашистских эшелонов. Весной того же года он вычертил схему и изготовил новую модель гранаты, которая успешно применялась для уничтожения живой силы, машин и даже танков противника. В середине октября Шавгулидзе создал партизанский оружейный гранатомет, за что был награжден орденом Боевого Красного Знамени.

Грузинская делегация в Минске

Сотни грузин героически воевали на территории Беларуси. Многие из них удостоены высоких правительственных наград, девяти из них - Г.Инасаридзе, Г.Квачантирадзе, Г.Маисурадзе, Г.Размадзе, Г.Тваури, К.Ткабладзе, С.Чигладзе, Ш.Чилачава, Ш.Шургая присвоено высокое звание Героя Советского Союза.

На следующий день, после посещения Дворца культуры ветеранов, состоялась встреча с ветеранским активом города Минска, который возглавляет генерал-полковник А.Адоньев, и с ветеранским активом Белорусского Союза офицеров и его председателем Евгением Микульчиком. Нугзар Цагареишвили и Джанри Убириа рассказали о структуре, проделанной работе и дальнейших планах Департамента по делам ветеранов Грузии. Я рассказал о работе с ветеранами, в первую очередь о заботе, которую проявляет возглавляемый мною районный Союз ветеранов к одиноким и лежащим больным.

- Я бесконечно рад, что приехал в Белоруссию на землю, где я более полвека назад принимал участие в освобождении этой ставшей для меня второй Родины и познакомился с такими замечательными людьми, - сказал на встрече Михаил Гоникашвили.

Белорусские коллеги поделились с нами своим опытом. Затем мы посетили мемориальный комплекс «Линия Сталина». Плацдарм, созданный по указанию И.В.Сталина в предвоенные годы, представлял собой мощную линию обороны, позволившую сопротивляться нацизму превосходящих сил противника. Мы возложили цветы к бюсту Верховного Главнокомандующего, к которому, как мы могли убедиться, белорусы относятся с огромным уважением.

Вечером А.Адоньев и В.Козак пригласили нас посетить Национальную библиотеку Республики Беларусь. Трудно выразить то восхищение, которое мы испытали, осмотрев это замечательное в архитектурном отношении здание, со смотровой площадки которого открывается вид на Минск; техническое оснащение библиотеки, большое количество читальных залов и огромное количество посетителей. В библиотеке есть зал, в котором президент Республики Беларусь Александр Лукашенко принимает иностранных гостей на самом высоком уровне.

Все эти дни мы жили в санатории «Лазурный», где чувствовали постоянное внимание и заботу со стороны сотрудников, и, конечно, директора Александра Удольцева. Наши гостеприимные хозяева - А.Новиков, В.Козак, Е.Микульчик, С.Азаронко, А.Адоньев организовали прощальный ужин, который прошел в дружеской обстановке. Глава нашей делегации Нугзар Цагареишвили пригласил белорусских коллег посетить Грузию с ответным визитом, и мы договорились о поддержании постоянных контактов. С чувством большой радости и гордости мы, в течение нашего пребывания в Белоруссии, слышали самые теплые слова о наших земляках, участниках Великой Отечественной войны. Мы и белорусы сделаем все, чтобы историческое братство наших народов укрепилось и нашими потомками.

Во всем, что мы могли увидеть в Белоруссии, чувствуется большая забота руководства страны о своих гражданах. Это касается как развития промышленности страны, сельского хозяйства, науки, техники, искусства, так и создания условий для улучшения жизни людей — молодежи и ветеранов. Очень важно, что кроме материальной стороны, огромное внимание уделяется сохранению духовных ценностей, в число которых, конечно, входит память о своих предках, их ратных и трудовых подвигах, и уважение к людям старшего поколения.

Леван ЧАЧУА

Вячеслав Шмыров

СБЛИЖАЮЩАЯ МАГИЯ

ФЕСТИВАЛЬ РОССИЙСКОГО КИНО В ТБИЛИСИ СТАНОВИТСЯ ТРАДИЦИОННЫМ. ВО ВТОРОЙ РАЗ В ГРУЗИНСКУЮ СТОЛИЦУ ПРИВЕЗЛИ ЛУЧШИЕ РОССИЙСКИЕ КИНОНОВИНКИ, СОВРЕМЕННУЮ КЛАССИКУ. ПРИЕХАЛА ДЕЛЕГАЦИЯ ВЫДАЮЩИХСЯ КИНОДЕЯТЕЛЕЙ. ПРИ ТОМ, ЧТО ЕСЛИ ПЕРВЫЙ ФЕСТИВАЛЬ ОСЕНЬЮ ПРОШЛОГО ГОДА СТАЛ ДЛЯ ЗРИТЕЛЕЙ ПРИЯТНОЙ НЕОЖИДАННОСТЬЮ, ТО ВТОРОЙ ФЕСТИВАЛЬ УЖЕ ЖДАЛИ. ОРГАНИЗОВАЛИ ЭТОТ КИНОФОРУМ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД ИСКУССТВ И МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В ПАРТНЕРСТВЕ С ПРОДЮСЕРСКИМ ЦЕНТРОМ «КИНОПРОЦЕСС». ПРЕЗИДЕНТОМ ФЕСТИВАЛЯ СТАЛ НАРОДНЫЙ АРТИСТ СССР ЭЛЬДАР РЯЗАНОВ.

Рассказывает Вячеслав Шмыров, программный директор Фестиваля российского кино в Тбилиси:

- С одной стороны, мы стараемся привезти на фестиваль все новое, что получило хорошую оценку на международных фестивалях. С другой же, между нашими двумя странами так долго не было какого-то системного обмена фильмами, что мы включили в программу не совсем новые картины. Мы включили их в не главные программы.

Всего программ шесть, помимо фильмов открытия и закрытия. На этот раз открыл фестиваль фильм режиссера и сценариста Александра Зельдовича «Ми-

шень», который был включен в панораму Берлинского кинофестиваля-2011. А показанная на Мостре «Елена» Андрея Звягинцева фестиваль закрыла.

- Когда мы говорим о тбилисском кинофестивале, нам не хочется, чтобы это был просто прокат. Хочется, чтобы фильмы представляли их авторы.

Тем более, что у российских артистов сохраняется хорошее отношение к Грузии, к грузинским друзьям и коллегам, - рассказал Вячеслав Шмыров.

Так, к примеру, в программу «Фестивальный мейнстрим» вошло пять лент, в том числе долгожданная экранизация романа Виктора Пелевина «Generation P» в постановке Виктора Гинзбурга и с Владимиром Епифанцевым в роли Вилена Татарского.

Впервые были показаны в Грузии пусть и не совсем новые, но очень хорошие кинофильмы – Вадима Абдрашитова «Время танцора», в котором прослеживается кавказская тема, и «Телец» Александра Сокурова. В Тбилиси приехал исполнитель роли Ленина в «Тельце» Леонид Мозговой. Из новых лент были показаны нашумевшая драма Алексея Попогребского «Как я провел этим летом», получившая двух серебряных медведей на Берлинале и главный приз на кинофестивале в Лондоне. А также трогательная и теплая лента Авдотьи Смирновой «Два дня» с Ксенией Раппопорт и Федором Бондарчуком в главных ролях. Организаторы шутят, что если на будущий год в российском кинопрокате не будет стоящих картин, старых запасов все равно хватит надолго.

Близка к «Мейнстриму» и программа «Режиссеры 2000-х». В этом году свои ленты показали сразу три режиссера грузинского происхождения – Дмитрий Мамулия, Николай Хомерики и Бакур Бакурадзе. Также в этой программе были представлены фильмы «Миннесота» Александра Прошкина и «Фига.Ро» Рано Кубаевой.

- У меня никогда не было опыта приехать в страну, с которой у России нет дипломатических отношений. Но у меня ощущение, что такие отношения – не самое главное. Нас встретили доброжелательно и с большой заинтересованностью, - делится своими впечатлениями Вячеслав Шмыров. - Не было языкового барьера, не было обязательным условием, чтобы все фильмы имели хотя бы английские субтитры. Зона русского

языка здесь, в Грузии, пока сохраняется. Пожалуй, это главное впечатление. Здесь, в Тбилиси, все члены нашей делегации почувствовали европейский формат, приближенность к Европе, - пояснил Шмыров.

Если смотреть на фестиваль не просто как на собрание киноновинок, снятых в соседнем государстве, а как на продукт культуры, созданный на русском языке, языке межнационального общения, то становится понятным, оправданным и даже приятным существование в рамках фестиваля программы «Киносоюз». В ней показаны фильмы режиссеров из стран бывшего Советского Союза.

Из чего состоит наша современная история? Как отметили организаторы, ответ заключается в том, получим ли мы фонтан дружбы народов или то произведение искусства, которое ведет к истине. Самым заметным фильмом в этой программе стал фильм узбекского режиссера Юсупа Садыкова «Гастарбайтер». В основу фильма легла история из «Отца солдата» Резо Чхеидзе. Но если Георгий Махарашвили искал сына на фронтах Великой Отечественной войны, то старик Садык ищет в России внука, уехавшего на заработки и потерявшегося.

Также в «Киносоюзе» были представлены фильм казахского режиссера Сергея Дворцевого «Тюльпан», «Граница» и «Ночь светла» армянских режиссеров Арутюна Хачатряна и Романа Балаяна.

Еще одна примечательная программа «Ретроспектива». Если в прошлом году зрители наслаждались кинолентами Сергея Соловьева, то в нынешнем свои фильмы привез Павел Лунгин. Один из современных классиков российского кинематографа представил четыре картины разных лет – «Остров», «Свадьба», «Такси-блюз», «Бедные родственники».

Организаторы тбилисского кинофорума стараются разнообразить программу не только художественными картинками, но и документалистикой. В прошлом году в программе также присутствовала анимация.

Документальная программа нынешнего года ознаменовалась короткометражками портретного жанра. Ее так и назвали – «Документальный экран. Портреты». Свой взгляд на судьбы Дзиги Вертова («Дзига и его братья») и Андрея Тарковского («Сны Сталкера») представил режиссер и сценарист Евгений Цымбал. А его коллега Петр Шепотинник привез свои работы об Андрее Вознесенском («Лирика. Андрей Вознесенский») и Отаре Иоселиани («Иоселиани. Без названия»).

Фестиваль российского кино в Тбилиси имел программу «Специальный показ». Огромный подарок в этом году получили от организаторов все любители творчества популярнейшего российского телеведущего Александра Гордона. Свою вторую режиссерскую работу – фильм «Огни притона» он привез в Грузию впервые.

В этом году исполнилось четверть века со дня выхода на экран пророческого для огромной страны фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние». Показ фильма прошел в рамках «Специального события». Свои воспоминания об этом событии описала в буклете фестиваля участник фестиваля, известный кинокритик Алла Гербер: «Хорошо помню этот день. Маленький просмотровый зал в московском журнале «Искусство кино». Тенгиз Абуладзе привез свою еще не разрешенную картину «Покаяние». Первый просмотр. Потом их будет много. Потом фильм посмотрят миллионы. Но тогда мы были словно первооткрыватели. Мы участвовали в чем-то, чему еще не дали названия».

Таким был второй Фестиваль российского кино в Тбилиси – насыщенным и интересным.

Напоследок программный директор фестиваля Вячеслав Шмыров отметил:

- Фестиваль возник по частной инициативе грузинской стороны. Я думаю, что эта акция обеспечивает пространство русского языка, культуры, кинематографа. Но у нас возникла определенная проблема со сроками его проведения. Фестиваль проводится в первую неделю ноября. А в фестивальной графике мира октябрь и ноябрь – самые напряженные месяцы. Поэтому, например, мы привезли «Елену», но режиссер фильма Андрей Звягинцев не смог приехать, потому что у него начинается международный прокат. Или картина Александра Сокурова «Фауст», которая получила в этом году главный приз на Венецианском кинофестивале. Выяснилось, что мы сможем ее привезти только на будущий год. Поэтому у меня есть к моим партнерам по этому фестивалю Константину Лузиньяну-Рижинашвили и Гие Базгадзе серьезное предложение - перенести сроки проведения фестиваля на весну. У нас в таком случае будет возможность пока-

Кадры из фестивальных фильмов

зять что-то совсем новое, что было показано в Берлине или Роттердаме. И мы не столкнемся с такой конкуренцией, как сейчас.

Что ж, если эта задумка организаторов осуществится, то третий тбилисский фестиваль пройдет уже совсем скоро.

Нино ЦИТЛАНДЗЕ

В ЦЕНТРЕ ИСКУССТВА

Министр культуры Н.Руруа и М.Дидебулидзе на презентации

Г.Чубинашвили с сотрудниками института

Исполнилось 70 лет со времени основания Института истории грузинского искусства им. Г.Чубинашвили, одного из ведущих научных и культурно-просветительских центров Грузии. Основателем его был ученый с мировым именем, основоположник школы грузинского искусствоведения академик Георгий Чубинашвили. Георгий Николаевич собрал коллектив выдающихся личностей – ученых и энтузиастов грузинской культуры. У истоков института стояли Т.Вирсаладзе, Р.Меписашвили, Р.Шмерлинг, Н.Северов, В.Цинцадзе... В последующие годы в коллектив влились выросшие в стенах этого очага науки

ученые В. Беридзе, Л.Рчеулишвили, Г.Алибегашвили, Н.Вольская, К.Чубинашвили, М.Карбелашвили, Р.Кения, К. Мачабели, Т.Сакварелидзе, Л.Хускивадзе и многие другие. После кончины в 1973-м Чубинашвили институт возглавил академик Вахтаг Беридзе.

Преемственность новыми поколениями научных работников основ науки и духовности, которые заложил Г.Чубинашвили, стали залогом дальнейших успехов института.

Несмотря на трудности и перипетии, здесь ни на один день не прекращалась научная работа, что вывело грузинское искусствоведение на международный уровень. Изучение памятников дохристианской и раннехристианской культуры, средневекового зодчества и живописи, жилой архитектуры, искусства грузинской эмали, чеканки, процессов становления и развития нового и новейшего искусства, определение роли и места грузинского искусства в контексте мировой культуры были и остаются основными приоритетами деятельности института. Эта углубленная исследовательская работа не замкнула ученых в «башне слоновой кости» - международные и республиканские конференции, симпозиумы и семинары, тесные контакты с коллегами из Армении, России, Италии, Франции, США, публикации научных трудов, педагогическая деятельность, популяризация грузинской культуры придают их деятельности важное общественное значение.

Рубеж 1991-1992 гг. стал подлинной трагедией когда буквально через несколько месяцев после переезда института в собственное здание (до этого располагался в нескольких комнатах в здании Исторического музея Грузии им. С.Джанашиа) на улице Леси Украинки, в результате вооруженных столкновений в Тбилиси, он был полностью уничтожен пожаром. Так, погибли значительная часть научного и документального материала, которые сотрудники скрупулезно собирали в течение полувека; богатейшие фонды памятников архитектуры – обмеры, чертежи, рисунки (в т.ч. оригиналы Е. Лансере и Н.Северова), вся фонотека, тысячи негативов, фотографий, слайдов не только существующих, но и полностью или частично утраченных памятников культуры, библиотека. И, тем не менее, после всех ударов судьбы, буквально из пепла и руин, институт сумел возродиться.

В 2005 году он перешел в подчинение Министерства культуры Грузии, что дало новое направление и стимул дальнейшего развития. Институт получил название Национального исследовательского центра истории грузинского искусства и охраны памятников им. Г.Чубинашвили. В процессе реорганизации к основным отделам института была присоединена фотолaborатория имени С.Кобуладзе, и что очень существенно, сохранен основной научный потенциал, приняты на работу новые сотрудники – выпускники Академии художеств, ТГУ, Института культуры. В 2009 году центр возглавила выросшая в его стенах ученый, доктор наук Мариам Дидебулидзе.

За несколько лет деятельности в новом статусе ученые издали сотни научных и научно-популярных изданий – монографий, альбомов, статей, провели ряд сессий, конференций, организовали выставки и презентации. Сотрудники центра систематически принимают участие в общественной жизни страны: на страницах журналов и газет, в радио- и телепередачах ставят проблемные вопросы культуры, искусства и архитектуры.

Свой юбилей осенью этого года центр отметил двумя международными научными конференциями. Последняя была посвящена вопросам нового и современного грузинского искусства. Само название

ее «Память, искусство и история искусства в поисках идентичности» указывает на актуальность стоящих перед участниками конференции задач. В работе конференции приняли участие ученые различных областей культуры-искусствоведы, историки архитектуры, специалисты в области кино и музыковеды из многих научно-исследовательских центров и вузов не только Грузии, но и гости из США и России.

Работа конференции выявила ряд особенно острых проблем. В первую очередь, необходимость охраны и реконструкции исторической городской среды (доладчики Майя Мания, Грузия, Талин Григор и Мэри Кей Джуди, США); вопросы формирования музейных коллекций (С.Хромченко, Россия); возникновение новых художественных реалий на постсоветском пространстве (Н.Геташвили, Россия), также были освещены исторические аспекты развития грузинского кино, сценографии, станковой и монументальной живописи...

Большой интерес собравшихся вызвали представленные доктором искусствоведения М. Цицишвили ранее неизвестные произведения выдающегося грузинского живописца Гуго Габашвили. Наряду со старшими коллегами в работе конференции приняли участие молодые ученые Т.Белашвили, Н.Чинчараули, А.Шаншиашвили, Г.Папашвили...

В конференц-зале Института Гете, где проходила конференция, присутствовали не только ученые, но и студенты, и те люди, для которых вопросы грузинского искусства являются сферой непрофессиональных интересов. Живое обсуждение докладов вышло далеко за регламент работы конференции. Она продемонстрировала высокий научный потенциал грузинских искусствоведов и историков искусства, большую заинтересованность зарубежных ученых и широкой общественности. Надо отметить прекрасную организационную работу, которую провели директор центра М.Дидебулидзе, заведующая отделом нового и современного искусства М.Гачечиладзе, сотрудники М.Чихрадзе, М.О'клеи, Т.Белашвили, Л.Зедгинидзе. Финансовую поддержку центру оказали Посольство США в Грузии, Министерство культуры и охраны памятников, Институт Гете.

Следует подчеркнуть ту особенность деятельности центра, которую в очередной раз продемонстрировала конференция – значение человеческого фактора. Атмосфера высокой духовности, коллегиальности и дружелюбия, это тот необходимый благоприятный фон, без которого вряд ли возможны научные достижения; и это самое важное наследие Г.Чубинашвили. Несмотря на то, что официально институт носит другое название, его сотрудники продолжают с гордостью говорить: «Мы работаем в институте Чубинашвили».

На юбилейной конференции

Марина МЕДЗМАРИАШВИЛИ

НЕ ЛЕТИ ТАК, ЖИЗНЬ...

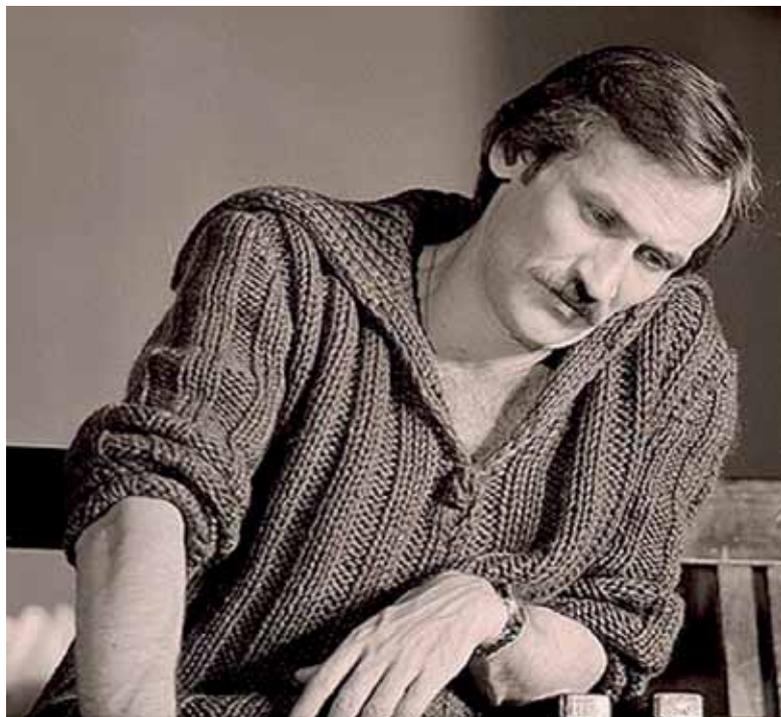
24 декабря исполнилось бы 65 лет Леониду Филатову – замечательному артисту и литератору.

Сегодня это имя знают все, кто ценит хорошую литературу. А широко известным оно стало, конечно, в 1979 году, когда по экранам страны триумфально прошел фильм Александра Митты «Экипаж», где Филатов исполнил одну из главных ролей. Хотя театралы и раньше заметили талантливого артиста с Таганки, который сыграл Горацио в «Гамлете», выходил на сцену в спектаклях «Мастер и Маргарита», «Вишневый сад», «Дом на набережной», «Пристегните ремни», «Пугачев», «Антимиры», «Павшие и живые». А записи его пародий в авторском исполнении достать было так же трудно, как записи бардов и подпольных рок-групп. Затем Филатов играл в картинах у К.Худякова, С.Соловьева, К.Шахназарова, Э.Рязанова, и было очевидно, что на экране работает тонкий и яркий, умный и вдумчивый мастер. Написав сказку «Про Федота-стрельца, удалого молодца», Филатов, можно сказать, пошел в народ, потому что ее моментально растащили на цитаты, которые и сейчас остаются живыми и злободневными: «Утром мажу бутерброд - сразу мысль: а как народ? И икра не лезет в горло, И компот не льется в рот!», «Чтоб худого про царя Не болтал народ зазря, Действуй строго по закону, То бишь действуй втихаря», «Гордый профиль, твердый шаг, Со спины — дак чистый шах! Только сдвинь корону набок, Чтоб не висла на ухах!»...

Леонид Филатов ушел в 56 лет. Поклонники с волнением и горечью следили, как любимый артист борется с болезнью. Он продолжал работать – писал стихи и пьесы (точнее, диктовал их своей супруге Нине Шацкой), снимал цикл телевизионных передач «Чтобы помнили ...» об ушедших актерах... Страдал, но оставался спокойным и сосредоточенным. О многом сожалел и считал свою болезнь наказанием за грехи. «Я убежден, что жизнь справедлива ко всему,- говорил Филатов. - Если Бог дает такие испытания, значит, так надо. Многие религии утверждают, что болезни даются за грехи... Я много об этом думал. Я не святой. Меня было за что наказать».

Мы не знаем и знать не хотим, в чем себя считал виноватым Филатов. Потому что нам есть, за что помнить и за что любить.

В мае 1987 года Московский театр «Современник» привез в Тбилиси два спектакля - «Кто боится Вирджинии Вульф?» и «Дилетанты». Вернее, «Дилетанты» спектаклем назвать трудно, это был авторский вечер трех пишущих артистов – Валентина Гафта, Вениамина Смехова и Леонида Филатова. Нечто в таком стиле тбилисцы уже видели в 1979 году, когда Театр на Таганке показал «В поисках жанра» - вечер Валерия Золотухина, Леонида Филатова и Владимира Высоцкого.

Леонид Филатов

В 1979-м Филатов читал свои знаменитые пародии на известных советских поэтов, а в 1987-м - сказку «Про Федота-стрельца...». «Дилетанты» шли с огромным успехом, но сказка Филатова имела успех просто ошеломляющий.

Леонид Алексеевич встретился с корреспондентом Грузинского радио в одной из гримуборных Грибоедовского театра, на сцене которого коллеги артиста играли пьесу Эдварда Олби. Мне в силу профессиональных обстоятельств доводилось беседовать со многими известными артистами, и могу засвидетельствовать, что Леонид Филатов и сегодня остается образцом корректности, доброжелательности и терпимости по отношению к собеседнику. Как редко эти качества встречаются, как их не достает...

Предлагаем нашим читателям те фрагменты беседы, которые никогда не звучали в эфире и нигде ранее не публиковались.

- Какое место в вашей жизни занимают занятия литературой и как давно вы ею занимаетесь?

- Я пошел в первый класс и закончил десятилетку в Ашхабаде. Очень далеко от всех транзитных путей. Но тем больше в этих краях, особенно в те времена, была жадность до информации, до всего того, чем жили Москва, Ленинград, искусство, литература... Туркмения была землей, очень ущемленной в том, чтобы приезжали театры. Редко выпадала возможность что-то увидеть вживую. И мы, естественно, с большей энергией вылавливали информацию везде, где только

можно было – в кино, журналах, газетах, по радио, на телевидении. Я писал в Ашхабаде очень много, еще в школьный период, – стихи, переводы местных туркменских поэтов, и уже было готовил книжечку к изданию в Туркменгосиздате, во всяком случае, вел серьезные разговоры на эту тему. Но та книжечка не случилась... Ехал я в Москву поступать на режиссерский факультет ВГИКа. Я был человек пишущий, и это тоже определяло мое тогдашнее намерение, но я тогда про это ничего не понимал, а думал только про, скажем, Анджея Мунка в кепочке и темных очках, Андрона Кончаловского, Андрея Тарковского – тогдашних моих кумиров. К слову сказать, Андрей Тарковский остался кумиром и на поздние времена, и на позднейшие, вплоть до его печальной кончины... Совершенно неожиданно для себя поступил на актерский, причем написал и стихи, и прозу, которые читал на экзамене. Басню назвал одной из сказочек Феликса Кривина, которая оказалась под рукой. Сдал экзамены и остался учиться на артиста... Но продолжал писать стихи. В соавторстве с Владимиром Качаном мы написали много песен.

- «Оранжевого кота» пели все...

- Да... После окончания театрального училища имени Щукина, меня приняли в Театр на Таганке. Но в театре работы было мало, кино на меня не обращало внимания, и я стал писать для телевидения, сделал несколько инсценировок и телевизионных пьес, в которых впоследствии и сам играл. Кое-что печатал, кое-что нет, но это не было принципиальным, пока я не стал заниматься более основательно пародиями и пока не сделал сказочку «Про Федота-стрельца» – вот это было уже собственно литературное занятие. Я считаю, что сделано немного, и, конечно, в этом деле я все равно дилетант, правильно называется наш авторский вечер – «Дилетанты». Наша профессия настолько бездонная, что хватило бы жизни только на одну эту профессию, а письменный стол – вещь ревнивая... Разгоняюсь я долго, работаю дотошно, долго, медленно. Достаточно сказать, что «Про Федота-стрельца» я делал в течение четырех лет – видите, насколько медленно? Отсутствие времени, с одной стороны, а с другой – желание тщательности.

- Что у вас сейчас в работе?

- У меня наполовину сделана стихотворная пьеса «Да здравствует чума!» по мотивам «Декамерона», да все откладываю и откладываю. Тем более, что ее очень сильно девальвировали пришедшие нынешние времена – то есть многое моментально устарело. Мне было печально расставаться с написанным, но что же делать? Значит, надо переделывать применительно ко времени или опираться на вечные категории, а не на такие легкомысленно-социальные установки, которые были у меня в тексте (В законченном виде произведение получило название «Новый Декамерон, или Рассказы чумного города. Театральная фантазия на темы Джованни Боккаччо» - Н.З.). И еще есть одна идея – сказка по мотивам русского фольклора «Про то, как Иван-дурак за правдой ходил». Я уже было сел за это дело, но еще не нашел интонации, не нашел точной формы. Это должна быть социальная, политическая сказка-комедия с элементами пародии. Но пока я хожу вокруг да около.

- Вы, популярный и любимый артист, разрываетесь между двумя очень ревнивыми профессиями. Почему все-таки продолжаете писать?

- Как сказать... Артист – это человек, говорящий чужим голосом не свои мысли. На каком-то этапе жизни

хочется высказаться лично, своими словами. И хочется быть чуть-чуть больше, чем просто артистом. Я очень люблю свою профессию, но, к сожалению, природа ее такова, что она управляема, вторична, и подчиненность автору, режиссеру – это ее компонент, от этого никуда не денешься. Все равно артист – исполнитель. Если не сказать хуже – в отдельных ситуациях и просто раб в зависимости от режиссера, от его диктата. Естественно, хочется освободиться, но при этом и профессию не поменять. Так что за письменным столом я себе устраиваю вольницу.

- То, что и как вы пишете, – профессионально. Почему вы отказываетесь от слова «профессионал» и называете себя дилетантом?

- Это было бы нескромно. Хотя я не из кокеток и понимаю: что-то делаю весьма прилично, а что-то хуже. Но на сегодняшний день в стране такое количество талантливых людей... Например, я обожаю Олега Чухонцева, считаю его поэтом экстра-класса. Люблю Беллу Ахмадулину, Давида Самойлова, Булата Окуджаву, многое у Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского, несмотря на все претензии, высказываемые в их адрес. Сейчас многие высказывают претензии в адрес своих кумиров, это стало модным. Но это люди моей юности, которых я люблю, и не хочу предавать того этапа, когда я был ими обольщен, когда у них учился, зачитывался ими. Это часть моей биографии, моей жизни. Это люди, так или иначе оказавшие на меня воздействие, и я знаю, что они в своем писательском ремесле – профессионалы. Но это слишком постное слово. Сказать про поэта, что он профессионал – какая-то ерунда получается. Поэт – это человек, одаренный милостью божьей. С одной стороны, равняться с ними мне вроде бы глупо. А с другой стороны, надо все время иметь перед собой некий если не фетиш, то уровень для того, чтобы имело смысл садиться за стол и не писать в безнадежность, зная, что все равно ты по счету 5 миллионов 264 тысячи 332-ой. Это угнетает, не дает возможности творчески работать. Во всяком случае, если хотя бы какие-то строчки мои выживут, уцелеют, это будет замечательно. И тогда пусть кто-то скажет: «А знаете, не такой уж он был дилетант». Это будет приятнее, чем если я сам про себя, как тетерев, буду распространять слухи о том, что я большой писатель. Время все расставит на свои места. Но у меня есть ощущение, что планка сегодняшнего литературного уровня находится на такой высоте, что я до нее не допрыгиваю...

- У меня иное мнение, но доверимся времени... Леонид Алексеевич, а почему вы обращаетесь к темам из русского фольклора?

- Фольклорная основа – это живое дело, оно будит фантазию. К тому же гораздо легче оснащать уже готовую структуру своими собственными мыслями, видоизменять форму, создавать диффузию между современным сленгом и фольклорной речью, нежели выдумывать фактуру на пустом месте. У меня были опыты и совершенно самостоятельных пьес (Л.Филатов – автор пьес «Пестрые люди», «Часы с кукушкой», «Художник из Шервудского леса» - Н.З.). Да и сказка «Про Федота-стрельца» достаточно самостоятельна. Но в ней есть опора, традиции, в ней есть на кого сослаться, есть отсвет тех или иных имен. Не хочу быть бесстыдником и называть эти высокие имена – вроде бы я тут в параллель поспешаю. Но ведь что-то оказывает на нас воздействие, когда мы садимся за письменный стол и берем некую фольклорную основу, которую уже придумал, наговорил народ и стилизовало огромное количество поэтов до нас – от Ершова до Кирсанова.

Поэтому есть какие-то известные вещи, от которых я отталкиваюсь. Я не ставлю перед собой задачу сделать нечто, совсем ни на что не похожее. Я хочу, чтобы это было услышано. И чтобы, по возможности, моего там было больше, чем постороннего.

- Сейчас очень много пишут о Владимире Высоцком, его имя стало легальным, и я не могу удержаться и не спросить вас о нем. Каково ваше отношение к Высоцкому как к поэту и менялось ли оно с годами?

- Да, менялось. Когда я пришел в Театр на Таганке, то по молодости лет, по безоглядной отваге, если не сказать наглости, подвергал пересмотру все объективные истины и репутации кумиров. Я считал, что сам многое умею. И только со временем начинаешь понимать, что не так-то просто привлечь к себе внимание вообще. Даже в таком искусстве, как кинематограф, добиться, чтобы тебя чуть-чуть запомнили, узнавали, - дело очень сложное. А уж для того, чтобы обратить на себя внимание в таком деле, как литература, нужно действительно делать что-то мощное. Тогда я очень легкомысленно относился к этому. Мне казалось - ну, Владимир много пишет, ну, владеет словом, но есть поэты и поталантливее. Тут я делал первую ошибку, потому что как только я начинал сопрягать Владимира Высоцкого с Тютчевым или Анненским, тут же возникал абсурд. Нельзя поэтов мерить, их вообще нельзя сравнивать, даже работающих, как тебе кажется, на одном поле, в одном направлении. Есть плохие поэты, то есть не поэты, и есть поэты. Ранговые категории не работают. Только со временем, на третьем году работы в театре, много общаясь с Владимиром и видя, как от него расходятся волны и славы, и магнетизма, я начал понимать, что он, конечно, явление - колоссальное, непростое, требующее изучения, а не верхоглядного к себе отношения. Все знали, что он талантлив, знаменит, невероятно обаятелен. Но не будем лукавить и кривить душой, только похороны, как это ни трагично звучит, только трагический вакуум, образовавшийся после его смерти, объяснил многим, какое это явление под названием Владимир Высоцкий, каких же неохватных параметров было оно, как же он был необходим стране. Не знала истинных параметров даже Марина Влади, я стопроцентно в этом убежден, потому что мы с ней разговаривали на эту тему. Не знали его родители. Естественно, не знали и мы, хотя терлись, как говорится, бок о бок в течение многих лет. Мы допускали пробегать мимо, когда Володя стоял со стайкой артистов и наигрывал песню, которую только-только сочинил и пробовал на слушателях, какую она будет иметь реакцию. Мы пробегали мимо - казалось, завтра услышим, послезавтра... Не было ощущения его уникальности при жизни. И только смерть это объяснила.

- А что сейчас значат для вас его стихи? И значат ли что-нибудь?

- Он грандиозный русский поэт и языковорец. Хотя после его смерти долгое время я слушать его не мог. Как только включал запись, со мной что-то происходило. Я никак не мог отстраниться... Вообще, мы все были так раздавлены его смертью, что полгода просто болели. Мы были оглушены... Мы не могли работать. А уж про то, чтобы писать, и говорить не приходится. Только когда время немного отдалило трагедию, мы позволили себе как-то говорить о Володе. Я и стихотворение, посвященное Владимиру, никак не мог сделать. Прошли годы, прежде чем я рискнул, потому что мне казалось кошмарным, что я буду сидеть и вытаскивать строчки...

Нина ЗАРДАЛИШВИЛИ

Леонид ФИЛАТОВ

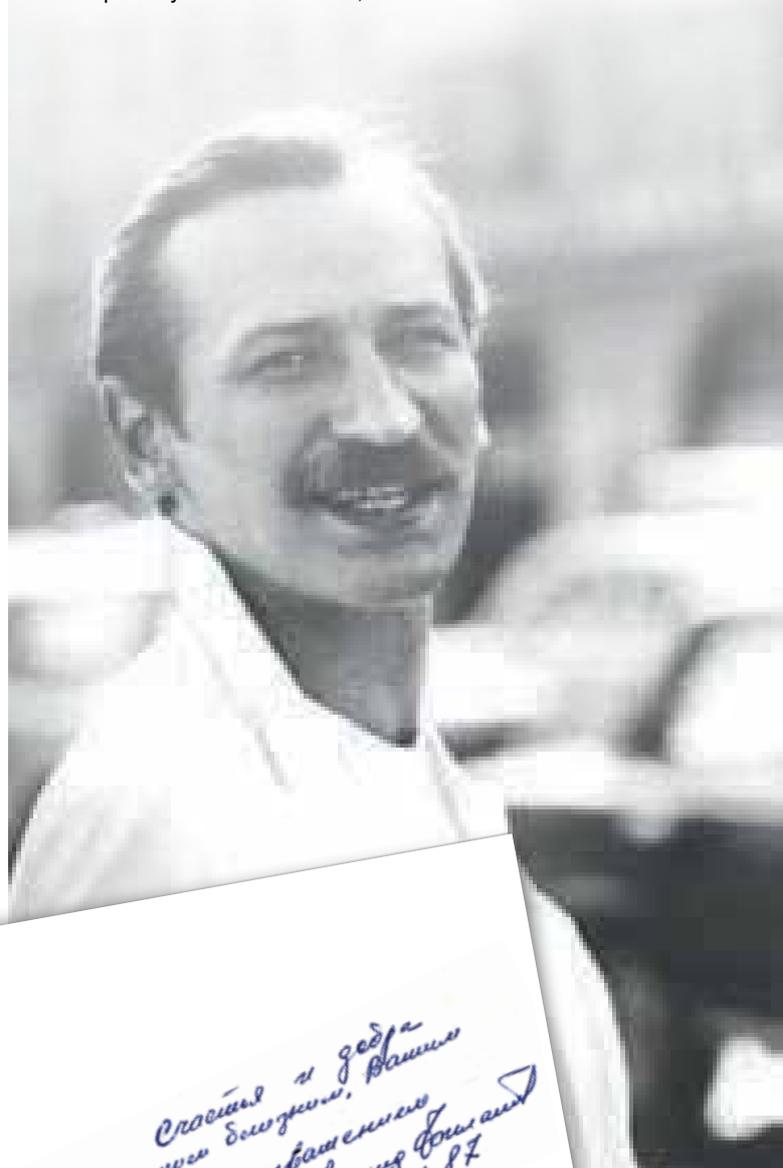
О, не лети так, жизнь, слегка замедли шаг.
Другие вон живут, неспешны и подробны.
А я живу - мосты, вокзалы, ипподромы.
Промаживая так, что только свист в ушах.

О, не лети так, жизнь, уже мне много лет.
Позволь перекурить, хотя б вон с тем пьянчужкой.
Не мне, так хоть ему, бедняге, посочувствуй,
Ведь у него, поди, и курева-то нет.

О, не лети так, жизнь, мне важен и пустяк.
Вот город, вот театр. Дай прочитать афишу.
И пусть я никогда спектакля не увижу,
Зато я буду знать, что был такой спектакль.

О, не лети так, жизнь, я от ветров рябой.
Мне нужен этот мир как следует запомнить.
А если повезет, то даже и заполнить
Хоть чьи-нибудь глаза хоть сколь-нибудь собой.

О, не лети так, жизнь, на миг хоть задержись.
Уж лучше ты меня калечь, пытай и мучай.
Пусть будет все - тюрьма, болезнь, несчастный случай.
Я все перенесу. Но не лети так, жизнь.

Спасибо за доброту,
Ваша
с уважением
Ольга Волынец
май 87

МАСТЕР

В ноябре, через много лет после смерти Отара Гордели, установлена мемориальная доска на доме, где в 1928 году родился композитор, по адресу: улица Читадзе, 10. По инициативе Союза композиторов Грузии и вдовы композитора пианистки Лали Микава. Это – знак любви и уважения, дань памяти человека, который, как и его опустелый, опечаленный дом, стал жертвой безнравственности, равнодушия и несправедливости. Дом выстоит, как выстояла его музыка, как Концерт для флейты, постоянно звучащий в исполнении выдающихся исполнителей мира.

Мы публикуем статью вице-президента Дворянского общества Грузии Ии Багратион-Мухранели.

У грузинского композитора Отара Гордели неординарная судьба как в творчестве, так и в жизни. Сейчас ему было бы 83. Ушел он внезапно и горько, испив чашу страданий, неприятия, предательства, ушел никого не обидев, не огорчив жестокостью. На редкость мягкий, деликатный человек, он не выносил интриг, ссор, бесчестности, был символом достоинства и доброты.

Среди музыкантов 50-х годов он утвердил себя профессионально будучи студентом Тбилисской государственной консерватории им. В. Сараджишвили (в классе профессора И.И. Туския). Его композиции выделялись самобытностью, синтезом традиционного мелодизма с современными ритмами, полифоничностью (кстати, О. Гордели – один из основоположников джаза в Грузии).

Фортепиано было не просто инструментом, озвучивающим музыкальные фразы сердца, вдохновения. Инструмент был другом, учителем, маэстро, предсказывающим все взлеты и падения будущих сочинений: миниатюр, пьес, концертов. Virtuозное владение клавиатурой, талант мелодиста обусловили его интересы на фортепианном отделении в классе профессора А.Д.Вирсаладзе. Затем аспирантура в Московской консерватории, которую он закончил в 1955 году.

Несмотря на открывающиеся творческие перспективы, он рвался на родину. Его звал Тбилиси, родной Сололаки. Со старым двухэтажным домом на улице Читадзе были связаны детство и юность, первые шаги в искусстве. Здесь он сформировался как автор Фортепианного концерта (1949), Концерта для флейты (1957), Пассакалии для симфонического оркестра (1964). Здесь писал увертюры, оперетты, эстрадные песни, музыку к кинофильмам. Думал, чувствовал, любил, преподавал...

В течение 23 лет был бессменным председателем созданного им Музыкального и хореографического общества Грузии, крестным отцом прославленных народных хоров и ансамблей, околдован, очарован традициями грузинского многоголосия, был профессором Грузинской государственной консерватории, где вел класс полифонии, позднее – директором дома-музея З. Палиашвили.

Отар Гордели тонко чувствовал как глубинную суть музыки, так и духовные порывы окружающих его людей, был удивительно строг к себе. На редкость

Отар Гордели

На открытии мемориальной доски

скромный, неприятельный человек, мягкий и терпеливый с друзьями, учениками, он становился суровым, непреклонным, сталкиваясь с торжествующей бездарностью в искусстве. Превращался в воина, сражавшегося за чистоту музыкальных фраз и интонаций.

Его официальная биография без орден и правительственных наград, почетных званий и постов, упоминается в абзаце энциклопедического справочника.

Биография души и анализ творчества вошли в партитуру музыкальной жизни поколения 50-ых, сокровищницу грузинской музыки.

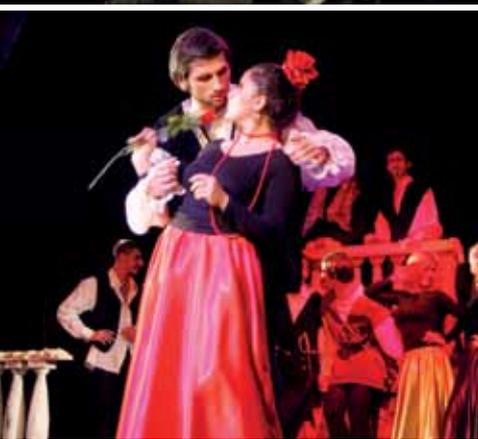
Журнал «Музыка» – орган Союза композиторов Грузии (№2-3, 2009 г.) писал: «Примечательно, что жизнь произведений Отара Гордели продолжается именно на международной арене, что особенно касается его известного Концерта для флейты. Например, почти во всех штатах США в высших музыкальных учебных заведениях это произведение входит в обязательную программу, звучит на всех конкурсах и исполняется на концертах несколько раз в год. Чикагский государственный оркестр имел это произведение в репертуаре на протяжении 30 лет (солист – известный флейтист Вилфрид Куджала). Замечательным, само по себе сенсационным явлением стал тот факт, что в Вашингтоне на объединенном концерте Сиэтлского и Тарфильдского оркестров, где звучала музыка Чайковского, Римского-Корсакова, Сибелиуса, концерт открылся флейтовым концертом Отара Гордели, солист Рейцид Петер».

Мастер, даже уйдя из жизни, сражается с бездуховностью, с дурным вкусом и предательством. Остается вечно молодым по музыкальным интересам, новаторству, романтической одухотворенности.

Ии БАГРАТИОН-МУХРАНЕЛИ

ДВА ГОДА СПУСТЯ

Фрагменты из спектакля студии «Золотое крыльцо»

Два года минуло с тех пор, как президенту Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб» Николаю Свентицкому пришла идея организовать при Грибоедовском театре студию юного актера.

Обучение в студии «Золотое крыльцо» осуществляется на русском языке. Главный адресат творческих экспериментов «Золотого крыльца» - русскоязычная публика. «Золотое крыльцо» насчитывает сегодня 60 студийцев в возрасте от 11 до 25 лет. Всех их объединяет любовь к театру.

Свое двухлетие студийцы отметили спектаклями – они были даны в Малом зале Грибоедовского театра 7, 8 и 9 ноября. Была представлена «ретроспектива» двухлетних трудов юных актеров – фрагменты спектаклей, выпущенных студией за этот период, инсценировки по рассказам Чехова, Куприна, Гоголя, пьесам Тихона и Тины Влади.

Студийцы порадовали зрителей и новыми работами. Постановка по сказке Ганса Христиана Андерсена «Ганс-Чурбан» адресована детям младшего школьного возраста. Оригинальная музыка постановки была создана известным грузинским композитором, музыкальным руководителем студии Тенгизом Джагани.

«Испанские картинки» - музыкально-поэтическая «зарисовка» жизни Испании, какой предстала она в произведениях русских поэтов – Пушкина, Лермонтова, Баратынского, Бальмонта, Тютчева, Брюсова. Инсценировка «Испанских картинок» создана художественным руководителем театра-студии «Золотое крыльцо», заслуженной артисткой Грузии Ираидой Квижинадзе.

Танцы, поставленные хореографом Гурамом Метревели, - не просто колористическая составляющая, они имеют свой особый самостоятельный голос, звучащий не обособленно, он неотъемлемая часть единого целого – этой театрально-поэтической «полифонии».

Сцена дуэли прибавляет действу яркости и выразительности. Оттачивал туше «золотокрыльцовцев» Христо Пилиев и, надо сказать, «выясняют отношения» воспитанники учителя, весьма убедительно. Обратила на себя внимание еще одна «дуэль». Музыкальный номер a la Spagniol, исполненный дуэтом гитаристов, воспитанников «Золотого крыльца» Георгием Меликидзе и Артуром Кочаряном - яркий «мазок» на полотне, созданном режиссером Ираидой Квижинадзе.

«Для меня русский и грузинский языки – родные с детства. К сожалению, сегодня все реже встретишь в Грузии молодого человека, прилично владеющего русским. На мой взгляд, существование в Тбилиси театра-студии «Золотое крыльцо» - своеобразная лепта в дело сохранения в Грузии ценностей русской культуры и русского языка, для грузинской молодежи – стимул для знакомства с произведениями великих русских классиков», - считает Михаил Арутюнов, учащийся студии «Золотое крыльцо».

Спектакли театра-студии «Золотое крыльцо» посетили члены клуба русского языка под руководством Елены Сопромадзе, представители Ассоциации украинцев, проживающих в Грузии, юные прихожане Евангелическо-Лютеранской церкви, группа подростков из неправительственной организации «Осторожно, дети», а также многочисленные гости – родители, друзья и знакомые учащихся студии «Золотое крыльцо», пришедшие поддержать студийцев.

Пожелаем студийцам и их руководителю новых творческих успехов!

Юлия СИБЕРСКАЯ

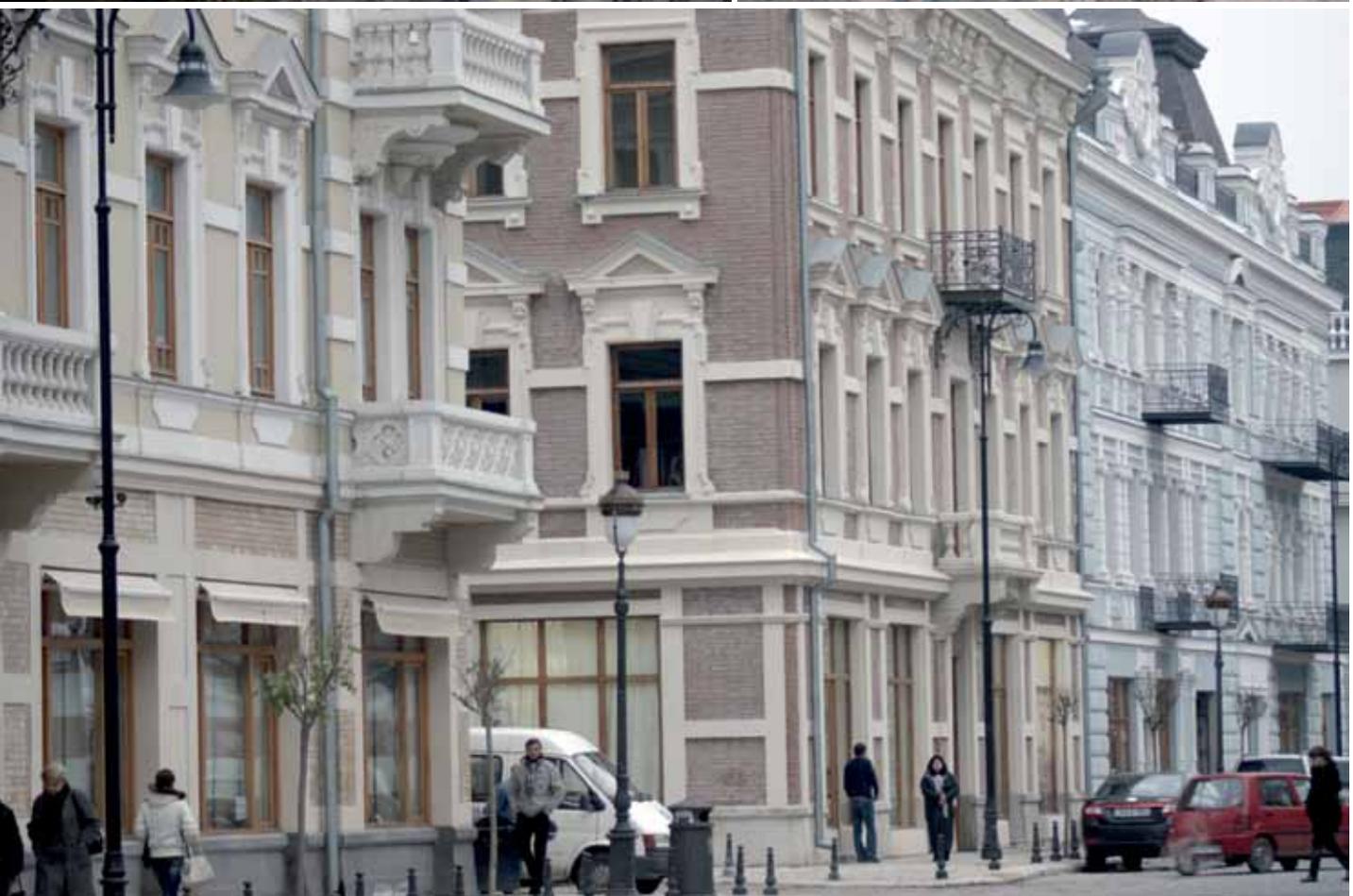

Фото Александра Сватикова

Обновленный проспект Давида Агмашенебели в Тбилиси

